

Учредители:

Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
Институт географии Санкт-Петербургского
государственного университета
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:

Смоленский гуманитарный университет

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати РФ**

Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

**Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК****Главный редактор:**

д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н., Артоболевский С.С. (Москва)

к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); акад. РАН, д.г.н.,
проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.э.н., проф.
Вишневский А.Г. (Москва); проф. Лентц С. (Герма-
ния); член-корр. РАО, д.г.н., проф. Гладкий Ю.Н.
(С.-Петербург); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С.
(Москва); д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва); проф.
Кришьяне З. (Латвия); д.г.н., проф. Лаппо Г.М. (Мо-
сква); д.г.н., проф. Мироненко Н.С. (Москва); д.г.н.,
проф. Пирожник И.И. (Беларусь); д.г.н., проф. Федо-
ров Г.М. (Калининград)

Редакционная коллегия:

д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); д.э.н.,
проф. Бильчак В.С. (Калининград); д.э.н., проф.
Вардомский Л.Б. (Москва); д.э.н., проф. Воробьева
О.Д. (Москва); к.г.н., доц. Ковалев Ю.П. (Смоленск);
д.г.н., проф. Кочуров Б.И. (Москва); д.г.н. Мажар Л.Ю.
(Смоленск); д.г.н. Потоцкая Т.И. (Смоленск); д.э.н.
проф. Регент Т.М. (Москва); д.г.н., проф. Родионова
И.А. (Москва); проф. Розите М. (Латвия); д.г.н., проф.
Смирнягин Л.В. (Москва); д.г.н., проф. Ткаченко А.А.
(Тверь); д.э.н., проф. Фатеев В.С. (Беларусь); д.г.н.,
проф. Шарыгин М.Д. (Пермь)

Ученый секретарь:

к.г.н., доц. Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68-36-88
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 17.02.12 г.
Формат 70x108 /16. Гарнитура «Times»
Тираж 300 экз.

№ 1 (35), 2012

Отпечатано:

ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: uni@shu.ru

ISSN 1994-5280

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Основан в феврале 2001 года
Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	3
Аксенов К.Э., Яралян С.А. Идеологизация пространства с использованием городской топонимики в странах СНГ	3
Axenov K.E., Yaralain S.A. Ideological reloading of cityscape with the use of toponimics in cis countries	3
Аношкина Е.Л., Карпович Ю.В. Человеческий капитал как компонент территориального капитала	12
Anoshkina E.L., Karpovich Y.V. Human capital as a component of the territorial capital	12
Гладкий А.В. Современные научные концепции регионального менеджмента и региональной политики	19
Gladky A.V. Modern scientific concept of regional management and regional policy	19
Дадов А.Т. Применение межотраслевого баланса для выявления территориально-производственных комплексов (на примере промышленности США)	27
Dadov A.T. The use of input-output table for identifying territorial-production complex (for example the U.S. industry)	27
Пилясов А.Н., Замяткина Н.Ю. Сравнительный институциональный анализ как новый инструмент исследования проблем пространственного развития	34
Pilyasov A.N., Zamyatina N.Y. A comparative institutional analysis as a new tool for studying the problems of spatial development	34
ИСТОРИЯ НАУЧНОЙ МЫСЛИ	67
Булгакова А.И. Региональные исследования Российской империи XIX века: вопросы теории и практики	67
Bulgakova A.I. The regional researches of territory of the Russian empire of the nineteenth century: theory and practice questions	67
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ	73
Абросимова И.В. Генезис и развитие этнического пространства Курганской области: историко-географический аспект	73
Abrosimova I.V. Genesis and development of ethnic space of the Kurgan region: historical-geographical aspect	73
Колдобская Н.А. Оценка экологического состояния крупных городов России с помощью международных индексов	79
Koldobskaya N.A. Assessment of environmental status of large cities Russia with international index	79
Кузнецова С.Н. Транспортно-географическое положение сельских населенных пунктов Тверской области	84
Kuznetsova S.N. Transport-geographical location of rural settlements of the Tver region	84
Куркиева Х.М. Институциональные факторы территориальной дифференциации социально-экономических характеристик поселений (на примере Ингушетии)	94
Kurkueva X.M. Institutional factors of territorial differences of the socio-economical characteristics of settlements (for example Ingushetiya)	94
Магоматов Э.М., Решиев С.С. Социально-экономическая сфера Чеченской республики: состояние, проблемы и перспективы развития	102
Magomadov E.M., Reshiev S.S. Socio-economic sphere of the Chechen republic: of states, problems and development prespektivy	102
Никитас Д.В. Изучение внешнего информационного обеспечения бизнеса в Смоленской области	110
Nikitass D.V. Studying of the external supply with information of business in Smolensk area	110
Синиченкова С. Оценка потребности сельского хозяйства Смоленской области в технике	116
Sinichenkova S. Estimation of requirement of machinery in agriculture of Smolensk region	116
Фалевич А.С. Эколого-экономические проблемы в процессе управления утилизацией отходов (на примере Смоленской области)	119
Falevich A.S. Ecological and economic problems in the process of waste management (the example of the Smolensk region)	119
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА	124
Зюзин П.В. Пространственная трансформация сетей городского пассажирского транспорта в постсоциалистических странах ЦВЕ и бывшего СССР	124
Zyuzin P.V. The spatial transformation of urban transport networks in the post-socialist countries of Central-Eastern Europe and the former USSR	124
Горкина Т.И. Формирование азиатского энергетического рынка	135
Gorkina T.I. The formation of energy market of Asia	135
Борисенкова А.Е. Классификация стран Евросоюза по степени вовлеченности в международный туризм	146
Borisenkova A.Y. EU countries classification by the degree of their involvement in the international tourism	146
Потоцкая Т.И. «Посредники» на мировом алмазно-бриллиантовом рынке: Ближний Восток	150
Pototskaya T.I. «Mediators» on the world diamond market: Middle East	150
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	158
Ивану Ивановичу Пирожнику – 60 лет	158
Сведения об авторах	161

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

К.Э. Аксенов, С.А. Яралян (Санкт-Петербург)

ИДЕОЛОГИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ГОРОДСКОЙ ТОПОНИМИКИ В СТРАНАХ СНГ

Axenov K.E., Yaralayn S.A.

IDEOLOGICAL RELOADING OF CITYSCAPE WITH THE USE OF TOPONIMICS IN CIS COUNTRIES

Аннотация. В статье рассмотрен и описан процесс идеологизации городского пространства стран СНГ. Работа представляет межстрановое сравнение столичной топонимики стран СНГ, которая выступает индикатором процессов идеологизации в процессе национального строительства после распада СССР. Выявлены существенные различия в направленности и интенсивности идеологизации городского пространства среди стран СНГ.

Abstract. The article observes and describes the ideological reloading of cityscape of CIS capital cities. It presents cross-national comparison of capital cities toponymics in the CIS countries after dissolution of the USSR as indicator of nation building process. Substantial differences in direction and intensity of ideological reloading of cityscape among CIS countries were depicted.

Ключевые слова: идеологизация пространства, трансформация, национализация, городская топонимика, СНГ.

Key words: ideological reloading of cityscape, transformation, nation-building, city toponymics, CIS.

В постсоветский период городская среда на территории СНГ насыщалась новыми названиями, исторически и политически значимыми для независимых государств.

В данной статье предлагается названия улиц, площадей и других городских объектов рассматривать не только в культурном или гуманитарном измерении, но также и как идеологический ресурс.

Городская топонимика играет важную роль в изменении идентичности людей, в создании национальных ориентиров и идеологии. Особое влияние она оказывает на тех, кто вырос в городе, кто проходил различные стадии социализации в этой среде. Населению свойственно ассоциировать себя с географически, исторически близкими местами, имеющими те или иные названия, и через эксплуатацию таких названий можно непосредственно влиять на личную идентификацию.

Большинство людей не подвергают сомнению, хороши или плохи «герои» или события, названия которых обнаруживают на своих

улицах, в родных местах. В отличие от памятников, улицы и так называемый ареал обитания личности формируют основную часть личного опыта, личной идентичности [1]. Их имена часто принимаются как аксиоматически «естественные», и поэтому не могут быть «плохими». В период общественной трансформации, переживаемой постсоветским пространством, изучение содержательной составляющей процесса изменений в топонимическом пространстве городов, выявление основных идеологем и смыслов, заложенных в названиях городских объектов, представляется актуальным. Степень исследованности данной проблематики в нашей стране очень низка. Распространено изучение этимологии названий городских объектов, топонимических особенностей тех или иных районов, при этом увязка смыслового значения названий с проводимой политикой, оценка влияний названий на степень идеологизованности пространства, остается без должного внимания со стороны научного сообщества.

Под идеологией принято понимать в общем смысле – структурированную систему определенных (чаще политических, социальных или общественных) четко сформулированных положений и идей [2]. Можно определить «идеологизацию пространства» как процесс насыщения пространства идеями, установками различной направленности, закрепленными или не закрепленными материальными объектами. Идеологизации пространства – мощное оружие в руках властных структур, что проявляется в возможности транслировать через среду для жителей, соприкасающихся с этим пространством, идеологизированные версии истории, общественных ценностей, формировать нужные, выгодные кому-либо парадигмы. Термин «идеологизация пространства» редко использовался в отечественных исследованиях. Наиболее близко к нему подходит понятие идеологизации политического ландшафта Р.Ф.Туrowsкого: «идеологизация политического ландшафта с одной стороны является отражением политической культуры, а с другой призвана воздействовать на массовое сознание» [3]. Автор констатирует: «Большинство политических режимов пытается насытить ландшафт признаками своего присутствия и идеологическими символами (флаги, плакаты, монументы и др.).»

От гитлеровской Германии осталась сеть автобанов, а «черные полковники», придя к власти в Греции, стали широко использовать свой символ – птицу Феникс. Наиболее идеологизированными в истории XX века были политические ландшафты социалистических стран (памятники вождям, мавзолеи, многочисленные лозунги на зданиях и др.)» [3].

Городская среда чаще, чем сельская, выступает как центр диффузии инноваций, к которым, безусловно, можно отнести и смену официальной идеологии, сопровождающейся присвоением новых имен улицам, площадям, театрам, библиотекам и т.д. Столица – это один из символов всего Государства. Например, расхожие выражения: «рука Москвы» вместо «рука России», «Вашингтон требует» вместо «правительство США требует», – демонстрируют обособленную роль столиц среди всех городов страны. От того, какой именно город является столичным, зависит в значительной мере геополитическая, культурная, цивилизационная ориентация. Авторы полагают, что сосредоточение внимания на

изменениях названий объектов внутри столиц позволит наиболее точно определить основные закономерности процесса идеологизации пространства всей страны, поэтому фокус внимания направлен на изменения в урбонимах столиц стран СНГ.

В случае исследования процессов идеологизации на Украине, мы рассматриваем изменения в топонимах двух городов: Донецка, Львова. В 1993 году Самуэль Хантингтон описал Украину как расколотую страну потому, что в ней живут большие группы населения, относящие себя к различным цивилизациям, и страна сталкивается с проблемами сохранения своей целостности [4]. Политический раскол на территории Украины отчетливо прослеживается при анализе результатов выборов постсоветского периода: западная и восточная части страны регулярно голосуют диаметрально противоположно. Культурная близость к России находит свое отражение на Восточной Украине. На Западной Украине представлены сильные националистические настроения. Экономическая раздробленность страны выражена в концентрации основных промышленных центров на востоке страны. Киев располагается в центральной части страны. В нем сливаются различные тенденции в области идеологизации пространства и таким образом, он не является индикативным образцом для экстраполяции выводов на всю страну. Авторами включено в исследование изучение «столицы» Восточной Украины – Донецка и Западной Украины – Львова.

Главный вопрос, на который мы хотим ответить – как развивался процесс идеологизации городского пространства в странах СНГ в период постсоветской трансформации, каковы его основные тенденции и закономерности.

Основная (первичная) функция любого географического названия – адресная [5]. В этом назначении топоним служит структурированию территории для общественных целей. Параллельно с этим топоним содержит смысловую функцию. Наименования географических объектов могут отражать культурную, историческую особенность конкретной территории, конкретного народа.

Урбонимы – разновидность топонимов, использующаяся для наименования городских объектов. Каждое название городского объекта есть составная часть той или иной политико-культурно-просветительской

функции, задаваемой конкретными акторами (администрацией, общественными организациями и т.д.).

В работе рассмотрены разновидности идеологизации городского пространства, например, политизация среды, под которой понимается обогащение пространства наименованиями, отвечающие политическим интересам отдельных лиц или групп людей, а также названиями, демонстрирующими дружелюбное (негативное) отношение к другим политическим факторам (президенты, страны, международные организации).

Такой подход близок с взглядами Н. Паничишина на вопрос политизации: «Название улицы часто несет обычную, узконаправленную политическую цель: то есть через имена героев пытаются навязать определенные политические штампы и догмы и заставить людей в эти догмы насильно поверить. За этим внешне безобидным и благородным делом скрывается тонко рассчитанный и глубоко обоснованный механизм для незаметного моделирования сознания» [6].

Закономерности идеологизации городского пространства в странах СНГ

В советский период во всех странах активно присваивались городским объектам имена политических деятелей, олицетворявших социалистическую эпоху. Насыщение городской среды шло путем увековечивания народных героев, образцов для подражания, таких как Чапаев, Гагарин, Стаханов; деятелей отечественного и мирового революционного движения; руководителей партии и государства и др.. Параллельно развивалось в советской топонимике направление символизма, к чему можно было отнести появления улиц, названных в честь партсъездов, названий, содержащих слово «красное» и производные от него [7]. Результатирующим оказалось то, что любой человек, живший в СССР, приобщен к одним и тем же идеалам, у него на слуху одни и те же фамилии и имена, историю страны все видят под одним углом. Городская среда была задана советскими координатами и главное, что искажений, резких изменений в этой среде, за исключением естественных географических топонимов отдельных стран, на территории всего СССР не было. Страна оказывалась единой по идеологической насыщенности городского пространства. Такой

она и оставалась вплоть до распада. Процесс обретения независимости союзными республиками сопровождался реструктуризацией идеологических символов городской среды, но спустя почти 20 лет, можно однозначно утверждать, что тенденции в динамике изменений городских топонимов существенно различаются в разных странах СНГ. Правомочно классифицировать по ряду параметров страны СНГ, чтобы выявить общее и различное в преобладающих тенденциях идеологизации городского пространства.

Методика, на основе которой выполнена классификация в данной работе, основывается на экспертной оценке топонимических изменений. Очередность выполнения работ следующая:

1. Выявляется параметр классификации. Например, «отношение к советским названиям».
2. Рассматривается выборка преобразованных урбонимов, которые подходят под конкретный параметр (пункт №1). Такая аналитическая деятельность выполняется для каждого рассматриваемого города.
3. Выявляются инновационные процессы в городской топонимике, представленные в рамках изучения одного конкретного параметра для классификации. Например, при изучении параметра «отношение к советским названиям» выявлены процессы десоветизации и консервации.
4. Измеряется с помощью экспертной оценки интенсивность каждого процесса в каждом городе, и на основе этого дается качественная характеристика всей стране.
5. Все страны классифицируются по ряду параметров, что находит свое отражение в интегральных таблицах.

Совместное советское прошлое воспринималось по-разному в новых независимых государствах, что позволяет выделить четко два варианта отношения к советским топонимам, а соответственно два типа стран в период трансформации:

1. Страны, в которых происходила и происходит консервация советских названий, символов. Бережное отношение к советской истории на деле не означает полную неприкосновенность городских топонимов, а даже наоборот, возможно внесение изменений, как например, в Белоруссии и на востоке Украины, где дублирующиеся, часто повторяющиеся названия, особенно, в центральных частях столичных городов с легкостью убирались.

Основным маркером для выделения данного типа является фактическое наличие в городском пространстве советских названий. Такую интенсивность десоветизации мы считаем слабой, что и отражено в таблице 1.

2. Страны, проводящие широко политику десоветизации названий. Данный тип можно разделить на подтипы:

2.1. Полная десоветизация, характерна для государств СНГ, в которых власти стремятся максимально эффективно ликвидировать любые атрибуты советского прошлого из названий городских объектов (интенсивный тип в табл. 1).

2.2. Выборочно-национальная десоветизация, с элементами «индальгенции» по отношению к части коммунистических деятелей, представлена в странах, где преобладающее большинство советских названий сменили на национально-идентифицирующие, но при этом сохраняются отдельные вкрапления советских названий. Яркой отличительной чертой данных стран является факт увековечивания или сохранения с советских времен имен политических деятелей коммунистического режима титульной национальности. Страны, которые отрекаются от советского прошлого, но при этом чтят своих, в прошлом, коммунистов, заполнили данную группу (умеренный тип в табл. 1).

Общемировая традиция – называть годонимы¹ в честь деятелей культуры, внесших вклад в литературу, музыку, живопись, режиссуру и т.д. Для национальной культуры каждого государства СНГ природа своей страны выступает в качестве «поэтического пространства», апелляция к которому особенно характерна для национализма. Представление о Родине, о героях этой Родины, которые транслируются в новых урбонимах – это форма национализации пространства.

В советское время «общегосударственным» героям от культуры уделялось особое внимание, а вот имена личностей, имеющих культурно-историческое значение для отдельных национальностей, представленных в СССР, были на втором плане. Процесс самоидентификации каждой народности требует исторической памяти, которая отчасти проявляется в увековечивании деятелей культуры – представителей своего этноса. Запрос на это недостаточно удовлетворялся в

советское время, поэтому с обретением независимости во всех без исключения странах СНГ развернулось массовое присвоение имен национальных деятелей культуры улицам, площадям, скверам, станциям метрополитена. Для данного исследования важность имеет не столько констатация факта, что национально-идентифицирующие названия стали активно внедряться в городское пространство, сколько вопрос: как при трансформации соотносились прежние названия с «новоделами», что происходило с многочисленными топонимическими вариациями на тему Пушкина, Тургенева, Лермонтова, когда появлялись улицы Абая, Маштоца, Шевченко? Варианты ответов на подобные вопросы оказались разными в разных странах, что и отразилось в классификации историко-культурной составляющей городского пространства. Мы считаем правомерным отделить данную группу переименований от рассмотренного далее процесса «национализации», поскольку деятели культуры, именами которых назывались урбонимы в советское и досоветское время, часто являлись гордостью мировой культуры, не имея прямого отношения к идеологии. В данном контексте интересно не столько появление имен прочих деятелей культуры (национальных и не только), сколько стремление избавиться от уже существующих. Мы зафиксировали следующие тенденции:

1. Консервация прежних названий с элементами включения национальных. В ряде стран появление названий, посвященных деятелям культуры своей страны, никак не отразилось на сохранении прежних названий. Порой убирались многократно повторяющиеся фамилии, такие как Горький или Белинский, но это, все же, частности (слабый тип историко-культурного этноцентризма в табл. 1).

2. Сочетание прежних названий культурного пласта прошлой эпохи в городской топонимике ряда государств, происходило с интенсивным, доминирующим наращиванием названий, увековечивающих деятелей культуры титульной нации. Отдельные элементы отечественной² культуры демонстративно сохранялись, причем не всегда на прежних местах (умеренный тип в табл. 1).

3. Наиболее агрессивные баталии в культурной плоскости городского пространства

¹ Годонимы – названия линейных объектов: улиц, переулков.

² В значении «староотечественной» культуры, которая было до момента обретения независимости в нач. 90-х г.

Таблица 1

Выраженность различных процессов, связанных с идеологизацией городского пространства в странах СНГ в постсоветский период.

Страна	Десоветизация	Историко-культурный этноцентризм	Политизация	Динамика изменений нейтральных названий	Гипертрофированность эпох	Степень влияния власти	Стапность переименований	«Национализация»	Геополитическая переориентация
Азербайджан	2	3	3	3	2	3	3	3	3
Армения	2	2	2	3	2	2	1	2	1
Белоруссия	1	1	1	2	2	3	1	1	1
Грузия	3**	1	3	3	2	3	1	2	3
Казахстан	3	2	2	3	2	3	3	2	3
Киргизия	2	2	2	3	2	2	2	2	3
Молдова	3	2	2	2	3	2	2	2	3
Россия	1	1	2	3	2	2	1	2	1
Таджикистан	1*	1	1	–	–	2	1	1	1
Туркмения	3	3	3	3	3	3	3	3	2
Украина Восточная	1	2	2	2	2	2	1	2	1
Украина Западная	3	3	3	2	3	3	3	3	3
Узбекистан	2	3	3	3	3	3	3	3	2

Примечание: 1 – слабая выраженность; 2 – умеренная выраженность; 3 – интенсивная выраженность; – – нет данных; * – с долей условности; ** – без учета имени Сталина.

развернулись в странах, где желание стереть все прошлое не имело границ. Таким странам присуще полное отторжение от прежних названий, разрыв культурных связей с историческим союзным прошлым (интенсивный тип в табл. 1).

Важным критерием дифференциации изменений в названиях объектов столиц стран СНГ в период независимости стала степень политизации городского пространства. Радикальный разрыв с прошлым в странах Закавказья, на Западной Украине символизировался разрушением памятников В. И. Ленину. Смена государственной идеологии в постсоветском Узбекистане выразилась в замене на одной из ташкентских площадей памятника К. Марксу на памятник эмиру Тамерлану. В то же время визуальный политический ландшафт Белоруссии отличается сохранением советской символики, традиционных для коммунистической эпохи памятников, что делает его типологически отличным от политического ландшафта, скажем, постсоветской Молдовы. Мы использовали следу-

ющие основания для классификации степени политизации городского пространства:

1. Интенсивная, характеризуется насыщением среды фамилиями видных политических деятелей как одной отдельной эпохи в истории страны, так и всего периода существования. Проявляется в странах, где основная направленность в переименованиях увековечить политических деятелей, или же политизировать среду, путем присвоения названий, для демонстрации своего отношения дружеского/враждебного по отношению к другим странам, народам.

2. Умеренная, выражена в желании отдельные, наиболее важные политические вехи для страны отобразить в топонимике города, но при этом самоцелью властей не является полное насыщение городской среды политизированными урбонимами. Для данной категории отличительно, что культурно-историческое представительство имен в годонимах превалирует количественно над именами, связанными напрямую или косвенно с политикой.

3. Слабая, выражается в отсутствии стремления как производить массовые переименования в пользу политизации городского пространства, с помощью имен видных деятелей страны, так и просто насыщать среду смысловыми значениями, связанными с политикой (табл. 1).

В большинстве столиц стран СНГ представлены названия, которые имеют числовое значение, или названия нейтрального типа, «серые» названия, которые не имеют подоплеку историческую, политическую, не несут национальный оттенок. Такого рода названия представляют собой некий идеологический вакуум в городском политическом пространстве, обеспечивают разреженность среды в идеологическом плане. Власти столичных городов стран СНГ уделяют особое внимание таким названиям, что позволяет произвести классификацию по следующим принципам:

1. Страны, в которых в новых районах появляются нейтральные наименования, и при этом прежние названия, не имеющие национальной, политической окраски также сохраняются. Надо отметить, что тут речь не идет о полной неприкосновенности подобных названий. Естественная динамика, развитие топонимики в городах идет, и поэтому иногда из различных целей, соображений такие названия переименовывают (умеренный тип в табл. 1).

2. Страны, с ярко выраженной тенденцией к ликвидации нейтральных названий городских объектов и замены их более смысловыми наименованиями. Вариативность в данной группе стран достаточно велика: где-то предпочитают заменить нейтральные названия на политические, где-то на не менее идеологизированные, но имеющие национальный оттенок, например, названия географических объектов, находящихся в определенной стране (интенсивный тип в табл. 1). Отдельным аспектом анализа является рассмотрение исторических эпох, к которым отсылают новые названия. В ряде стран наглядно прослеживается желание выделить определенный период в своей истории, например для Молдовы имеет значение средневековье, когда страна была единой с Румынией, имена царей той эпохи находят отображение в современных топонимах.

В Узбекистане аналогично вспоминают период царствования Тимуридов, на западе Украины возвеличивают борцов освободи-

тельной армии, ярых противников «русской колонизации» середины XX века.

Наиболее гипертрофированно историческая стратификация представлена в современной Туркмении. Период правления Сапармурата Ниязова всеобъемлюще представлен в топонимике страны, остальные исторические отрезки демонстративно удалены из городского пространства (интенсивная гипертрофированность эпох в табл. 1).

К противоположному типу государств, со структурированной историей, можно отнести те страны, в которых в городском пространстве сочетаются имена деятелей различных исторических эпох. В отдельных случаях – это два периода (Армения, Казахстан), ярко выраженных, четко выделяемых, а чаще – это равномерная представленность всей истории своей страны (умеренная гипертрофированность эпох в табл. 1).

Государства СНГ можно разделить и по показателю роли власти при принятии решений о переименовании. Доказательством важности для властей столичной топонимики является тот факт, что часто распоряжения принимаются не решением городской администрации, мэра города и т.д., а постановлениями государственной власти, указами президента. По степени влияния резонно выделить страны, где непосредственно власти активно инициируют переименования, и страны, в которых власти выступают как проводники идей, инициатив по вопросам переименований различных общественных объединений, или отдельных людей. Иначе, страны делятся на те, в которых городская, государственная власть – основной актор топонимической политики (интенсивная степень влияния власти в табл. 1) и где один из многих (умеренная).

Активность власти в переименованиях отображается и иным показателем, который в упрощенном виде можно охарактеризовать как этапность переименований. Вполне логично, что начало 1990-х было ознаменовано для всех стран первой волной изменений названий городских объектов, но в дальнейшем выделились государства, входящие в СНГ, где развитие топонимики было постепенным, не скачкообразным, постоянно обоснованным, с привлечением к широкому обсуждению общественности. Иное положение дел в странах, где топонимика – элемент большой политики, там отчетливо прослежи-

ваются волны переименований, своего рода скачки массовых переименований. Страны с преобладанием естественной динамики в таблице 1 отнесены к типу слабой выраженности этапности переименований. Те, где наблюдались многократные кампании по переименованию, – к умеренному типу, а те, где переименования были произведены массово и в одночасье – к интенсивному.

Фокус исследования был направлен на выявление основных тенденций в процессе переименований, которые происходили абсолютно во всех странах СНГ после распада СССР и до сегодняшнего дня. Как уже отмечалось, основные тренды в идеологизации городского пространства были различны, но одна тенденция, несомненно, должна была быть общей. Строительство новых национальных государств невозможно без определенной доли национализма, лежащей в основе государственной идеологии. Тот факт, что создаваемые на основе распада СССР независимые государства являются именно национальными, сомнений не вызывает. Когда появляется множество антропонимов представителей доминирующей национальности среди новых урбонимов в определенной столице, то тем самым, власть решает задачу формирования пространства национальной культуры. Решение данной задачи позволяет на волне всплеска национальных тенденций в бывших союзных республиках поддержать свою легитимность. В связи с этим, оправданно рассмотреть национализацию пространства как общий тренд, направленный на поддержку продвижения новой государственной идеологии. В данном контексте термин «национализация» состоит из:

1. Частоты появления политических имен титульной национальности в названиях городских объектов.

2. Насыщения городской среды именами, связанными с историко-культурными особенностями страны.

3. Количественного и качественно изменения нейтральных названий городских объектов в сторону насыщения среды национальными символами (имена, важные исторические события и т.д.).

4. Усиление тенденции отображения названий национальных географических топонимов в городских наименованиях.

Совокупность вышеописанных пунктов обеспечивает, с нашей точки зрения, адекват-

ную оценку агрегированного понятия «национализации» пространства. Дифференциация по данному показателю стран СНГ позволила выделить три типа, разновидности стран:

1. Страны, в которых представлена тотальная «национализация» пространства (интенсивная «национализация» в табл. 1).

2. Государства с сильно выраженными проявлениями националистических тенденция в городской топонимике (умеренная «национализация» в табл. 1).

3. Сдержанная форма «национализации». Особенность данной группы не в том, что не наблюдалось увековечивания национальных символов, а скорее в том, что процесс происходил размеренно, без массовых переименований старых топонимических доминант (слабая «национализация» в табл. 1).

Географическая переориентация политики нашла отображение в урбонимах на территории ряда государств – членов СНГ. Диверсификация геополитической ориентации на зарубежных лидеров/партнеров – один из важных постсоциалистических трендов на пространстве СНГ. Так, сравнительно нейтральной позиции в этом вопросе придерживаются власти Узбекистана и Туркмении, не проявляя внешне активности в вопросах строительства новой или «старой новой» дружбы (обозначено как умеренная геополитическая переориентация в табл. 1).

Наиболее ярко выраженная ориентация на другие страны, помимо России, наблюдается в Азербайджане, Грузии, Казахстане, Киргизии, Молдове, а также на Западной Украине. Все эти страны в той или иной мере активно вступают в политические и деловые отношения с такими странами как Турция, Индия, Китай, Румыния, ЕС, США, Саудовская Аравия, Иран, что отразилось на вновь присваиваемых названиях городских объектов столиц (интенсивная геополитическая переориентация в табл. 1). Оставшиеся страны СНГ объединены при этой классификации в группу под названием «консервативная позиция» (слабая геополитическая переориентация в табл. 1).

Данные таблицы 1 и методика, использованная при ее составлении, позволяют нам со значительной долей условности вывести сводный показатель интенсивности процессов идеологизации городского пространства, рассчитываемый как сумма представленных

Таблица 2

Сводный показатель интенсивности процессов идеологизации городского пространства (усл. баллы)

Страна	Сумма
Таджикистан	—*
Белоруссия	13
Россия	15
Украина Восточная	15
Армения	17
Киргизия	20
Грузия	21
Молдова	21
Казахстан	23
Азербайджан	25
Узбекистан	25
Туркмения	26
Украина Западная	26

* – неполнота данных по данному государству в таблице 1 не позволяет рассчитать сравнимый показатель.

выше баллов. Мы представили результат такого расчета в таблице 2 (чем больше сумма, тем интенсивнее шел процесс идеологизации).

Из материалов таблицы 2 очевидно, что минимальная интенсивность исследуемых процессов была характерна для Белоруссии, России, Восточной Украины и Таджикистана (последний можно включить в данный список, даже если отсутствующие в таблице 1 значения оказались бы максимальными). Максимальная интенсивность наблюдалась в Азербайджане, Узбекистане, Туркмении и на Западной Украине.

Кроме этого, разносторонний анализ старых и новых названий городских объектов в столицах стран СНГ позволил выявить некоторые особенности процесса идеологизации пространства, который является своеобразным импульсом, побудительным мотивом переименований:

- Исторически общее идеологизированное пространство СССР вызывает диаметрально противоположную реакцию в разных странах. Большое представительство государств с агрессивной и тотальной национализацией городского пространства среди всех стран СНГ – своеобразный индикатор,

того, что государства находятся в значительной степени, на пути исторического расхождения.

- Историко-культурная составляющая топонимики городского пространства редактируется во всех странах СНГ, появляется много антропонимов, при этом корректировки, переименования, связанные с этой составляющей, происходят менее интенсивно, чем в плоскости политизации городского пространства. Подтверждением данного тезиса является то, что число стран, находящихся в группе «слабого историко-культурного этноцентризма» (составляющая городского пространства) больше, нежели количество стран, относящихся к группе «слабой политизированности городского пространства». Помимо того, политические переименования молниеносны, экстренно принимаются и реализуются в действительности. Политизированное пространство городов находится под чутким вниманием действующей власти, подтверждение этому находим на территории всех стран: поспешное появление ул. Жвания, ул. Гонгадзе,

ул. Кадырова, наименования метро в честь Демирчана, массовые неоднократные рокировки названий различных объектов в Ташкенте и т.д.

- Во многих странах присутствуют неидеологизированные названия, которые представляют собой потенциальную среду для идеологического окрашивания, но количество таких названий уже на порядок меньше, чем было на момент распада СССР. Соответственно, в последние 20 лет власти стран СНГ насыщали относительно разряженную городскую среду наименованиями, отвечающими своим интересам.

- Геополитические устремления стран СНГ разнонаправлены, что переориентации значения одних стран внутри СНГ для других стран из организации.

В дальнейшем данный факт будет играть ключевую роль, ведь именно геополитическая ориентация действующих властей влияет на появление новых названий в урбонимике столичных городов, создает новые символы и новые приоритеты, которые выступают своеобразными координатами, обрамляющими, задающие пространство, идеологизированное пространство. Такая среда влияет, и будет влиять на всех людей, обитающих в ней.

Библиографический список

1. Azaryahu, M., Street names and political identity: the Case of east Berlin // *Journal of Contemporary History* 21, 1986, pp. 581–604.
2. Бакулов В. Д. Социокультурные метаморфозы утопизма. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та. – 2003. – с.122, Макаренко В.П. Главные Идеологии Современности. – Ростов Н/Д.: Феникс. – 2000.
3. Туровский Р.Ф. Политический ландшафт как категория политического анализа // *Вестник Московского университета*. – Серия 12. – Политические науки. – 1995. – № 3. – С. 33–44. 0,9 п.л.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003.
5. Azaryahu, M., Naming the past: the significance of Commemorative street names// *Critical toponymies: the contested politics of place naming/ by Lawrence D.Berg and Jani Vuolteenaho*, Ashgate Publishing Limited, 2009, pp. 53–70.
6. Панчишин Н.В. Родная улица моя. размещена на Сайте экспертного сообщества Беларуси «Наше мнение». <http://nmnby.eu/news/express/2552.html>, 1 сентября 2005.
7. Андреев В.П. Топонимика и идеология в Советской России (1917–1941 гг.). Размещена на сайте Исторического факультета Томского Государственного Университета, Исторический факультет. – www.if.tsu.ru.

Е.А. Аношкина, Ю.В. Карпович (Пермь)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК КОМПОНЕНТ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО КАПИТАЛА¹

Anoshkina E.L., Karpovich Y.V.

HUMAN CAPITAL AS A COMPONENT OF THE TERRITORIAL CAPITAL

Аннотация. Статья посвящена особенностям агломерационных процессов в России, которые связаны с переходом от индустриальной в постиндустриальную фазу агломерации. На примере Пермской и Екатеринбургской агломераций рассмотрены особенности их трансформации, сделаны выводы о факторах, влияющих на ход и внешние эффекты процессов агломерирования. Особое внимание уделено человеческому капиталу агломерации, который рассматривается как компонента территориального капитала города.

Abstract. The issue is devoted to the peculiarities of the agglomeration processes in Russia being connected with the transition from the industrial stage of agglomeration to the post-industrial one. Features of their transformation on the examples of Perm and Yekaterinburg agglomerations are considered in the article, it also contains a resume about factors influencing the flow of agglomeration processes and its external effects. Special attention is paid to human capital of agglomeration which is regarded as a component of the urban territorial capital.

Ключевые слова: агломерация, территориальный капитал, человеческий капитал.

Key words: agglomeration, territorial capital, human capital.

Для обеспечения устойчивых высоких темпов экономического роста Россия должна переходить к развитию на основе так называемого нового «портфеля ресурсов» (человеческий капитал, емкие и динамичные рынки, инновации, высокотехнологичные основные фонды и постиндустриальный тип организации производства).

Городские агломерации являются локусами постиндустриальных процессов и в этой связи источниками будущей конкурентоспособности России в глобальной экономике. Поэтому интенсивное развитие крупных городских агломераций должно стать важной задачей в рамках стратегии развития РФ на долгосрочную перспективу.

В условиях России с ее гигантскими пространствами и расстояниями агломерации особенно востребованы. Благодаря им осуществляется эффективное экономическое сжатие территории. В них концентрируются важнейшие объекты промышленности, науки, образования, культуры, рекреации. Благодаря сближенности в агломерациях этих взаимодействующих объектов повышается доля ближних связей, замыкающихся в территориально небольших агломерационных ареалах. Это дает значительный социальный и экономический эффект.

Индустриальные агломерации создавались в России административным путем, при этом директивно формировались экономические связи между предприятиями и организациями. Масштабные социально-экономические преобразования в стране привели к отказу от планирования в различных сферах, в том числе в городском и региональном планировании.

Согласно подходу, предложенному Э.Бозе, происходящий в России переход от индустриальной агломерации к постиндустриальной имеет три основные фазы: трансформации, динамичной агломерации, развитой постиндустриальной агломерации [2]. Эти фазы объединяют в себе комплекс реальных социально-экономических процессов, изменяющий функциональную и пространственную структуру экономики территории и являющихся основанием для принятия важнейших инвестиционных решений со стороны федеральных и региональных органов власти. Ключевые особенности различных фаз агломерационного развития представлены в таблице 1.

По экспертным оценкам, ближе всего к постиндустриальному этапу развития относятся Московская и Санкт-Петербургская агломерации, однако по целому ряду признаков эти агломерации не соответствуют характерным чертам постиндустриального этапа.

¹ Исследование проводилось при финансовой поддержке РГНФ, грант № 10-02-82203 а/У «Внешние эффекты агломерационных процессов в условиях повышения мобильности экономических ресурсов»

Таблица 1

Основные этапы развития современной городской агломерации

Индустриальная агломерация	Трансформация	Динамичная агломерация	Развитая постиндустриальная агломерация
Промышленное производство является базовой функцией	Рост сектора услуг и рынка труда в ядре агломерации	Перенос производств, центров потребления и развлечения на периферию	Развитие хордовых связей между подцентрами
Нет единого рынка труда, недвижимости	Возникновение центростремительной трудовой маятниковой миграции	Единый рынок торговой, жилой и производственной недвижимости	Новая емкость общего рынка и мобилизация разнообразных ресурсов
Существенная разница в социальной политике, уровне и качестве жизни в центре и на периферии	Существенная разница в социальной политике, уровне и качестве жизни в центре и на периферии	Рост благосостояния жителей на периферии, субурбанизация	Создание новых рабочих мест, в том числе в инновационном секторе, на периферии агломерации
Существенная разница между экономическим потенциалом центра и периферии	Существенная разница между экономическим потенциалом центра и периферии	Реорганизация и модернизация производственного комплекса, формирование процессинговых центров на периферии	Высокий уровень функциональной связности между всеми элементами агломерации
Основа взаимосвязи: производственная кооперация и родственные узы	Возникновение единого емкого и разнообразного рынка труда с концентрацией в ядре агломерации	Единая функционально связанная городская агломерация, развитый транспортно-логистический комплекс	Активное встраивание в глобальную иерархию городских центров и работа на повышение статуса

Таким образом, сегодня агломерация характеризуется не столько целостностью производственной и расселенческой систем, сколько целостностью рынков: труда, недвижимости, земли, а также уровнем функциональной связанности отдельных ее элементов. В связи с этим особый интерес представляют вопросы, связанные с динамикой человеческого капитала в территориальном аспекте. Агломерация – это эффективная форма концентрации человеческого капитала, интеллектуальных возможностей и предпосылок инновационного развития. Основное ее преимущество – так называемый синергетический эффект. Она притягивает инвестиции и приносит выгоду от использования трудовых и других ресурсов. А это мощные факторы роста конкурентоспособности и привлекательности территориальных систем.

Определенные рыночные и нерыночные силы, влияющие на процессы накопления человеческого капитала в агломерации за счет

его притока из региона, включают разделение труда, меньшие затраты на поиск места работы и нужного сотрудника на свободное место, размер рынка. Большой по размеру и более плотный рынок обеспечивает большее разнообразие представленных на нем товаров, предлагая тем самым диверсифицированной экономике более качественный уровень потребления. Увеличение оптимального размера города вследствие агломерации происходит также вследствие экзогенных технологических изменений, снижающих транспортные расходы работников в городских условиях.

Известно, что спрос на продукты питания, производимые в сельской местности, становится неэластичным по доходу. Это означает, что рост реальных доходов населения начинает соответственно снижать спрос на продукты питания в сельской местности. Рабочая сила вынуждена из сельской местности перемещаться в город, что обусловлено ростом спроса на товары, в нем произво-

димые. В результате агломерации сельские жители переезжают в городской сектор [11].

В настоящее время существует несколько подходов к анализу территориального капитала агломераций. Один из подходов, предложенный Р. Гиффингером и М. Штальбом, относится к функциональным теориям [9]. В соответствии с данным подходом, основной вклад территориального капитала в развитие агломерации заключается в особенной взаимосвязи всех составляющих его элементов, которые включают природные характеристики, материальное и нематериальное культурное, технологическое и социальное наследие. Общей характеристикой территориального капитала, объединяющей все его элементы, являются такие взаимозависимости, как традиции, неформальные правила, взаимопонимание и специфические практики (институты, правила, совместные стратегии и политики).

Исходя из этого, можно определить два параметра, по которым измеряют потенциальные источники территориального капитала – это его материальность и соперничество с другими агломерациями. Первый параметр обеспечивает производство материальных благ, а соперничество обеспечивает общество нематериальными благами, которые могут быть определены как нематериальные активы, основанные на социальном, культурном и институциональном капитале. Таким образом, территориальный капитал оказывается зависимым от качественных характеристик местности, определяемых ее материальными и нематериальными активами, обеспечиваемыми функциональными элементами и совместными инициативами. Как указывает Camagni R. (2009) именно эти активы обеспечивают абсолютные и относительные сравнительные преимущества территории [8]. Это означает, что территориальный капитал усиливает связь городов или отдельных групп участников социальных отношений (общественности, предпринимателей) или образование кластеров, возникающих там, где люди могут приобрести и поделиться друг с другом нужными знаниями.

Всего в России принято выделять более 30 агломераций, большинство из них находятся сейчас на этапе трансформации. Для дальнейшего исследования мы выбрали две агломерации – Пермскую и Екатеринбургскую. Выбор обусловлен тем, что по ключевым количественным показателям эти

агломерации сопоставимы, в рейтинге агломераций Екатеринбургская находится на 5 месте, Пермская – на 9 из 36 мест [5, с.37]. Кроме того, эти агломерации расположены на Урале и являются соседями (по российским меркам), имеют сходные природно-климатические условия, образование и развитие двух рассматриваемых городов происходило по идентичным траекториям.

В Пермскую агломерацию входят: Пермский, Краснокамский, Нытвенский, Добрянский районы. Экономика и население все больше концентрируются вокруг ядра агломерации – в собственно Перми и Краснокамске, в то время как в городских поселениях-спутниках на территории от Верещагино до Кунгура и от Юго-Камского до Добрянки живет лишь немногим более 15% от населения Перми.

Условно в состав Екатеринбургской агломерации входят 5 муниципальных образований: Арамильский городской округ, Березовский городской округ, Режевской городской округ, Сысертский городской округ, муниципальное образование «Город Екатеринбург».

Специализация промышленности в Екатеринбурге связана с тяжелым машиностроением, в Перми – с электроэнергетикой, нефтегазопереработкой, машиностроением, химией и нефтехимией и др. По объёму промышленного производства Пермь в настоящее время занимает первое место на Урале, опережая по этому показателю Екатеринбург. Структура промышленности Перми более разнообразна, чем в Екатеринбурге, а ряд секторов промышленности имеет высокий экспортный потенциал и успешно развивается в рыночных условиях. В результате в г. Перми относительно благополучная ситуация с наполняемостью бюджета города. Так, в рейтинге бюджетной обеспеченности и расходов на душу населения 15-ти крупнейших городов России, в который не вошли Москва и Санкт-Петербург, на первом месте Красноярск – 23,2 тыс. руб. на душу населения. На втором месте – Пермь (20,3 тыс. руб.). Екатеринбург с показателем 18,7 тыс. руб. на душу населения занимает 6 место [4].

Таким образом, рассматриваемые города имеют сопоставимую численность населения, схожие климатические условия, а по ряду материальных активов Пермь имеет преимущества по сравнению с Екатеринбургом (природные ресурсы, структура экономики, финансовые результаты предприятий).

Таблица 2

Ведущие компании Перми и Екатеринбурга, представленные в рейтингах

Рейтинг	Екатеринбург	Пермь
Рейтинг Forbes: 200 крупнейших непубличных компаний 2010	4 (Русская медная компания, торговая сеть «Монетка», Супермаркет Кировский, Сталепромышленная компания)	2 (торговая сеть «НормаН-Виват», Камский кабель)
Рейтинг Forbes: 40 крупнейших публичных компаний 2010	Уралсвязьинформ	Отсутствуют
Рейтинг Forbes: 100 крупнейших банков 2010	Уральский банк реконструкции и развития	Отсутствуют
Foreign Investment Advisory Council (Консультативный совет по иностранным инвестициям под председательством премьер-министра РФ)	14 иностранных компаний (имеют офисы, торговые или производственные мощности)	4 иностранные компании (имеют офисы, торговые или производственные мощности)

Однако о более высоком месте Екатеринбурга в региональной и городской иерархии свидетельствуют следующие факты. Екатеринбург регулярными авиарейсами связан с 28 зарубежными городами и 24 российскими, а Пермь имеет авиасообщение только с 8 зарубежными городами и 7 российскими.

В Екатеринбурге сосредоточены большое количество офисов политических организаций (структуры Уральского федерального округа, Приволжско-Уральского военного округа), представительства ряда субъектов РФ, консульства 14-ти стран (включая Великобританию, КНР, США, ФРГ, Францию), а также офисы Торгового совета Дании и Центра поддержки голландского бизнеса.

Высшее образование в Екатеринбурге представлено 17-ю самостоятельными образовательными учреждениями (без учета филиалов), в то время как в Перми – 6-ю.

В Екатеринбурге также расположено Уральское отделение Российской академии наук (в структуре которого находятся ученые советы, редакции научных журналов, институты и другие научные учреждения). Данные о ведущих компаниях, расположенных в двух сравниваемых городах, также свидетельствуют о преимуществах Екатеринбурга с точки зрения инвесторов (табл. 2).

В целом Екатеринбургу по сравнению с г. Пермь наиболее присущи признаки, кото-

рые характеризуют способность города проводить политику метрополизации, описанную в статье Р.Гиффингера и М.Штальбом [9]. Основными признаками политики метрополизации являются:

- пространственное «расширение» города, предполагающее создание социально-экономических подцентров, интенсивное создание новых рабочих мест на основе полицентричной модели;
- интенсивное развитие экономики, основанной на знаниях, как в производственном секторе, так и в секторе услуг, как в центре, так и на периферии агломерации;
- концентрация в городе центров принятия решений таких, как международные и межрегиональные производственные и сервисные бизнес-структуры, политические, общественные и культурные организации.

Это приводит к тому, что Пермь теряет свою конкурентоспособность по сравнению с другими крупными городами (табл. 3).

Объективно это проявляется в следующих негативных тенденциях развития Перми: моноцентричная модель экономической структуры, снижение численности населения, отрицательная миграция по наиболее мобильным категориям населения, стагнация на рынке труда.

Таблица 3

Результаты рейтинга инвестиционной привлекательности крупных городов [7]

	Екатеринбург	Пермь
2008 г.	2 место	13 место
2009 г.	1 место	16 место
2010 г.	2 место	17 место

Между тем, отсутствие политики метрополитанизации не только снижает конкурентоспособность крупного города, но и создает предпосылки упадка в регионе в целом. Объективные процессы концентрации населения в агломерациях будут находить альтернативные направления в соседних регионах, а менее адаптивное население, которое не склонно менять место жительства, на некачественных рабочих местах будет воспроизводить отсталую модель регионального и городского развития.

В то же время развитие агломерации невозможно без развития человеческого капитала. Исследования, проведенные Розенталем и Стрейнджем (2004) показали, что процессы агломерирования ведут к росту производительности от 3 до 8 процентов [12]. Рост спроса на образованную и опытную рабочую силу в рамках агломерации ведет к росту заработной платы таких категорий работников, привлекая в агломерацию еще большее число людей. Большие агломерации части предлагают более «ликвидные» рабочие места людям с узкой специализацией.

Несмотря на значительную разницу в размерах заработной платы между странами и внутри них, сравнительному анализу заработной платы, соотносимой с уровнем человеческого капитала агломерации, до сих пор уделялось недостаточно внимания. Впервые связь между агломерацией человеческого капитала и процветанием региона была определена Мюрдалом (1954), Кузнецом (1962), Хиршманом (1958) и Кальдором (1970), установившими, что территориальная агломерация человеческого капитала дает большую отдачу по сравнению с отдачей инвестиций в человеческий капитал на уровне индивида.

В качестве инструментов для территориального деления человеческого капитала Д. Хойерманн предлагает использовать численность студентов, посещающих учебные заведения в пределах агломерации, поскольку студенты из районов, в нее не входящих,

учатся в учебных заведениях, расположенных на территории агломерации наравне с ее жителями, вступая по окончании учебы на рынок труда этой же агломерации [10]. Данный подход к анализу человеческого капитала агломерации основан на следующих предположениях:

- территориальная плотность человеческого капитала оказывает влияние на размер заработной платы квалифицированных и неквалифицированных работников
- повышение квалификации работников отрицательно сказывается на уровне заработной платы квалифицированных работников и положительно на уровне заработной платы, соответственно, работников низкой квалификации.

Для сравнительного анализа человеческого капитала в территориальном аспекте мы использовали методику, предлагаемую Корнейчуком В.Б., которая позволяет дать комплексную количественную оценку человеческого капитала по следующим показателям [3]:

1. Уровень образования жителей региона. Данный показатель принимается равным удельному весу наиболее образованных работников в общей численности занятых в экономике территории. К наиболее образованным обычно относят работников, имеющих высшее профессиональное образование (законченное или незаконченное) и среднее профессиональное образование.

2. «Ширина» человеческого капитала рассчитывается как произведение численности населения региона и уровня его образования.

3. «Длина» человеческого капитала (уровень здоровья) принимается равной ожидаемой продолжительности жизни при рождении.

Величина человеческого капитала населения региона равна произведению «ширины» и «длины».

Данные показатели в целях проведения сравнительного анализа человеческого капи-

Таблица 4

Показатели человеческого капитала Перми и Пермской агломерации

Показатель	Пермь	Пермская агломерация	Пермь по сравнению с агломерацией
Уровень образования, %	87%	48%	+39
Ширина человеческого капитала, тыс. чел.	858,3	720	+138,3
Длина человеческого капитала, лет	66,25	66	+0,25
Человеческий капитал, тыс. человеко-лет	56860	47520	+9340
Плотность населения, тыс.чел/кв.км.	1,23	0,13	+1,1

Таблица 5

Сравнительная характеристика показателей Пермской и Екатеринбургской агломераций

Показатель	Пермская агломерация	Екатеринбургская агломерация	Екатеринбургская агломерация по сравнению с Пермской
Уровень образования, %	48%	52%	+4
Ширина человеческого капитала, тыс. чел.	720	842	+122
Длина человеческого капитала, лет	66	67,7	+1,7
Человеческий капитал, тыс. человеко-лет	47520	57003,4	+9483,4
Плотность населения, тыс.чел/кв.км.	0,13	0,33	+0,2
Доля городского населения в общей численности агломерации, %	66	94,4	+28,4
Естественный прирост населения, чел. на 1000 населения	-1,8	+0,5	+2,3
Средняя заработная плата, руб. (2010 г.)	22 097	26 762	+4665
Количество работающих чел., (2009г.) по данным Росстата	629343	860 310	+230 967
Количество жителей города – центра агломерации, тыс. чел. (2009 г.)	986	1 373	+387
Сальдо миграции населения, чел. (2007 г.)	77	5300	+5 223

тала между агломерациями можно дополнить такими параметрами, как плотность населения и доля городского населения в численности агломерации. Был проведен расчет на основе данных муниципальной статистики, собираемой Росстатом, результаты которого представлены в таблице 4.

Данные показатели свидетельствуют о том, что численность жителей Пермской агломерации в 1,22 раза превышает численность населения Перми, но по всем показателям человеческого капитала город превосходит Пермскую агломерацию.

По аналогичной методике с использованием дополнительных показателей проведе-

но сравнение Пермской и Екатеринбургской агломераций (см. табл. 5).

Численность населения в Екатеринбургской агломерации превышает численность населения Екатеринбурга в 1,5 раза, соответствующий показатель для Пермской агломерации составляет 1,22. При этом количество жителей Екатеринбурга за последние 8 лет выросло на 4%, а в Перми этот показатель уменьшился на 2%. Интенсивное развитие Екатеринбургской агломерации способствует привлечению населения (в 2007 г. – 5300 чел.), миграционные потоки в Пермь значительно меньше – 77 человек. Рынок труда в Екатеринбурге предлагает рабочие места

с более высокой заработной платой 26 762 руб./мес. (что соответствует 670 евро), в Перми – 22097 руб./мес. (550 евро) [6].

Таким образом, и Екатеринбургская, и Пермская агломерация находятся на этапе трансформации индустриальной фазы развития в динамичную. Однако Екатеринбургу удалось на этом пути продвинуться успешнее за счет регулирования агломерационных процессов, за счет проведения политики метрополитанизации, за счет создания специфического социального капитала города. В Перми, напротив, агломерационные процессы протекают стихийно, отсутствует регулирующая политика в этой сфере [1].

Следовательно, формирование специфического социального капитала в городе – ядре агломерации – определяет направленность и успешность трансформации агломерации в динамичную фазу. В то же время при отсутствии целенаправленной политики метрополитанизации, возможен особый вариант трансформации, когда агломерация теряет некоторые черты индустриальной фазы, например, кооперативные связи производственных предприятий, но при этом не происходит эволюционного развития в направлении динамичной и постиндустриальной фазы. Такая стихийная трансформация может «законсервироваться» и привести к отрицательным внешним эффектам.

Можно также высказать предположение, что в Екатеринбурге администрация была

вынуждена уделять особое внимание регулированию и поиску новых возможностей развития городской экономики, так как в начале трансформации промышленность города (тяжелое машиностроение) имела более низкую экономическую конъюнктуру, чем более диверсифицированная и открытая для экспорта промышленность г. Перми.

В условиях депопуляции целесообразно расширение потенциально подходящих территорий для внешних и внутренних инвестиций, укрепление нестоличных городов, повышение их самостоятельности и ответственности за стратегии развития. Полицентричное развитие страны и каждого города – центра агломерации создаст условия для повышения территориальной сбалансированности, улучшения условий экономического развития регионов России.

На динамику и успешность трансформации агломераций социальный капитал города (ядра агломерации) может оказывать более существенное значение, чем изначальные материальные активы города (природные ресурсы, климатические условия, структура экономики и др.). В то же время территориальная агломерация человеческого капитала может обеспечить возрастающую отдачу от инвестиций только в том случае, если стратегия развития агломерации в целом и ее ядра соответствует реальному состоянию материальных активов территориального капитала, а также фазе трансформации агломерации.

Библиографический список

1. Аношкина Е.Л., Лещев И.Е. (2009). Внешние эффекты стихийного агломерационного процесса в условиях депопуляции населения / Проблемы современной экономики. – 2009. – № 4. – С. 330–335.
2. Бозе Э. Городская агломерация: старое название – новое содержание // Российское экспертное обозрение «Удобное пространство города». – 2007. – № 4–5 (22). – С. 37–46.
3. Корнейчук Б.В. Человеческий капитал во временном измерении. - СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2003. – 92 с.
4. Корчагин Ю. Рейтинг бюджетной обеспеченности крупнейших городов России. <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=1&page=77>.
5. Перцик Е.Н. Крупные городские агломерации: развитие проблемы проектирования / Проблемы развития агломераций России. – М.: КРАСАНД, 2009. – С. 34–47.
6. Работа в Екатеринбурге. <http://www.66.ru/rabota/>
7. Самые привлекательные для бизнеса города России. http://rating.rbc.ru/articles/2010/11/16/33048061_tbl.shtml?2010/11/16/33048020
8. Camagni R. Territorial capital and regional development. In R. Capello and P. Nijkamp (eds.) *Handbook of Regional Growth and Development Theories*, 2009. – P. 118–132.
9. Giffinger R, Stallbohm M. Changes of metropolitan development: strategic efforts in comparison of Barcelona and Vienna. Paper presented at EUR & UAA City Futures Conferences, Madrid, 2009.
10. Heuermann Daniel F. Human Capital Externalities in Western Germany. Institute for Labour Law and Industrial Relations in the European Community, 2008.
11. Karlsson C., Johansson B., Roger R. Stough. Human Capital, Talent and Regional Growth/ CESIS Electronic Working Paper Series. Paper №191, 2009.
12. Rosenthal, S.S. & W.C. Strange. Evidence on the Nature and Sources of Agglomeration Economies, in Henderson, J.V. & J.F. Thisse (2004) (Eds.), *Handbook of Regional and Urban Economics*, Vol. 4, Elsevier, Amsterdam, 2119–2171.

СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ КОНЦЕПЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО МЕНЕДЖМЕНТА И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Gladky A.V.

MODERN SCIENTIFIC CONCEPT OF REGIONAL MANAGEMENT AND REGIONAL POLICY

Аннотация. Рассмотрены теоретические основы региональной политики и менеджмента. Освещены основные научные концепции развития этих дисциплин в контексте общественной географии.

Abstract. The theoretical fundamentals of regional management and policy are disclosed. The main scientific concepts of their development in social geography are investigated.

Ключевые слова: региональная политика, региональный менеджмент, научные концепции.

Key words: regional policy, regional management, scientific concepts.

В современной общественной географии и региональной экономике активно развивается целый ряд научных направлений, связанных с решением универсальных стратегических целей и задач управления территорией. В последнее время эти научные дисциплины все больше направляют свой познавательный аппарат на поиск ближайших тактических целей управления региональным развитием отдельных предприятий и фирм, которые заинтересованы в коммерческой успешности и эффективности своего функционирования. Общественно-географические и регионально-экономические науки, отталкиваясь от накопленного ими опыта регионального планирования и управления, комплексной оценки ресурсов и возможностей территории, анализа предпосылок и факторов регионального развития и применения методов повышения эффективности размещения предприятий, способны предоставить коммерческим структурам целый ряд важных рекомендаций с целью оптимизации их размещения и функционирования на определенной территории. Эти рекомендации будут стимулировать развитие предприятий и эффективность функционирования в рыночной конкурентной среде.

Понятия региональной политики, экономики и менеджмента регионального развития постоянно встречаются в научных публикациях географов и экономистов. Им посвятили свои работы Н. Д. Пистун, А. Г. Топчиев, Д. Н. Стеченко, Н. Гладкий, Л. Н. Зайцева, А. Гранберг, Н. Я. Калюжная и др. Среди зарубежных авторов менеджмент регионального развития анализируется в работах М. Фуджиты,

П. Кругмана, М. Портера, Т. Деелстры, Г. Кларка и М. Фельдмен. Однако, в качестве отдельной научной дисциплины, посвященной управлению экономической эффективностью развития и размещения человеческой деятельности на территории, менеджмент регионального развития детально не рассматривался. Именно поэтому объектом нашего исследования является теоретическая сущность и задачи региональной политики и менеджмента регионального развития в современном мире, а задачами – анализ теоретических основ этих наук и освещение основных научных концепций их развития.

В общественной географии и региональной экономике теоретико-методологические основы менеджмента активно применяются в области регионального управления, районного и городского планирования, управления использованием природных ресурсов и во многих других научных направлениях. Появление и активное привлечение в структуру общественно-географических и регионально-экономических наук менеджмента регионального развития обусловлено также интеграцией географических знаний с экономическими науками и науками об управлении. Оно носит комплексный, междисциплинарный, прикладной характер.

Результатом такой интеграции стала целостная научная картина размещения и функционирования отдельных предприятий (фирм, организаций) в пределах конкретной территории (региона), с помощью которой достигается их высокая доходность и коммерческая эффективность функционирования благодаря оптимальному сочетанию в

определенной точке пространства всех предпосылок и факторов, обуславливающих более высокую прибыльность предприятия.

Таким образом, можно дать определение менеджмента регионального развития как науки об управлении экономической эффективностью развития и размещения человеческой деятельности на территории соответственно действия природных, социальных, экономических предпосылок и факторов. В данном определении учитываются рыночные аспекты размещения фирмы на отдельной территории, стремление коммерческих кругов, бизнесменов и предпринимателей к формированию высокого уровня доходной части их учреждений, устанавливаются взаимозависимости такой доходности от имеющегося земельного и природно-ресурсного потенциала, очагов концентрации человеческих ресурсов, финансовых, коммуникационных, научно-инновационных, внешнеэкономических ресурсов, коммерческого социального обслуживания и др. Как видно, в подобном определении мы говорим об управлении не всей территорией региона или рациональным размещением на территории отдельных видов человеческой деятельности, в которых находят суть менеджмента регионального развития ряд авторов [6;9], а о конкретной фирме (предприятии) и о его поведении на территории в поиске наиболее оптимального и коммерчески выгодного местоположения. Именно этим аспектом понятие менеджмента регионального развития существенно отличается от прочих наук по территориальному управлению.

Отталкиваясь от приведенных выше рассуждений, можно отметить, что объектом исследования менеджмента регионального развития, по нашему мнению, должно быть собственное региональное развитие предприятия (фирмы, организации), основанное на поиске путей наивысшей эффективности в зависимости от выбора местоположения на территории. Таким образом, предметом исследования являются управленческие рычаги и методы наиболее прибыльного и экономически выгодного размещения предприятия (фирмы, организации) в регионе, вытекающие из поливариантной оценки эффективности развития фирмы в отдельных точках пространства в конкретных условиях.

Такое понимание объекта и предмета менеджмента регионального развития подчеркивает глубокую практическую значимость

данного научного направления, однако не отрицает широкого применения теоретико-методологического аппарата общественной географии, региональной экономики и смежных наук. Без комплексного понимания влияния на эффективность размещения предприятий различных природных, социальных, экономических предпосылок и факторов, без всестороннего содержательного теоретического анализа механизмов формирования прибыльности фирмы в зависимости от места ее расположения, научное познание предложенного нами объекта исследования является крайне сложным и противоречивым.

Отталкиваясь от наработок основных научных школ, формирующих представление о менеджменте регионального развития, можно сформулировать его главную цель и основные задачи исследования. Целью менеджмента регионального развития должна быть разработка комплекса управленческих рычагов и рекомендаций по размещению в пространстве отдельных предприятий, способствующему повышению экономической эффективности их функционирования в регионе. Для достижения этой цели менеджмент регионального развития направлен на решение ряда задач стратегического и тактического характера. К ним, в частности, относятся: поиск территорий формирования наивысшей прибыльности фирмы в зависимости от природных, трудовых, финансовых, инвестиционных, информационных, коммуникационных, социально-коммерческих и других ресурсов, разработка стратегии оптимального использования имеющихся ресурсов территории в соответствии с конкретными условиями размещения фирмы в пространстве; оптимизация пространственных связей фирмы по снабжению и сбыту, доступности к различным ресурсам и возможностям; прогнозирование и проектирование развития предприятий в зависимости от существующих и перспективных ресурсов территории в целях формирования их высокой доходности.

Как видно, в приведенных задачах менеджмента регионального развития, нет разработки управленческих методов и приемов по оптимизации собственно территории региона, его ресурсов и каркасной конфигурации. По нашему мнению, эти вопросы должны эффективно рассматриваться и решаться в рамках науки по региональному управлению. Именно в рамках этой

дисциплины исследователь не опускается до уровня отдельных фирм и организаций, а разрабатывает управленческие решения, исходя из потребностей государственного регулирования развития регионов на различных иерархических уровнях.

Следовательно, региональная политика призвана осуществлять поиск путей оптимизации функциональной структуры отдельных территорий с целью создания наиболее благоприятных условий для развития различных видов человеческой деятельности и формирования дополнительной высокой эффективности хозяйствования. В круг ее задач также должны входить проблемы рационального использования и охраны природных ресурсов, повышение уровня жизни людей, предоставление социальных привилегий и гарантий различным категориям граждан и др.

Конкретные решения по региональному управлению должны быть продиктованы для исследователя особенностями региональной политики государства, должны регламентировать полномочия органов региональной власти на местах, территориальных общин отдельных местностей и поселений, органов местного самоуправления. То есть, региональная политика больше направлена на юридические аспекты развития регионов, чем региональное управление. Она направлена на поиск путей оптимального перераспределения баланса политических сил на конкретных территориях.

Таким образом, сфера применения менеджмента регионального развития должна, по нашему мнению, ограничиваться поиском путей формирования наивысшей экономической эффективности регионального развития предприятия в зависимости от выбора местоположения на территории и имеющихся на ней ресурсов и возможностей. Применение таких взглядов по данной проблематике способствует разработке научной концепции эффективности регионального развития предприятия и росту доходности его функционирования в рыночных условиях.

Существует много зарубежных и отечественных концепций региональной политики и менеджмента регионального развития. Заслуживают внимания отечественные концепции территориально-производственных комплексов, концепция центр-периферия, дифференциальной земельной ренты и региональной конкурентоспособности [1;4;5;6].

Концепция локальных территориально-производственных комплексов (ТПК).

Исследование ТПК разного уровня были детально разработаны советской школой экономической и социальной географии и региональной экономики. Под понятием ТПК понималось такое сочетание взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов производства определенной территории, при котором обеспечивалось формирование определенного народнохозяйственного эффекта. Этот эффект возникал на основе:

- 1) формирования устойчивых производственных, инфраструктурных, технико-технологических, снабженческо-сбытовых и других связей между отдельными предприятиями комплекса,
- 2) развития кооперирования и комбинирования производства,
- 3) широкой специализации предприятий, при которой достигается значительный экономический эффект от масштаба производственной функции;
- 4) многоотраслевой диверсификации производственной деятельности, что связано с неоднородностью природных, трудовых, инфраструктурных ресурсов и мест приложения труда;
- 5) концентрации и агломерирования различных видов производства, которые способствовали усилению их функциональной взаимосвязанности,
- 6) комплексного использования сырья и отходов;
- 7) оптимизации системы природопользования.

В результате деятельности ТПК возникала значительная экономия общественного труда, экономия на масштабах производства, на инфраструктурном, научно-конструкторском и инженерно-техническом обслуживании, на связях и коммуникациях, на централизации и единстве целеполагания функций управления и тому подобное. В условиях советской экономики, создание ТПК стало едва ли не единственной моделью развития и территориальной организации хозяйства, которая обеспечивала рост экономической эффективности производства директивными плановыми (нерыночными) способами.

Концепция ТПК эффективно работала в рамках комплексов локального и ареального уровня. Общегосударственные и региональные ТПК в основном существовали только

на бумаге, поскольку управленческие, организационные и плановые рычаги для оптимизации их развития имели слишком громоздкий аппарат реализации и требовали разработки сложнейших систем контроля и управленческо-отчетной функции, а также сложных механизмов прогнозирования, проектирования и планирования производства. Сложность, поликомпонентность, многовариантность и многофакторность модели ТПК сделали фактически невозможной ее формализацию, логико-математическую интерпретацию и эффективную практическую реализацию на уровне крупных регионов в условиях жесткого планирования и централизации [6]. Вместо этого, отдельные формы локальных компактных ТПК (промышленных агломераций, узлов, центров) имевших место на территории СССР (особенно в районах нового индустриального освоения, богатых на сырьевые и топливно-энергетические ресурсы) можно было подвергнуть формализации и статистической интерпретации, системно-структурному анализу и логико-математическому моделированию. Это делало возможным детальный анализ процессов территориально-производственного комплексобразования и формирования ТПК на локальном уровне, а также способствовало практическому воплощению методических подходов комплексологии.

Концепция «центр-периферия». На основе трудов ранних теоретиков размещения (фон Тюнена, Вебера, Кристаллера, Леша) в среде отечественной общественной географии и региональной экономики формируется концепция территориальных взаимоотношений и перераспределения хозяйственных функций между центром и периферией региона. Так, различные регионы страны состоят из основного ядра (нескольких ядер) и подчиненной им периферийной зоны. Они имеют сложную систему формирования регионального прироста предпринимателя, обусловленную характером и интенсивностью приростных процессов. В их пределах протекают разновекторные и разноинтенсивные процессы природопользования, обмена рабочей силой, веществом, энергией, информацией, диффузии нововведений и интеллектуального потенциала, развитие и распространение рыночных механизмов функционирования хозяйства, коммерческой и предпринимательской активности. Они

в основном сгенерированы в урбанизированной, социально-преобразованной среде ядра. Однако в высокоразвитых регионах часть указанных выше процессов возникает и распространяется в пределах периферийной зоны (на базе технополисов и технопарков, центров академического образования и рыночной инфраструктуры, а также на инновационных модульных промышленных предприятиях, производящих продукцию с высокой прибавочной стоимостью) [4].

Под моделью «центр-периферия» понимают в основном состояние определенной территориальной системы, структурные компоненты которой разделены на две обобщенные группы (центральную и периферийную) и сформировались на основе действия объективных законов территориальной дифференциации и концентрации, характеризуются различными параметрами распространения, внутреннего строения и конфигурации, имеют разные функции и свойства и находятся в тесной диалектической взаимосвязи друг с другом.

Понятие центральности является одним из наиболее сложных и проблематичных в региональных исследованиях. Центр определенного региона (в хозяйственном отношении, например) не всегда совпадает с географическим центром территории, может иметь асимметричный характер по отношению к другим территориальным элементам системы и находиться в отдалении от крупных очагов рыночной, деловой и социальной активности (в случае низкой индустриальной освоенности территории или ограничения развития производства в результате специального статуса земель – селитебного, курортно-рекреационного, научно-инновационного, природоохранного и т.д.). Классические теоретические разработки ученых-географов и экономистов выводили феномен центральности из концентрации и использования значительного количества ресурсов общественного развития (трудовых, экономических, социальных, управленческих, информационных, интеллектуальных, организационных), за счет чего возникает тесная взаимосвязанность предприятий и окружающих территорий в хозяйственном, социально-культурном, рыночном, управленческом аспектах. Центр выступает основным генератором производственных мощностей (в индустриальном и, частично, доиндустриальном типах

общества), инновационных идей и других социальных благ, рыночной и предпринимательской активности, информации и коммуникаций (в постиндустриальном обществе) и т.п. Его среда обеспечивает наиболее благоприятные условия для развития контактности, предпринимательской и деловой деятельности, предоставляет широкий доступ к новейшим факторам экономического роста. В классических разработках ученых-географов периферия характеризуется догоняющим развитием и преимущественно низким динамизмом процессов хозяйствования, оставаясь на соподчиненных, вспомогательных и обслуживающих ролях. Она поставляет в ядра-центры необходимые производственные ресурсы и обеспечивает их относительно дешевой рабочей силой, сырьем, энергией и др. Эти идеи воплощены в ряде концепций взаимоотношений между центром и периферией (в частности, в концепциях диффузии инноваций, полюсов роста, качественной трансформации, модернизации хозяйства, зависимости и взаимозависимости территорий), которые были раскрыты в работах отечественных (О.В. Грицай, Г.М. Лапто, Б.Б. Родоман, Н.С. Мироненко, В.А. Шевченко, Р.Ф. Туровский) и зарубежных (Т. Хегерstrand, Х. Перлофф, Б. Берри, Дж. Фридман, Г. Ричардсон, В. Хендерсон, Ф. Перру, И. Валлерстейн) авторов [10].

Концепция дифференциальной земельной ренты. Издавна было известно, что ведущим природным фактором, регулирующим размещение и эффективность функционирования коммерческих предприятий, является земля и ее хозяйственная ценность. Подчинение законам земельной ренты существенно влияет на характер размещения предприятий (фирм, организаций), структуру хозяйственных комплексов, а также на уровень их доходности и коммерциализации. Изучению механизмов формирования земельной ренты посвящены труды многих ученых. Начиная от Джеймса Андерсона, Томаса Мальтуса и Дэвида Рикардо, анализ влияния земельной ренты на эффективность размещения предприятий осуществлено в работах Иоганна фон Тюнена, П. Хаггета, М. Фуджиты и Ж.-Ф. Тисса. В нашей стране вопросами земельной ренты активно занимаются А. Драпиковский, И. Иванова, В. Макуха др.

Ключевые высокоурбанизированные регионы (в основе которых часто находятся крупные города и агломерации) характеризу-

ются уникальным типом земельных отношений и специфическим распределением рентной стоимости территории. Первым обратил на это внимание немецкий географ и экономист Иоганн фон Тюнен. В его изложении, доходность различных земельных участков, их хозяйственный профиль и рентная стоимость зависят от особенностей размещения указанных объектов в пределах территории крупных городов и их периферийного окружения. Позднее в работах американских ученых экономистов и землеустроителей Баржака и Хайта получила развитие секторная модель земельной ренты, по которой стоимость земли и особенности ее использования изменяются по отношению к радиальным центростремительным транспортным магистралям.

На сегодняшний момент наиболее приемлемой считается **линейно-узловая концепция** (основные ее положения встречаются в работах А.И. Драпиковского [5]), которая, опираясь на две предыдущие, утверждает, что стоимость земельных участков и прибыльность использования земель региона повышается при приближении к радиальным магистралям с наибольшим ростом в центре системы и у главных городов. В рамках этой концепции, каждая функциональная часть региона получила уникальную хозяйственную специализацию, что соответствует как потребностям самого предприятия, так и распределению рентной стоимости земли [5].

Концепция региональной конкурентоспособности. Под этим термином в основном понимается пространственная форма развития внутренних и внешних конкурентных процессов, возникших на уровне отдельных регионов и усиливающихся с осложнением их функционального профиля и территориальной структуры. Региональная конкурентоспособность фирмы анализируется в трудах таких ученых экономистов и географов, как: Дж. Данинг, Дж. Хампфри и Х. Шмитц, К. Фримен, Б.-В. Лундваль и Б. Йонсен, Б. Асгайм и А. Изаксен, Е. Рейнерт и др. В странах СНГ идеи региональной конкурентоспособности только развиваются. Однако, они уже нашли свое отражение в научных трудах М.Я. Калужновой, И.В. Пилипенко, Ю.В. Гончарова, В.К. Симоненко, Г.П. Подгрушного и др. [7; 8].

Применение идей формирования конкурентоспособности фирмы в регионе стано-

вится возможным исходя из самой природы конкуренции, как такой системы экономических отношений, при которой каждый ее субъект вынужден доказывать свое право на долю общественного богатства экономическими результатами своей деятельности в условиях жесткого ограничения ресурсов развития и факторов производства, пересечения интересов и целей, наличия значительного количества конкурирующих фирм и обострения имущественных споров. Высокоразвитые регионы вполне соответствуют изложенным выше характеристикам конкурентной среды, поскольку создают для субъектов экономических отношений соответствующие конкурентным требованиям условия.

В целом, эти специфические условия сводятся к отсутствию социальной и коммуникативной гомогенности пространства, в котором субъекты хозяйствования могут свободно выбирать место своего размещения. Такой порядок вещей делает невозможным равновесную конкуренцию и деградацию комплекса в обособленные замкнутые группы. То есть он стимулирует общественный динамизм в процессе достижения наибольших конкурентных преимуществ и экономической эффективности производства, что и составляет основу пространственной конкуренции.

В регионах, при благоприятных условиях ведения бизнеса, формируется поликомпонентность конкурентных преимуществ и многовариантность конкурентных стратегий предприятия, а лимитирующие ограничивающие свойства пространства приводят к росту динамизма и обострения конкурентной борьбы за экономические преимущества и факторы производства.

Высокая конкурентоспособность предприятий в регионе обусловлена развитием целого ряда факторов. Ведущими из них выступают социальные факторы высоко развитой среды, в частности высокая концентрация человеческих ресурсов, которые характеризуются значительным уровнем интеллектуального и творческого потенциала, имеют расширенные потребительские нужды и возможности к производительному труду. Широкая диверсификация профессионального состава трудовых ресурсов, рост их квалификации и активная позиция в процессах обучения и самосовершенствования обуславливают усиление конкуренции на рынке рабочей силы, что дает предпри-

ятиям возможность более широкого выбора персонала и повышение на этой основе показателей производительности труда и рентабельности.

Большое значение для конкурентоспособности предприятий в регионе имеет также формирование концентрированной, интегрированной коммуникативной среды, в пределах которой происходит пересечение и реализация экономических интересов хозяйствующих субъектов. С одной стороны, такая среда предоставляет предприятиям значительные экономические преимущества, так как повышает доступность рыночно-коммерческих, финансово-кредитных, информационных, научно-интеллектуальных, инфраструктурных и других социальных ресурсов. Кроме того, она обостряет конкуренцию между предприятиями за пользование мобильными факторами производства, усиливает борьбу за имущественные интересы и земельные ресурсы, и, как следствие, повышает инновационность и качество продукции, уменьшает ее себестоимость.

Среди зарубежных концепций региональной политики и менеджмента регионального развития целесообразно выделить концепцию промышленных кластеров, информационно-коммуникационных моделей, «новой экономической географии» [10; 11; 12].

Большой вклад в учение о пространственных аспектах конкуренции был осуществлен рядом ученых в рамках **концепции региональных промышленных кластеров**. Она развивалась параллельно с отечественным учением о ТПК. Основателем концепции считается известный экономист, лауреат Нобелевской премии М. Портер. Его учение органично вытекало из общей теории штандортов А. Вебера и исследований по вопросам пространственной конкуренции Хикса, Купманса, Липси и др. Портер утверждал, что наибольшие конкурентные преимущества развития фирмы формируются в географически «сконцентрированном небольшом количестве штандортов» – так называемом промышленном кластере. М. Энрайт ввел термин «региональный кластер» для дефиниции пространственного скопления взаимосвязанных предприятий, схожих по своей специализации. «Региональный кластер – писал Энрайт, – это географическая агломерация фирм, занятых в одной или нескольких родственных отраслях производства» [4].

Преимущества кластеров над другими формами размещения производства заключаются в формировании специфической рыночной среды, в которой открываются широкие возможности роста рентабельности и производительности труда. В условиях высокоразвитых регионов (особенно, плотно урбанизированных и коммуникационно-развитых) повышается мотивация труда, увеличивается уровень его интеллектуализации и информатизации. Плотная сосредоточенность коммуникационных сетей способствует распространению инноваций, внедрению передового опыта хозяйствования, полному привлечению информационных ресурсов, всестороннему развитию рыночных сил на основе тесного взаимодействия производителей и потребителей.

Реализация конкурентных преимуществ в рамках кластера существенно способствует повышению экономической эффективности производства, росту производительности труда и рентабельности, поскольку для его предприятий облегчается доступ к рабочей силе, услугам коммерческих финансово-кредитных и посреднических торговых организаций, инфраструктурным и научно-образовательным ресурсам. Также, региональные кластеры стимулируют распространение инноваций и ноу-хау, поскольку фирмы имеют доступ к современной информации и новым знаниям, что существенно повышает диффузию последних. Кластеры облегчают коммерциализацию знаний и производства, создавая благоприятные условия для развития новых узкоспециализированных фирм (на основе аутсорсинга) и производства новых товаров.

Ряд зарубежных ученых, работавших вне концепции кластеров, подошли к разработке **информационно-коммуникационных моделей менеджмента регионального развития**. Их исследования представляют собой принципиально новое направление в данной науке, основанное на идеях процессов диффузии инноваций Торстена Хегерстранда. Эти идеи развивают М. Хеенгунзен, П. Нийкамп, М. Бекманн, Г. Ричардсон, а также Масакита Фуджита и Жан-Франсуа Тисс [2; 3].

По их мнению, все чаще классические региональные факторы формирования прибыли предпринимателя (земля, труд, капитал), дополняются и подменяются бурным развитием информационных технологий,

массовым распространением Интернет-коммуникаций, сотовой и спутниковой связи. Получив доступ к информации и коммуникациям, модульные производства и фирмы активно развиваются и формируются в тех региональных образованиях, где складываются наиболее выгодные экономические условия развития и достигается экономия за счет использования ресурсов земли и труда.

М. Бекманн подчеркивает, что экономический рост в отдельном регионе протекает в направлении распространения коммерческих видов экономической деятельности, развития кредитно-финансовой и банковской активности, международных отношений, предпринимательства и т.п. Концентрация и взаимосвязанность этих видов деятельности, а также их информационные ресурсы, сочетаясь с соответствующим сосредоточением финансовых, инновационных, интеллектуальных, творческих ресурсов, определяют тот уникальный коммерческий эффект прибыльности, что привлекает фирмы и предприятия в информационно и коммуникационно развитую среду региона.

Именно благодаря этим факторам (которые М. Хеенгунзен и П. Нийкамп называли моделями), они получают целый ряд дополнительных экономических преимуществ, высокие показатели рентабельности и производительности труда, эффективности использования основных средств производства. Моделирование информационных и коммуникационных потоков, по нашему мнению, выступает одним из факторов региональной конкурентоспособности фирмы. Поэтому их выделение и изолированное изучение и пределах отдельной концепции является не совсем целесообразным. Однако, представители этого направления правы в том, что эти факторы в современном постиндустриальном обществе являются определяющими для регионального перераспределения формирования прибыли.

Наиболее популярной в настоящее время концепцией менеджмента регионального развития является идея нобелевского лауреата Поля Р. Кругмана, получившая название **«новой экономической географии»**. В своей книге «Spatial economy: Cities, Regions and International Trade», в соавторстве с Масакитой Фуджитой и Энтони Венайблесом, Поль Кругман отстаивает идею сбалансированной территориальной концентрации различных

факторов конкурентоспособности фирмы, которая должна сформировать ее конкурентные преимущества и способствовать росту прибыльности в условиях конкретной среды пространства [11]. Новая экономическая география, по Кругману, призвана ответить на вопрос о причинах формирования большого разнообразия фирм и экономической концентрации различных видов человеческой деятельности на ограниченной территории. Эти фирмы, несмотря на значительные конкурентные ограничения, получают высокие прибыли и, вообще, способны их получать только лишь в подобных условиях высококонцентрированной среды. Целями новой экономической географии является моделирование процессов регионального формирования и перераспределения доходов в рамках концентрированной среды, а также поиск центропритягательных и центробежных сил, которые определяют общие идеи регионального экономического равновесия определенной территории.

Для достижения такого равновесия и получения прибыли, по мнению М. Фуджиты и П. Кругмана, необходима реализация трех принципиальных моделей современного менеджмента регионального развития на основе широкого применения ПК: «Dixit-Stiglitz, icebergs, evolution and the computer». Согласно модели Диксит-Штиглица, рост ассортимента производства товаров в регионе приводит к увеличению объемов деловых услуг на региональном рынке, что в свою очередь стимулирует формирование дополнительного экономического эффекта и региональной прибыльности.

Модель айсберга Поля Самуэльсона иллюстрирует взаимное развитие различных фирм региона в зависимости от уровня мощности транспортных потоков и коммуникаций («айсберг», то есть скрытые дополнительные доходы, появляются там, где

затраты на коммуникации замещают собой расходы на использование ресурсов труда и капитала и снижают, таким образом, общую себестоимость производства).

Модель «эволюции» Гордона Кларка и Мэриэн Фельдмен обращается к исключительной избирательности процессов формирования высокого уровня доходности определенных территорий и глубинной сущностной зависимости дальнейшего развития региона от целого ряда природных, экономических и общественных факторов. Ее авторы утверждают, что стремительный экономический рост предприятий и дополнительный коммерческий эффект доходности формируется лишь в ограниченном сообществе тех территорий (регионов), которые наиболее приспособлены к этому. Их лидерство зависит от уникальных внутренних резервов, порой неуловимых для четкого и математически выверенного познавательного аппарата исследователя. Наконец, применение персонального компьютера призвано математизировать и алгоритмически совместить вышеупомянутые модели в единой системной логико-математической интерпретации формирования региональной прибыльности фирмы в пределах высококонцентрированной среды.

Изложенные нами отечественные и зарубежные концепции региональной политики и менеджмента тесно связаны как с мировыми теоретическими разработками управления эффективностью размещения предприятий, так и с практическими исследованиями пространственного перераспределения доходности на различных локальных уровнях. Их дальнейшее развитие и активное внедрение в практическую жизнь как для государственных нужд, так и для нужд отдельных предпринимателей и хозяйствующих субъектов, является основой для дальнейших научных исследований в данном направлении.

Библиографический список

1. Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении / П.Я. Бакланов [отв. ред. П.А. Минакир] ; Тихоокеан. ин-т географии ДВО РАН. – М.: Наука, 2007. – 239 с.
2. Гладкий О.В. Наукові основи суспільно-географічних досліджень промислових агломерацій: Монографія. / Гладкий О. В. ; [наук ред. С. І. Іщук] ; Київський національний університет імені Тараса Шевченка. – К.: ВГЛ „Обрії”, 2008. – 360 с.
3. Гладкий О. В. Суспільно-географічне дослідження промислових агломерацій України: теорія, методи, практика: дис. ... докт. геогр. наук: 11.00.02 / Гладкий Олександр Віталійович. – К., 2010. – 453 с.
4. Грицай О. В. Центр и периферия в региональном развитии. / Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. – М.: Наука, 1991. – 167 с.

5. Драпиковский А.И. Оценка земельных участков / А.И. Драпиковский, И.Б. Иванова. – Бишкек: «Ега-Басма», 2003. – 288 с.
6. Іщук С.І. Територіально-виробничі комплекси і економічне районування (методологія, теорія). / Іщук С.І. – К., Українсько-фінський інститут менеджменту і бізнесу, 1996. – 244 с.
7. Калюжнова Н.Я. Конкурентоспособность российских регионов в условиях глобализации / Калюжнова Н.Я. ; [Томский межрегиональный ин-т общественных наук]. – М. : ТЕИС, 2004. – 526 с.
8. Пат. 41038 Україна, МПК (2009) G 06 F 17/00. Спосіб використання інформаційного середовища під час розроблення проектно-конструкторської документації для будівництва промислового підприємства в умовах промислової агломерації / Гладкий О. В.; винахідник і власник Гладкий Олександр Віталійович. – № u 2009 00579; заявл. 26.01.2009 ; опубл. 27.04.2009, Бюл. № 8.
9. Пилипенко И. В. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. / Пилипенко И. В. – Смоленск: Ойкумена, 2005. – 496 с.
10. Clark G. L. The Oxford Handbook of Economic Geography. / Clark G. L., Feldman M. P., Gertler M. S. – New York, Oxford University Press, 2003. – 742 p.
11. Fujita M. The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade / Fujita M., Krugman P.R., Venables A.J. – MIT Press, Cambridge MA, 1999. – 640 p.
12. Fujita M., Thisse J.-F. Economics of Agglomeration: cities, industrial location and regional growth. – Cambridge, Cambridge University Press, 2004. – 466 p.

А.Т. Дадов (Москва)

ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖОТРАСЛЕВОГО БАЛАНСА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ (на примере промышленности США)

Dadov A.T.

THE USE OF INPUT-OUTPUT TABLE FOR IDENTIFYING TERRITORIAL-PRODUCTION COMPLEX (FOR EXAMPLE THE U.S. INDUSTRY)

Аннотация. Автор рассматривает вопросы применения межотраслевого баланса для выявления территориально-производственных комплексов на примере промышленности США.

Abstract. The author examines the use of input-output table to identify territorial-production complex for example U.S. industry.

Ключевые слова: межотраслевой баланс, территориально-производственный комплекс, промышленность США, критерий Леонтьева, комплексирование отраслей промышленности, индекс комплексирования.

Key words: inter-sectoral balance, territorial-production complex, the U.S. industry, the criterion of Leontief, integration of industries, the index of aggregation.

Теория ТПК: плюсы и минусы

Одним из главных достижений советской экономической географии, как известно, является теория территориально-производственных комплексов (ТПК). В отличие от многих других концепций, теорий, разработок, которые не вышли за пределы кабинетов, эта теория нашла широкое прикладное применение и в свое время оказала огромное влияние на размещение производительных сил в СССР. Разработанная Н.Н. Колосовским, теория ТПК получила широкую известность в мире. Несмотря на тот факт, что в СССР ТПК конструировались «сверху» и

были плодом социалистической плановой системы, интерес к ним проявляли и на Западе, в странах с рыночной экономикой, поскольку процесс комплексирования отраслей на определенной территории может происходить вследствие стихийных процессов в рыночной среде и не являться результатом каких-то государственных мер, плановых мероприятий и т.д. Главное, основополагающее условие при этом – это стремление субъекта рынка оптимизировать производственно-технологические процессы на предприятии, в т.ч. и за счет сокращения расстояний до смежников, источников сырья или

рынков сбыта. С этой точки зрения, ТПК в определенных случаях можно рассматривать как результат самоорганизации различных субъектов в рыночном пространстве.

Со временем у теории ТПК стал проявляться досадный недостаток: она была выдвинута в основном на интуитивном уровне, а затем непосредственно (и с большим успехом) внедрена сразу в практику, так и не пройдя этапов чисто теоретического осмысления и тщательной проверки расчётами по экономическим параметрам. Поэтому в конце прошлого века возобладало мнение, что теория ТПК пригодна лишь для стадии индустриального развития общества, а постиндустриальная эпоха нуждается в концепциях, где основное внимание уделяется потокам не товаров, а информации. В результате её заслоняла теория кластеров М.Портера, которая вполне усвоила идеи Колосовского, но сделала акцент на связи скорее непроизводственные, информационные, что виделось как отражение постиндустриального характера экономики [7].

Представляется, что более правильным является не противопоставление этих концепций, а представление об их взаимной дополнительности. Вполне очевидно, что в даже наиболее развитых странах Запада оптимизация материальных потоков всё ещё не менее важна для рационального размещения производства, чем потоков информационных, поэтому теория ТПК отнюдь не утратила своей актуальности. К тому же в наше время уже есть методы, которые позволяют параметризовать теорию ТПК, насытить её расчётами, которых так не хватало полвека назад, в годы становления этой теории.

Один из таких методов был разработан и широко внедрён в науку и практику значительно позже, чем теория ТПК. Это метод межотраслевого баланса (МОБ), разработанный В.В. Леонтьевым, получившим за это Нобелевскую премию по экономике в 1973г. В те годы, когда теория ТПК активно внедрялась в практику (а это, прежде всего, первые послевоенные годы), применение МОБов за рубежом только начиналось, в СССР о его применимости в социалистической экономике ещё шли дебаты, а в советской географии он был ещё практически вовсе неизвестен. К нашему времени методика МОБ давно уже вошла в практику многих стран мира, и в большинстве из них она используется и в ис-

следованиях по экономической географии. В нашей стране, однако, подобных исследований почти не проводилось, по крайней мере географами.

Данная статья посвящена новой методике использования МОБ для расчётов, связанных с теорией ТПК. Речь идёт о том, как определить ключевой параметр ТПК – уровень комплексирования (т.е. степень развития взаимосвязей) тех отраслей производства, которые представлены в данном городе, агломерации или районе страны.

Экономика США как полигон

В качестве полигона для отработки методики были выбраны Соединенные Штаты Америки. США является очень «географичной» страной в том смысле, что многие обнаруженные в социально-экономической географии закономерности часто относительно хорошо проявляли себя именно здесь. Можно вспомнить примеры с теорией центральных мест или теорией диффузии инноваций [6, 11]. Причина, возможно, заключается в том, что процессы здесь развёртываются на обширной (по сравнению, например, с Западной Европой) территории, а по уровню развития экономики США заметно опережают другие передовые страны мира, и новые процессы, которым предстоит охватить весь мир, зачастую начинаются именно в этой стране и быстрее, чем в других странах, обнаруживают себя.

Кроме этого, по географии хозяйства в стране существует сравнительно хорошая статистическая база, отличающаяся высокой подробностью данных, в т.ч. и по дробным таксономическим уровням регионов (округа, агломерации). Благодаря этому появляется возможность, используя данные различного типа, оценить степень территориального комплексирования отраслей обрабатывающей промышленности.

В нашей работе использовался МОБ США за 2002 год [16], где были представлены данные по 133 отраслям американской экономики, из которых на обрабатывающую промышленность приходится 53 сектора. Именно по этим 53 отраслям и проводилось исследование.

В США существует подробная статистическая база сразу на нескольких довольно низких локальных уровнях: округа (аналоги российских административных районов)

– 3141, метрополитенские статистические ареалы (МСА), т.е. агломерации – 362 и экономические районы государственного Бюро экономического анализа (ВЕА) – 179. Предстояло выбрать среди этих уровней тот, который наиболее точно соответствовал бы «идеологии» теории ТПК.

Анализ показал, что единичные округа по отдельности явно не могут рассматриваться как территориальная ячейка для ТПК: в их границах ТПК может уместиться только в исключительных случаях. С другой стороны, экономические районы ВЕА наоборот, в целом довольно велики для ТПК, хотя стоит оговориться, что и здесь вполне возможны исключения. В этом смысле наиболее оптимальным вариантом из трех возможных оказались агломерации, т.е. МСА.

Учитывая методические по преимуществу цели исследования, было решено подвергнуть анализу не все 363 МСА США, а только часть из числа наиболее значительных. В результате для дальнейшей работы были отобраны 57 агломераций, на которые приходилось в 2002 г. около 53% всех занятых, около 50% всех отгрузок и чуть менее 50% всей добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности.

Прореживание матрицы МОБ

Предлагаемая методика распадается на три части. Первая посвящена т.н. прореживанию матрицы МОБ.

Базовой частью системы матриц в МОБе является матрица коэффициентов прямых материальных затрат, показывающая размерность потоков между отраслями народного хозяйства.

В обычной матрице заполнены практически все ячейки, а это значит, что все отрасли в той или иной степени связаны друг с другом. Нетрудно, однако, увидеть, что значения в подавляющем большинстве ячеек очень малы, и они могут быть устранены из

рассмотрения без особого ущерба для сути расчётов.

Для подобного прореживания матрицы можно применить т.н. критерий Леонтьева (по имени автора идеи МОБ). Суть критерия Леонтьева заключается в том, чтобы из всей совокупности потоков между отраслями, которые отображаются в МОБе, считать несущественными те из них, чьё значение ниже среднего уровня. Этот средний уровень определяется просто: общая сумма всех связей делится на общее число ячеек. Если в матрице учтены, скажем, 100 отраслей, то её размерность – 100x100, и число ячеек в матрице, соответственно, 10 тыс. единиц. Следовательно, существенными связями следует считать те, чьё значение больше 1/10 000 общей суммы связей. При этом заранее из таблицы коэффициентов прямых материальных затрат полностью исключается главная диагональ, которая показывает потоки между предприятиями одной и той же отрасли.

После описанной процедуры в матрице ТК остаются пустыми все ячейки, где значения меньше среднего значения.

Проредив таким образом матрицу ТК, для каждой отрасли получаем набор отраслей, с которыми данная отрасль имеет наиболее сильные связи. Для одной и той же отрасли данный набор будет отличаться в зависимости от того, по какому направлению мы проводим отбор: в направлении закупок (по столбцам матрицы) или поставок (по строкам).

После прореживания матрицы МОБ США остались заполненными лишь 14,44% всех ячеек.

Определение отраслей специализации

Вторая часть методики – определение отраслей специализации в каждой агломерации. На этот счёт в географии давно имеется испытанный способ – т.н. индексы локализации. Их принято отображать двумя способами, которые дают одинаковый результат:

$$I_{\text{лок}} = \frac{\text{доля отрасли в экономике районе}}{\text{доля отрасли в экономике страны}} = \frac{\text{доля района в отрасли страны}}{\text{доля района в экономике страны}}$$

Из-за крайней недостаточности данных по отгрузкам (shipments) и добавленной стоимости отраслей промышленности МСА индексы локализации были рассчитаны по количеству занятых по отраслям промышленности [14].

Здесь стоит отметить, что, несмотря на относительно высокий уровень статистического обслуживания народнохозяйственного комплекса США, существует ряд довольно серьезных недостатков, которые часто сильно затрудняют работу с американской стати-

стикой. Главным образом эти затруднения связаны с тем, что многие данные не раскрываются в силу комплекса причин, в т.ч. коммерческой тайны. Особенно характерно такое положение вещей для баз данных регионального уровня и ниже.

Заметим, что для того, чтобы избежать попадания в перечень отраслей специализации «случайных» отраслей (которые могут попасть туда по многим причинам, например, из-за неточности статистических данных), а также в целях получения более репрезентативных данных, было решено включать в число отраслей специализации те отрасли, индекс локализации по которым превышал бы 1,2, а не 1,0, как обычно делается в экономико-географических исследованиях.

Теперь, имея для каждого МСА N отраслей специализации, мы можем найти теоретическое количество возможных связей между ними по формуле:

$$K = \frac{N(N-1)}{2} \quad (1)$$

Учитывая двунаправленный характер связей между отраслями (на вход и выход) данная формула должна принять следующий вид:

$$K = N(N-1) \quad (2)$$

Из концепции ТПК мы знаем, что пространственная ячейка (т.н. «экономический подрайон»), в пределах которой функционирует ТПК, в общестрановом межрайонном разделении труда будет специализироваться на тех отраслях, к которым относятся предприятия, входящие в этот (или эти, если их несколько) ТПК [2, 3]. Т.е. если имеются данные об отраслях, на которых специализируется некоторый МСА, появляется возможность сравнить полученный набор отраслей для МСА с имеющимися данными по критерию Леонтьева. Гипотеза заключается в том, что чем ближе окажется набор отраслей специализации МСА к данным, полученным с помощью критерия Леонтьева, тем сильнее будет комплексирование отраслей промышленности в данном ареале.

Затем необходимо сопоставить теоретически возможное количество связей с таблицей, где отображены наиболее существенные связи, которую мы получили через использование критерия Леонтьева. Таким образом, мы сможем получить данные о том, какие

именно отрасли, на которых специализируется данный МСА, имеют существенные связи друг с другом.

Результаты такого анализа можно представить в виде графа (рис. 1). В качестве примера можно привести один из самых простых графов, который был построен по данным по МСА Уичито, штат Канзас.

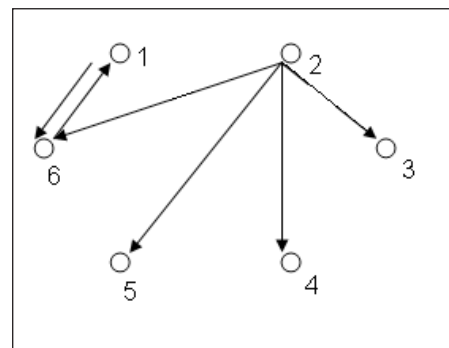

Рис. 1. Граф связности МСА Уичито

- 1 – Основная химия
- 2 – Металлообработка
- 3 – Сельскохозяйственное, горношахтное и горнорудное машиностроение, оборудование для добывающих отраслей
- 4 – Вентиляционное оборудование, кондиционеры, рефрижераторы и др.
- 5 – Авиаракетно-космическая промышленность
- 6 – Нефтепереработка.

Данный граф показывает, что МСА Уичито специализируется лишь на шести отраслях обрабатывающей промышленности, между которыми, в соответствии с таблицей главных связей, было обнаружено лишь 6 связей из 30 возможных.

Графы связности были составлены для всех 57 МСА. Для этого была создана специальная программа на языке программирования «Visual C#», что существенно сэкономило время всего исследования. Рассмотрим теперь табличный вид (табл. 1).

Четырехзначные числа являются кодами отраслей по принятой в США статистической классификационной системе по экономическим вопросам NAICS [12].

Здесь цифра 1 обозначает наличие связи, 0 – ее отсутствие.

Каждой подобной таблице связей был поставлен в соответствие определенный индекс, который определялся как отношение практически обнаруженных связей (т.е. количество единиц в таблице) к теоретически возможному количеству связей (см. формулу (2)).

Таблица связей МСА Учито

Таблица 1

3240	3240	3251	332В	3331	3334	3364
3240	0	1	0	0	0	0
3251	1	0	0	0	0	0
332В	1	0	0	1	1	1
3331	0	0	0	0	0	0
3334	0	0	0	0	0	0
3364	0	0	0	0	0	0

В примере с МСА Учито этот индекс комплексирования равен:

$$I_k = \frac{6}{N(N-1)} = \frac{6}{30} = 0,2$$

Нетрудно понять, что теоретически возможный максимум для индекса комплексирования равен 1. Ниже представлена таблица 2 индексов комплексирования для всех МСА.

Анализ результатов. Значения индексов комплексирования в целом получились довольно низкие. Максимальное значение – у МСА Финикса, индекс комплексирования которого равен 0,464, при том, что максимум равен 1.

Иными словами, количество связей между отраслями специализации в во всех МСА в целом далеко от максимального возможного значения. На первый взгляд, это может означать, что ТПК в МСА не формируются, т.к. связей даже между теми отраслями, на которых специализируется МСА мало, из-за чего и получается такое невысокое значение индексов комплексирования. Однако на самом деле для образования ТПК совершенно не обязательно, чтобы индекс комплексирования достигал максимальных значений. Специализация определенного МСА на некоторой отрасли «А», естественно, может объясняться многими причинами, а не только тем, что этот ареал специализируется на смежных с «А» отраслях. У каждой отрасли есть свой набор главных, определяющих факторов и условий размещения. Поэтому более чем возможен вариант, когда в какой-либо МСА будут обнаруживаться значительное количество отраслей специализации, но связи будут только у небольшой части из них.

При сравнительном анализе полученных результатов, можно сделать ряд нетривиальных выводов.

Во-первых, чем меньше отраслей специализации у МСА, тем сильнее их комплексирование. Очевидно, что при наличии, например, 20-ти отраслей специализации, для того чтобы индекс комплексирования достиг уровня 0,3, необходимо наличие гораздо большего количества главных связей, чем, к примеру, если таких отраслей лишь пять. А это означает, что в общем случае, с чисто формальной точки зрения, у МСА с меньшим количеством отраслей специализации, индекс комплексирования будет больше исходя из теории вероятностей.

Другое важное заключение состоит в том, что если мы возьмем те МСА, у которых значения индекса комплексирования превышают отметку в 0,3, мы обнаружим, что только один из них представляют традиционно считающийся индустриальным Север. Это Детройт, город, который всемирно известен своей автомобильной промышленностью и второе место которого в нашем ряду не вызывает никаких вопросов. Остальные четыре места занимают МСА, расположенные на Юге и Западе [см. прил. 1].

Возможно, одно из объяснений данного факта связано с тем, что такие промышленные узлы, как Финикс, Хьюстон, Ситл возникли относительно недавно, если сравнивать их с индустриальными центрами Северо-Востока и Приозерья. Сформировавшиеся уже в более поздний период, эти новые центры стали, соответственно, центрами новых и новейших отраслей, таких как авиаракетно-космическая промышленность (Ситл), электроника и производство полупроводников (Финикс), а также нефтепереработка и нефтехимия (Хьюстон). Еще одна особенность этих центров – довольно незначительное количество отраслей специализации, что также в какой-то мере объясняет присутствие их в лидерах по рассматриваемому показателю, т.к. комплексирование, как упоминалось

Таблица 2

Индексы комплексирования для МСА

МСА	индекс	число отраслей специа- лизации	МСА	индекс	число отраслей специа- лизации
Майами	0,07	18	Атланта	0,2	15
Нью-Орлеан	0,09	8	Уичито	0,2	6
Остин	0,09	10	Ричмонд	0,2	13
Солт-Лейк-Сити	0,09	11	Цинциннати	0,205	12
Сан-Антонио	0,091	12	Сент-Луис	0,206	13
Вирджиния-Бич	0,098	5	Питтсбург	0,21	20
Уинстон Салем	0,1	6	Окснард	0,21	9
Лос-Анджелес	0,1	13	Гринсборо-Хай-Пойнт	0,214	8
Денвер	0,103	14	Буффало	0,218	11
Сан-Франциско	0,104	12	Хартфорд	0,22	9
Роли	0,121	15	Портленд-Ванкувер	0,222	10
Бостон	0,124	15	Дэйтон	0,23	14
Шарлотт	0,129	10	Индианаполис	0,232	8
Тампа	0,13	18	Акрон	0,238	18
Мемфис	0,13	16	Сан-Хосе	0,25	8
Провиденс	0,13	16	Батон-Руж	0,25	8
Миннеаполис	0,146	14	Тоledo	0,25	22
Филадельфия	0,148	16	Луисвилл	0,256	13
Сан-Диего	0,152	13	Даллас	0,273	11
Балтимор	0,154	12	Кливленд	0,276	15
Колумбус	0,159	12	Гранд-Рэпидс	0,28	8
Вашингтон	0,16	9	Талса	0,289	10
Нэшвилл	0,167	12	Бирмингем	0,29	10
Чикаго	0,167	17	Сиэтл	0,3	5
Милуоки	0,169	15	Хьюстон	0,311	12
Бриджпорт-Стэмфорд	0,171	15	Риверсайд – Сан-Бернардино	0,313	14
Нью-Йорк	0,176	15	Детройт	0,347	9
Рочестер	0,179	8	Финикс	0,464	8
Канзас-Сити	0,186	13			

чуть выше, сильнее именно в тех случаях, когда количество отраслей специализации невелико. Вполне возможно, что данный факт также частично объясняется сравнительной молодостью этих МСА.

С другой стороны, приходится в то же время признавать, что и самые маленькие значения индекса комплексирования принадлежат МСА, расположенным в тех же районах – на Западе и на Юге.

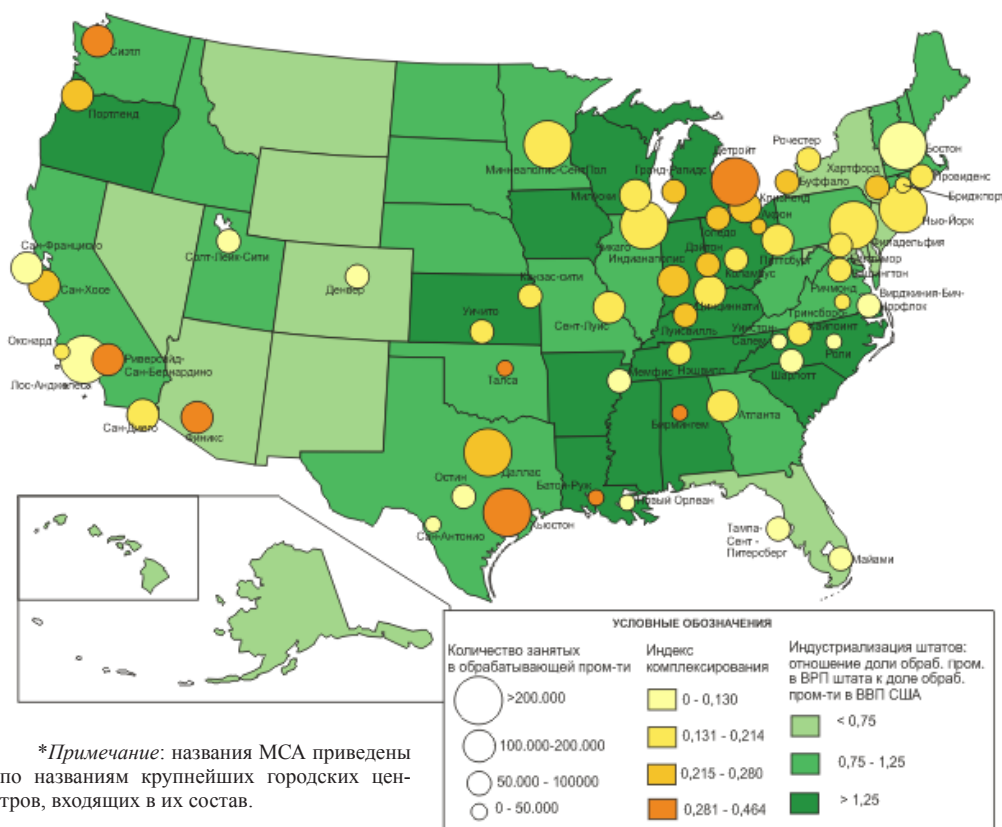
Выводы. Предложенная методика помогает ввести параметризацию в теорию ТПК, дать количественный критерий для определения степени развития комплексности тех

отраслей, на которых специализирована экономика той или иной агломерации.

Методика отличается простотой, она весьма незатруднительная для конкретных расчётов и нетребовательная к статистической базе. Для неё достаточно иметь исходную матрицу национального МОБ и самые общие параметры размеров отраслей хозяйства (валовой или чистой продукции, численности занятых).

Главный недостаток методики – перенесение на локальный уровень тех межотраслевых связей, которые сложились на общенациональном уровне [4, 5, 9, 10]. Это чревато существенными ошибками, потому что ло-

**Карта комплексирования отраслей
обрабатывающей промышленности по СМА***

кальные ситуации могут сильно отличаться от средненациональной из-за местной специфики. Однако этот недостаток в большой степени нивелируется тем, что

методика нацелена на установление всего лишь самого факта наличия или отсутствия существенной связи между парой отраслей, а не на определение параметров этой связи.

Библиографический список

1. Айзард У. Методы регионального анализа: введение в региональную науку. – М., 1966.
2. Бандман М.К. Подход и основные этапы решения задачи оптимизации формирования ТПК. // Моделирование формирования территориально-производственных комплексов. – Новосибирск, 1971.
3. Бандман М.К. Исходные позиции методических положений по использованию моделей ТПК в предполагаемых исследованиях // Методы и модели регионального анализа. – Новосибирск, 1977.
4. Гранберг А.Г., Селиверстов В.Е., Сулов В.И. и др. Межрегиональные межотраслевые балансы. – Новосибирск, 1983.
5. Гранберг А.Г. Введение в региональную экономику. – М., 2003.
6. Лёш А. Географическое размещение хозяйства (русс. пер.). – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959.
7. Портер М. Международная конкуренция: Конкурентные преимущества стран (русс. пер.). – М., Международные отношения, 1993.
8. Edgar M. Hoover and Frank Giarratani, An Introduction to Regional Economics, 1985.
9. Schaffer, William A., Regional Impact models, 1999.
10. Miller, Ron and Peter Blair. Input Output Analysis: Foundations and Extensions.
11. Craig, C.Samuel and Lawrence A. Brown. Simulating the spatial diffusion of innovation: A gaming experimental approach. Socio-Economic Planning Sciences, Volume 14, Issue 4, 1980, Pages 167-179.
12. <<http://www.census.gov/econ/census07/index.html>> 28.04.09.
13. <http://www.census.gov/prod/www/abs/manu_geo2002.htm> 28.04.09.
14. <<http://data.bls.gov/PDQ/outside.jsp?survey=en>> 28.04.09.
15. <<http://www.bea.gov/regional/index.htm>> 28.04.09.
16. <<http://www.bea.gov/industry/index.htm>> 28.04.09.

А.Н. Пиясов, Н.Ю. Замятина (Москва)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАК НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Pilyasov A.N., Zamyatina N.Y.

A COMPARATIVE INSTITUTIONAL ANALYSIS AS A NEW TOOL FOR STUDYING THE PROBLEMS OF SPATIAL DEVELOPMENT

Аннотация. В статье рассмотрены возможности использования и главные направления развития метода сравнительного институционального анализа при исследовании проблем пространственного развития.

Abstract. The article possibilities of using and the main directions of development of the method of comparative institutional analysis to study the problems of spatial development.

Ключевые слова: метод сравнительного институционального анализа, проблемы пространственного развития.

Key words: method of comparative institutional analysis, problems of spatial development.

1. Введение. Институциональная теория является одним из наиболее динамично развивающихся направлений мировой экономической науки в последние два десятилетия. Именно в этой области происходили значительные интеллектуальные прорывы – в новом понимании природы фирмы, введении в широкий научный оборот понятия транзакционных издержек, контрактного процесса, переосмыслении роли прав собственности в экономическом развитии. Общим для данных исследований является акцент на динамическом взаимодействии (как рыночном, так и посредством неценового координирующего механизма) экономических агентов и тех нормах, правилах, ограничительных рамках, которые структурируют эти связи.

Конкретные институциональные исследования в России уже охватывают изучение реформационной динамики отдельных секторов национальной экономики¹, рынков², специфических феноменов переходной экономики (например, бартера³). В них рассматривается воздействие экономических (механизмы, определяющие логику конкретного контрактного устройства) и политических (схемы прав собственности, агентские отношения и др.) институтов на изучаемый процесс.

В отличие от других направлений экономических исследований, в региональной науке современной России институциональ-

ный подход используется мало. Между тем его применение и в региональном анализе, и при выработке мер региональной политики способно существенно повысить их эффективность. Например, в республиках Северо-Кавказского федерального округа распределение федеральных бюджетных средств должно учитывать не только формальные критерии нуждаемости, но и специфику местных институтов (нормы обычного права, понятия родовой собственности и др.). Без понимания особенностей клановой структуры южных национальных республик, федеральная поддержка трансформируется в укрепление правящих родов и в итоге может привести не к уменьшению, а увеличению внутрирегиональных различий.

Ради объективности нужно подчеркнуть, что институциональные исследования не являются для российской школы региональных ученых абсолютно новой областью. Еще в советское время, например, в работах К.П. Космачева по географической экспертизе⁴ разрабатывались институциональные сюжеты (которые, правда, тогда так не назывались): речь шла о выработке плановых нормативов, например, в строительной деятельности, которые максимально адекватны экономико- и физико-географическим условиям конкретного региона (индексы удорожания строительно-монтажных работ,

¹ Например, Крюков В.А. Институциональная структура нефтегазового сектора. Проблемы и направления трансформации. – Новосибирск: ИЭиОПП. 1998. – 278 с.

² Капелюшников Р.И. «Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации». – М.: ГУ ВШЭ. 2001. – 309 с.

³ Макаров В., Клейнер Г. Бартер в России: институциональный этап // Вопросы экономики. – 1997.

⁴ Космачев К.П. Географическая экспертиза. Методологические аспекты. – Новосибирск: Наука. 1981.

нормативы трудозатрат, коэффициенты к заработной плате и др.).

2. О десятилетнем цикле институциональных исследований проблем регионального развития

Для понимания роли экономических институтов в новейшем развитии российских регионов в Совете по изучению производительных сил с 2001 года был начат цикл институциональных исследований. За десятилетний период объектами изучения стали около 20 регионов России и около десяти муниципальных образований. По результатам исследований было опубликовано несколько научных статей⁵, подготовлен курс лекций «Институциональные факторы регионального развития» для экономико-географов Московского государственного университета.

В центре нашего анализа находились основные региональные институты (права собственности на ключевые региональные активы, региональная власть и региональные коалиции, бюджетоформирующие корпорации, местная экономическая история, феномены местного предпринимательства и культурного разнообразия). Наше основное внимание было сосредоточено на выявлении специфичных для конкретного региона экономических институтов (норм, правил, рамок), определяющих стимулы, мотивы экономического поведения и взаимодействие хозяйствующих субъектов.

Экономическое поведение региональной власти, которому было уделено специальное внимание, изучалось на временном интервале двух последних десятилетий. Основной акцент был направлен на выявление ее роли в определении схем прав собственности и конкретных форм кон-

трактного устройства главных ресурсных цепочек/ финансовых потоков, генерируемых (или приходящих) в регион.

Мы изучали воздействие факторов пространства (географических ландшафтов, территориальной структуры региона) и времени (рубежей и вех экономической истории, возраста региона – с момента образования его современной столицы и упорядочения вокруг нее прилегающей территории) на тип региональной институциональной структуры.

Конечная цель всего предпринятого цикла исследований состоит в отборе оптимальных для конкретного региона институтов, с учетом существующих в регионе ограничений корпоративной, социальной и территориальной структуры, факторов экономической истории, культурных традиций; институтов, которые способны раскрепостить энергию региональной общности людей и вызвать воспроизводящийся динамичный экономический рост региональной системы.

3. Новизна институционального подхода к проблемам регионального развития

После десятилетия работы пришло отчетливое понимание тех новых возможностей, которые вносит в региональные исследования институциональный подход. Его потенциал высоко оценивал А.Г. Гранберг в своем последнем учебнике⁶.

Институциональный подход расширяет сам объект регионального развития, так как включает в него новые нематериальные феномены, которые ранее никогда не были предметом регионального анализа: идеи, экономическое поведение, межфирменные контракты, социальные сети и др. Несмотря на свой «виртуальный» характер, эти факторы, особенно в периоды кризисов и трансформаций, в явной

⁵ Пилясов А.Н. Экономические и политические факторы развития российских регионов // Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития. – М.: ИГРАН, 2002. – С. 18-38; Пилясов А.Н. Собрание земли кузбасской // ЭКО. – 2002. – № 4. – С. 3-18; Пилясов А.Н. Политические и экономические факторы развития российских регионов // Вопросы экономики. – 2003. – № 5. – С. 67-82; Пилясов А.Н. Основные институты смоленской экономики: опыт регионального анализа // Региональные исследования. – 2003. – № 2. – С. 52-75; Пилясов А.Н. Поиск ренты в рыбном промысле приграничной территории (на примере Южно-Курильского района Сахалинской области) // Проблемы приграничных регионов России. – М.: ИГРАН, 2004. – 328 с. – С. 162-172; Пилясов А.Н. Калининградская область – препятствия и предпосылки для перехода к модели экспортоориентированной экономики // Регион сотрудничества. Вып. 16 (41). Новая экономика Калининградской области. Калининград. Издательство КГУ. 2004. 55с. С.34–54; Пилясов А.Н. Региональная собственность в России: свои и чужие // Отечественные записки. – 2005. – № 1. – С. 84-111; Пилясов А.Н. Самарская область – на пути к информационному обществу // Взаимодействие городских и сельских местностей в региональном развитии. – М.: ИГРАН. 2005. – 348 с. – С. 166–201.

⁶ «Теории развития региона опираются на достижения макроэкономики, микроэкономики, институциональной экономики и других направлений современной экономической науки». Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М.: ГУ-ВШЭ. 2000. – 495 с. – С. 84. Отдельный раздел 7.3. учебника посвящен теме «Институциональные и правовые основы регулирования регионального развития».

форме воздействуют на траекторию и динамику экономического развития.

Особое внимание в институциональном подходе уделяется схемам прав собственности – но не просто как приватизационной динамике бюджетоформирующих предприятий, а как оценке степени специфичности региональной схемы прав собственности на основные местные (природные, человеческие, материальные, финансовые) активы. При этом расширяется само прежнее понятие собственности – не только как прав владения, распоряжения, пользования, но как экономического контроля всех видов – от самого сильного до предельно ослабленного, который проявляется прежде всего в способности исключать «чужих» пользователей.

В производстве региональных схем прав собственности всегда участвует региональная власть, которая впервые в данном анализе становится активным игроком экономического развития, формирует адекватные стимулы для поведения основных хозяйствующих субъектов. Поэтому многие традиционные феномены регионального анализа начинают рассматриваться в контексте конкретной сложившейся в регионе модели региональной власти и ее экономического поведения (мотивов и стимулов). Например, не просто анализ региональной бюджетной политики, но ее изучение в контексте существующей команды региональной власти и ее приоритетов социально-экономического развития. Экономическое поведение местной власти есть комплексный феномен регионального развития, который оказывает прямое и косвенное воздействие почти на все социальные и экономические процессы территории.

Как показывает опыт последних двух десятилетий, региональная власть, играя роль активного координатора основных экономических процессов в регионе, способна значительно уменьшить информационную асимметрию (неопределенность) и «трение» при заключении и реализации контрактов между основными экономическими агентами, сформировать ясными и определенными сигналами стимулы в их поведении, позитивные для региональной экономики. С другой стороны, есть многочисленные примеры, когда намеренное поддержание информационной неопределенности, доминирование неформальных норм и правил в экономическом поведении региональной власти дести-

мулирует долгосрочно ориентированную хозяйственную деятельность.

В институциональном подходе уделяется значительное внимание не межотраслевым, а межфирменным контрактам, т.е. более микроаналитическому инструменту в арсенале региональных исследователей. Речь идет о взаимодействии хозяйствующих субъектов (перетоках материальной продукции, финансовых ресурсов, знания) по схеме вертикальной интеграции или горизонтальной координации как внутри регионального контура, так и с выходом на национальный и глобальный рынки.

Институциональный подход признает существование региональной генетики – зависимости современного развития от прошлого. В период радикальной экономической реформы, как свидетельствуют наши исследования, эта связь прошлого и настоящего, зависимость от прошлой колеи проявилась неожиданно сильным образом во многих регионах России. После обрушения самых последних по экономическому возрасту слоев освоения именно наиболее ранние хозяйственные пласты регионов стали амортизатором кризисных явлений, были способны интегрировать обособляющиеся экономические анклавы в региональную целостность. Поэтому использование институционального подхода естественно сопрягается с применением ретроспективного анализа, экономико-историческими и историко-географическими методами исследования.

Наш институциональный анализ развития российских регионов был нацелен выявить зоны максимальных транзакционных издержек региональной экономики, области максимального рентоискательства субъектов экономической деятельности, в которых нестрогость формальных норм, например, нечеткость контрактных условий, недоочерченность схем прав собственности порождали искушение искать незаработанную прибыль у субъектов экономики, что приводило к резкому снижению экономической эффективности всей региональной системы.

Если в классических региональных исследованиях широко применяется оптимизационный подход, когда сложившаяся ситуация сопоставляется с идеальной нормой, оптимальным состоянием (которое в разных случаях может называться устойчивое развитие, бездефицитный бюджет, сбалансированность ветвей власти и др.), то для инсти-

туционального анализа характерно сравнение пар-аналогов, которые исходно обладают чертами сходства в материальных активах, в вещественных показателях экономического развития (ВРП, подушевой доход, численность занятых), при явных различиях в нормах и правилах, определяющих координацию (взаимодействие) агентов экономики. И именно через различия институтов делается попытка объяснить различия в результатах экономической деятельности через определенный интервал времени (обычно 10–20 лет).

4. Основной применяемый метод – сравнительный институциональный анализ

В нашем цикле исследований новейшего развития российских регионов применялись различные (традиционные) методы регионального анализа – например, анализ временных рядов, факторный, корреляционный анализ. Однако основным методом изучения стал сравнительный институциональный анализ.

Первоначально он применялся для очень узких, скромных целей сравнения отдельных норм в разных регионах России, отдельных контрактов и схем прав собственности реформируемых бюджетформирующих предприятий. Постепенно масштаб задач расширялся, а цели сравнения становились все более многогранными: уже не сравнение отдельных регламентов, контрактов, но сравнение комплексных институциональных феноменов, таких как региональная власть, региональные экономические коалиции, региональная производственная система (промышленный сектор).

С чем связана популярность сравнительного институционального анализа в наших исследованиях? Можно назвать две причины востребованности данного метода. Во-первых, в период радикальной реформы и экономической трансформации возвысилась роль нематериальных факторов и феноменов регионального развития, которые в стабильные эпохи обычно находят как бы в тени, что не позволяет выявить их значение. На укрепление роли неосозаемых ценностей работает и ускорившийся в результате экономической реформы, происходящий в российских регионах переход от индустриальной к сервисной эпохе, в которой растущее число новых рабочих мест создается уже не в промышленности, а в секторе услуг. Развитие

сервисного сектора в значительно большей степени, чем материального производства, зависит от факторов доверия, репутации, коммуникабельности, т.е. поведенческих и ментальных, невещественных, особенностей.

Количественное измерение этих неосозаемых феноменов регионального развития возможно, но существенно труднее, чем, например, измерение валового регионального продукта, занятости, подушевого дохода или других показателей «реальной» экономики. В этой ситуации и оказывается очень востребован сравнительный институциональный анализ, который не может обеспечить количественное измерение, однако позволяет дать качественную градацию (лучше-хуже, эффективнее-неэффективнее, более или менее конкурентоспособный) сопоставляемым парам регионов-аналогов, сходным по количественным экономическим параметрам, но различающимся по характеру действующих в них экономических институтов региональной власти, собственности, социального капитала и другим.

Во-вторых, начать активно использовать метод сравнительного институционального анализа нас подталкивала накопленная мировая практика последних двух десятилетий. В этот период многие зарубежные исследователи стали активно и конструктивно – с точки зрения получаемых результатов – применять его в своих работах.

4.1. Зарубежный опыт исследований

Попробуем кратко проследить конкретную траекторию применения сравнительного институционального анализа в мировых исследованиях последних десятилетий. Конечно, данный период не исчерпывает временных рамок его использования в мировой общественной науке. Например, и работы К.Маркса 19 века по эволюции общественно-экономических формаций и ключевого института прав собственности можно считать выполненными в идеологии сравнительного институционального анализа.

Но если ограничиться панорамой нескольких десятилетий, то можно отчетливо увидеть наличие двух крупных направлений при использовании сравнительного институционального анализа. В первом случае сравнительный институциональный анализ понимается как выбор между реальными альтернативами институционального устрой-

ства, различными организационными формами. Основателем данного направления выступил Р. Коуз, который в своей статье «Природа фирмы»⁷ провел сравнение процесса контрактации у фирмы и рынка как двух альтернативных форм организации. Он показал, что в одних условиях экономию издержек на контрактации (он назвал эти издержки трансакционными) может обеспечивать фирма, в других – рынок. Именно в результате сравнения этих двух полярных форм экономической организации удалось показать органическую связь между спецификой контрактного процесса и необходимой для него по критериям экономии трансакционных издержек конкретной организационной структуры. За эту работу Р. Коуз получил Нобелевскую премию по экономике в 1991 году.

Его подход получил развитие в работах многочисленных учеников, среди которых можно отметить М. Аоки, который в результате сравнения крупных американских и японских автомобильных корпораций в 1960–1970-е годы обнаружил существенные внутренние институциональные отличия – в первых доминирование вертикальной иерархической контрактации, во вторых – большую роль горизонтальных контрактов и неформальных «плоских» структур в виде кружков качества. Он объяснил более высокую эффективность работы японской «Тойоты» в сравнении с американскими «Фордом», «Дженерал Моторс» обнаруженными внутренними институциональными различиями.

В идеологии сравнительного институционального анализа выполнены работы другого ученика Р. Коуза О. Уильямсона, который в своих монографиях сопоставляет различные виды контрактного устройства американских фирм и увязывает вертикальную контрактацию со специфичностью активов: материальные, природные активы или человеческие ресурсы, которые обладают яркими (уникальными) особенностями, обычно требуют вертикальную интеграцию цепочки «добыча-переработка-сбыт». В случае ослабления черт специфичности необходимость в вертикальной интеграции ослабевает и она может быть замещена горизонтальными контрактами в виде субконтрактинга, аутсор-

синга или рыночной координацией. Эти работы в области сравнительного институционального анализа О. Уильямсона увенчались присуждением ему Нобелевской премии по экономике 2009 года (вместе с Э. Остром, которая получила ее за сравнение институтов управления общественной собственностью в разных странах).

Второе направление использования сравнительного институционального анализа связано со сравнением стран и регионов, которые исходно являлись аналогами по своим экономическим показателям, но потом именно в силу различий институционального устройства, институциональной структуры, траектории их экономического развития существенно разошлись. В отличие от первого случая, который сравнивает институты (экономические организации, контракты) скорее статично, здесь обязательно присутствует временной интервал, который и обнаруживает расхождения траекторий исходно сопоставимых объектов анализа (стран и регионов). Основателем данного направления является Д. Норт, который за конструктивное использование сравнительного институционального анализа в своих работах по экономической истории получил Нобелевскую премию по экономике 1993 года.

Несомненной заслугой Д. Норта является то, что он «динамизировал» применение сравнительного институционального анализа: ведь у Коуза сравнение институтов фирмы и рынка происходило как бы вне времени. Д. Норт показал, как консервативность институтов в одном случае, и их гибкость и пластичность в другом, привели в средневековой Европе к постепенному возвышению Англии, а затем Нидерландов, и экономическому закату Испании.

Идея сравнения институтов прав собственности для объяснения причин расцвета Соединенных Штатов и стран Западной Европы, с одной стороны, и стагнации стран Африки, многих стран Латинской Америки и Азии, была в дальнейшем использована в яркой работе Э. де Сото⁹. К этому направлению примыкает исследование М. Олсона «старых» и «молодых» штатов Америки в его книге «Возвышение и упадок народов. Экономический рост. Стагфляция. Социаль-

⁷ Коуз Р. Природа фирмы. В кн: Природа фирмы. Под ред. О.И. Уильямсона и С. Уинтера. – М.: Дело, 2001. – 360 с. – С. 33-52.

⁸ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд «Начала», 1997.

⁹ Де Сото Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. – М.: ЗАО «Олимп-бизнес», 2001. – 263 с.

ный склероз»¹⁰. Автор показывает, что ключевым отличием первых от вторых является наличие многочисленных распределительных коалиций в виде профсоюзов, экономических картелей, лоббистских ассоциаций, которые способны перераспределять в свою пользу значительную часть создаваемого общественного продукта и тем самым тормозить экономический рост. В этом случае реализуется сравнительный институциональный анализ не одинаковых по экономическому возрасту стран или регионов – как у Д. Норта; объектами анализа выступают разные по экономическому возрасту (но сопоставимые по экономическому потенциалу) страны или регионы, уже в силу этого имеющие и различные институты. Различия экономических траекторий здесь объясняется не просто различием экономических институтов той или иной страны, региона, но различием, которое само по себе обусловлено, детерминировано их разным экономическим возрастом. М.Олсон показывает, что институты неизбежно несут печать возраста своей экономической системы, в которую они укоренены.

Для нас значительный интерес представляет работа А. Саксениан «Преимущество регионов: культура и конкуренция в Силиконовой долине и районе Бостона»¹¹. Это исследование выполнено по всем законам обозначенного нами второго направления сравнительного институционального анализа. Автор показывает, как различия институтов в виде корпоративной культуры, особенностей контрактации, специфики экономической коммуникации между субъектами местной экономики вызвали радикальные расхождения траекторий двух высокотехнологичных регионов Америки. Силиконовая долина, которая существенно отставала от Бостонской агломерации в 1960–1970-е годы, будучи более молодым промышленным районом, в последующие десятилетия обошла ее по интенсивности рождения инновационных фирм, по числу разработанных и внедренных новшеств в компьютерных и информационных технологиях, по количеству патентов на душу населения и другим показателям креативной экономики.

Ключевой фактор, который привел к смене национального технологического лидера, связан не с технологическими, а сугубо институциональными различиями внутри региональной производственной системы. Производственная система Силиконовой долины укоренена в местное сообщество, теснейшим образом связана с ним, базируется на культуре информационной открытости и информационного сотрудничества между крупными и малыми фирмами. Ее характеризует размытие границ фирмы, в результате теснейшей интеграции поставщиков и производителей компьютерного оборудования. Поставщики при этом становятся полноправными партнерами производителей. Черты фрагментации местной производственной системы, которые неизбежно возникают ввиду высокой динамичности ежегодного рождения и умирания сотен малых высокотехнологичных предприятий, преодолеваются многочисленными некоммерческими организациями выпускников вузов, инженеров-эмигрантов, специалистов конкретных технологических процессов выпуска компьютерных комплектующих. Эти социальные сети, как и многочисленные конференции, форумы, выставки, региональные технические стандарты, поддерживают целостность производственной системы Силиконовой Долины в условиях ее высокой децентрализации. Эту производственную систему отличает гибкость, открытость, предприимчивость, толерантность к риску, экспериментированию и неизбежным провалам (например, ликвидации технологичных фирм).

С другой стороны, производственная система района Бостона характеризуется высокой централизацией, доминированием культуры крупных вертикально интегрированных высокотехнологичных корпораций, с присущими им чертами информационной закрытости, подчас секретности, изоляции, избегания риска. И все эти черты местной производственной системы прекрасно работали в условиях стабильной внешней среды мировых рынков, характерной для первых десятилетий послевоенного времени. Однако в неопределенной и высоко рискованной среде быстрых изменений, характерной для пери-

¹⁰ Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост. Стагфляция. Социальный склероз. – Новосибирск. ЭКОР, 1998. – 432 с.

¹¹ Saxenian Annalee. Regional advantage. Culture and Competition on Silicon Valley and Route 128. Harvard University Press. 1994. 226 p.

ода 1970-х годов и последующих лет информационная эффективность крупных закрытых вертикальных корпораций существенно снизилась. В этих условиях преимущество получила горизонтальная координация агентов экономики, информационная открытость на внешний мир, мобильность и способность к постоянным модификациям организационной структуры и производственных цепочек.

Важно подчеркнуть, что даже одни и те же институты в разных производственных системах Силиконовой долины и района Бостона выполняют разную роль: бизнес-ассоциации Силиконовой долины нацелены на обеспечение информационных обменов, обменов новым знанием между всеми участниками; с другой стороны, в Бостоне бизнес-ассоциации выполняли преимущественно лоббистскую роль выбивания военных заказов для крупных корпораций.

Традиция сопоставления различного институционального устройства регионов-аналогов и объяснения уже состоявшихся или прогнозируемых различий в экономическом развитии институциональными факторами продолжается в вышедшей в 2000-е годы книге «Культура, институты и экономическое развитие»¹². Акцент в ней сделан на факторах культурного разнообразия как важнейших для эффективного развития региональной производственной системы и конкурентоспособности всей региональной экономики в современных условиях.

На фоне многочисленных работ, выполненных в идеологии сравнительного институционального анализа в последние два десятилетия (статей, специально посвященных самому этому методу, в зарубежной литературе практически нет), выделяется книга «Роль власти в экономическом развитии стран Восточной Азии. Сравнительный институциональный анализ»¹³. Монография замечательна тем, что максимально раскрывает потенциал метода: все ее главы, несмотря на различие сюжетов, подчинены методологии

сравнительного институционального анализа, т.е. в каждой из них присутствуют все три необходимых для него элемента – приемы сравнения двух объектов наблюдения (пары аналогов); акцент на институты как важнейший фактор экономического развития фирм, регионов и стран; аналитическая часть, в которой приводится конкретный эмпирический материал. Однако каждая глава различается конкретным объектом анализа (фирма, страна, правительство) и потому читатель получает возможность представить все возможные грани его применения в конкретных экономических исследованиях.

Экономическое развитие понимается в данной книге как проблема координации, которая разрешается в результате использования субъектами экономики различных институтов, понижающих исходную информационную неопределенность в экономических процессах. Сравнительный институциональный анализ позволяет выявить институты, более эффективные и менее эффективные в решении этой задачи. Авторы глав книги сосредоточивают свое внимание на том, как распределяется информации среди агентов экономики в разных экономических системах; какая структура институтов характерна для экономических систем, организованных на принципах централизованной и децентрализованной коммуникации.

Абсолютно в духе работ О.Уильямсона, авторы одной из глав сопоставляют институты (контракты, права собственности, приемы управления), характерные для государственных и муниципальных китайских предприятий сопоставимого размера и экономического потенциала¹⁴. В другой главе разбираются достоинства и недостатки институциональных структур (различных моделей государственной власти) с точки зрения обеспечения государственно-корпоративного взаимодействия¹⁵. Здесь сравниваются различные режимы взаимодействия государства и бизнеса в контексте различия тех институтов, кото-

¹² Keating M., Loughlin J., Deschouwer K. Culture, Institutions and Economic Development. A Study of eight European regions. Edward Elgar. 2003. 215 p.

¹³ The Role of Government in East Asian Economic Development. Comparative Institutional Analysis. Ed. Aoki Masa, Kim Hying-Ki, Oluno-Fujiwara Masa. Clarendon Press. 1997. 419 p.

¹⁴ Quian Yingyi and Weingast Barry. Institutions, State Activism, and Economic Development: A Comparison of State-Owned and Township-Village Enterprises in China// The Role of Government in East Asian Economic Development. Comparative Institutional Analysis. Ed. Aoki Masa, Kim Hying-Ki, Oluno-Fujiwara Masa. Clarendon Press. 1997. 419 p. P. 254–275.

¹⁵ Okuno-Fujiwara Masa. Toward a Comparative Institutional Analysis of the Government-Business Relationship. The Role of Government in East Asian Economic Development. Comparative Institutional Analysis. Ed. Aoki Masa, Kim Hying-Ki, Oluno-Fujiwara Masa. Clarendon Press. 1997. 419 p. P. 373–406.

рые структурируют и регламентируют это взаимодействие.

М. Аоки в своей главе, посвященной институциональному объяснению причин послевоенного японского экономического «чуда», делает акцент на факторах зависимости от прошлого развития. По его мнению, институциональный каркас, который был унаследован Японией из предвоенного периода, в послевоенный период смог эффективно сработать, когда было найдено его соответствие с той эволюционной тенденцией, которая проявилась в развитии частного сектора (корпораций и банков). Эта стыковка была случайной. В ее результате институты существенно модифицировали свои функции против первоначальных намерений правительства. Возник уникальный координационный механизм между предприятиями. Неожиданно совпал институциональный каркас, который был создан из предвоенных институтов в результате усилий правительства, и возникающий организационный регламент деятельности предприятий: правительство создало специальные структуры для централизованного контроля ресурсов, которые оказались совместимыми с внутренней горизонтальной структурой предприятий и формами межфирменной контрактации¹⁶.

4.2. Особенности метода

Характерная черта сравнительного институционального анализа – широта его применения специалистами разных общественных наук, которые сопоставляют феномены мышления и поведения различно структурированных человеческих сообществ. Несмотря на то, что он был разработан в недрах экономической науки, его нельзя приписать только к ней, потому что его успешно используют в своих исследованиях юристы, социологи, культурологи, экономико-географы. Популярность метода в общественных науках неслучайна и отражает невозможность провести лабораторные эксперименты в режиме реального времени (отдельными усилиями в рамках новой еще только развивающейся науки экспериментальной экономики пока можно пренебречь): сравнительный институциональный анализ в общественных науках как раз и призван стать

аналогом экспериментального метода в естественных науках.

В отличие от многих других методов экономической науки, которые обладают высокой специфичностью (например, эконометрическое моделирование), и потому не могут быть легко перенесены в области соседних общественных наук, сравнительный институциональный анализ максимально близок к статусу общенаучного метода – для общественных дисциплин. В этом состоит его достоинство, но одновременно и слабость – ввиду количественной нестрогости и потому возможности субъективной трактовки получаемых выводов.

Сравнительный институциональный анализ имеет дело с миром неосязаемых, качественных процессов, с размытыми границами, не очерченными рамками, которые имеют текучий, нестабильный, флюидный характер. Для таких процессов близкими аналогами выступают биологические процессы в эволюционирующих экосистемах, а не производственные процессы в механистических и существенно менее гибких индустриальных конвейерных производствах.

В отличие от количественных параметров и показателей, «лобовое» изучение качественных признаков очень трудно. Их характерные черты лучше схватываются при сравнении близких пар-аналогов. Можно назвать это фундаментальными отличиями «материальной базы» и «духовной сферы». Несмотря на то, что в реальных социально-экономических процессах существует немало областей взаимных переходов «базы» и «сферы» друг в друга, для каждой из них требуются свои методы и приемы исследования.

Сравнительный институциональный анализ требует от исследователя очень широкой эрудиции, и чем она шире, тем конструктивнее его применение.

В отличие от формальных методов количественной оценки, в которых сам аппарат уже обеспечивает получение конструктивных выводов, здесь существенно большая нагрузка приходится на самого исследователя.

Здесь труднее механически скопировать, повторить чужие подходы. Вероятно, поэтому сравнительный институциональный анализ можно назвать в большей степени ис-

¹⁶ Aoki Masa. Unintended Fit: Organizational Evolution and Government Design of Institutions in Japan. The Role of Government in East Asian Economic Development. Comparative Institutional Analysis. Ed. Aoki Masa, Kim Hying-Ki, Oluno-Fujiwara Masa. Clarendon Press. 1997. 419 p. P. 233–253.

кусством, чем формальные методы экономической науки.

Сравнительный институциональный анализ нацелен изучать особенности экономической коммуникации в конкретном пространственном контуре и структурной организационной оболочке.

В этом состоит его миссия. Ее значение усиливается в связи с тем, что инструментов для изучения особенностей местной коммуникации у исследователей пока очень мало.

Возникает парадокс: с одной стороны, среди ученых широко осознается сверхважность эффективной экономической коммуникации как причины успеха или провала фирм, регионов и стран в современную эпоху; с другой стороны, реальных инструментов, приемов анализа коммуникации очень мало – отметим здесь анализ социальных сетей, патентных ссылок, соавторского поведения.

Между тем именно коммуникация субъектов местной экономики формирует атмосферу, обстановку, среду экономической деятельности. Эффективная коммуникация обеспечивает адаптивность местных игроков к глобальным переменам. Она обеспечивает активность информационных обменов внутри местного контура и содействует процессам взаимного обучения всех субъектов местной экономики. С экономической коммуникацией связаны вопросы региональной культуры, доверия, местной идентичности, экономической истории.

Ввиду синтетичности и центральности этого феномена, на платформе экономической коммуникации возможно сформировать новую современную теорию регионального развития. А сравнительный институциональный анализ открывает окошко возможностей для изучения особенностей местной коммуникации, перехода от частных сравнений конкретных институтов, структур к исследованию специфики обменов знанием в рамках каждой организации, каждого регламента или нормы.

Если понимать институты как рамки, регламент, которые структурируют коммуникацию, экономическое взаимодействие агентов региональной экономики, тогда использование сравнительного институционального анализа неизбежно выводит нас на проблемы, характеристики коммуникации агентов местной экономики и в чем состоит конкрет-

ная коммуникационная специфика каждого из них, отличающего его от всех остальных.

В типах экономической коммуникации самое грубое разграничение – вертикальная или горизонтальная коммуникация агентов экономики. Как показывает опыт региональных исследований последних двух десятилетий, сравнительный институциональный анализ позволяет достаточно точно определить, в какой местной экономике какая по типу коммуникация доминирует. Более тонкие характеристики местной экономической коммуникации – открытая/закрытая, слитная или фрагментированная производственная система – требуют объемных, по многим направлениям, сопоставлений регионов-аналогов.

Высокая пластичность и гибкость метода сравнительного институционального анализа позволяет исследователям работать с ним на разных пространственных и временных уровнях. Для Р. Коуза объектом изучения была дихотомия фирма-рынок; у Д. Норта – европейские страны, у А. Саксениан – американские регионы.

В наших исследованиях развития российских регионов сравнивались институты (контракты) различных ресурсных цепочек «добыча-переработка-сбыт»; нормы и правила, регламентирующие один и тот же вид деятельности в разных регионах; различные команды региональной власти, управляющие регионом в разные периоды времени; команды власти разных регионов, управляющие ими в один и тот же период времени.

Во многих случаях сравнительный институциональный анализ использовался нами для сопоставления статичных состояний объектов-аналогов. В других случаях мы применяли его для объяснения расходящихся траекторий экономического развития первоначальных регионов-аналогов, или для объяснения причин смены регионов-экономических лидеров.

Чем выше территориальный уровень объектов-аналогов, для которых применяется сравнительный институциональный анализ, тем больший должен быть временной интервал для корректного сопоставления различий в результатах их экономического развития.

У объектов сравнительного институционального анализа регионального или муниципального уровня существуют важные отличия от объектов национального уровня (стран). Чтобы реально доказать силу или

слабость конкретных институтов для страны, требуется масштаб десятилетий или даже столетия. С другой стороны, для регионов и городов можно увидеть эффекты сильных или слабых институтов в результатах экономического развития объектов-аналогов уже после пяти-семи лет или одного десятилетия.

5. Информационная основа исследования

Для целей сравнительного институционального анализа необходима как традиционная, так и новая экономическая информация, которая до настоящего времени относительно редко используется в региональных исследованиях. Но даже привычная статистическая информация по российским регионам для целей определения роли экономических институтов в развитии российских регионов разворачивается новым образом. Например, статистика по малому бизнесу используется не столько для того, чтобы количественно оценить экономические успехи этого сектора в регионе, но чтобы понять уровень предпринимательской энергии местного населения, характеристики местной среды, атмосферы, либо способствующей развитию предпринимательства, либо, наоборот, закрывающие возможности для этого вида деятельности.

Данные по отраслевой структуре занятости и валовому региональному продукту, объемам промышленного производства используются для определения масштабов корпоративизации местной экономики, которая неизбежно несет с собой явные последствия для контрактации хозяйствующих субъектов, и, следовательно, и для местных экономических институтов (степень монополизма или, наоборот, культурного разнообразия).

Очень важны сведения об организационной структуре местной экономики – какие структуры какого размера какой формы собственности ее составляют и какие в ней доминируют? Надо ли объяснять, что характер собственности (кому принадлежит), размер и возраст экономически и финансово значимых местных предприятий оказывает воздействие на тип формируемых здесь экономических институтов?

Очень важна статистика по развитию местной сетевой инфраструктуры всех видов – дорожной, телефонной сети, Интернет-проникновения, размеров площадей устой-

чивого действия широкополосной связи. При этом важны как характеристики собственно сетей, так и ее узлов в виде логистических центров, портов, компьютерных терминалов, мобильных телефонов и др. Для институционального подхода в этих показателях скрыты ценные сведения об особенностях (частоте, регулярности, интенсивности) местной экономической коммуникации, которая непосредственно связана с типом формируемых здесь институтов.

Важны все статистические сведения, которые дают представление об экономическом поведении региональной власти – прежде всего бюджетная статистика за ряд лет, также сведения о ее количественной и качественной структуре и др.

Традиционное использование статистики по расселению связано с желанием понять картину территориальной организации жизни населения. Для целей институционального анализа сведения по расселению – это ценная информация для определения особенностей (барьеров, стимулов) коммуникации субъектов местной экономики – насколько сложен или легок обмен информацией между региональным и муниципальным уровнем управления, между фирмами соседних муниципальных образований, между региональными центрами и периферией.

Наряду с традиционными статистическими сборниками в нашем цикле институциональных исследований широко применялись относительно новые для региональных исследований в России база данных региональной прессы «Интегрум», база данных региональных нормативных правовых документов, которая поддерживается правовой системой «Консультант+» (региональные законы, программы, концепции, стратегии, планы и др.) и Интернет-ресурсы важнейших российских поисковых систем. Охарактеризуем направления использования последних двух информационных источников более подробно.

5.1. Анализ нормативной правовой базы

После появления баз данных правовой информации «Гарант» и «Консультант+», которые включают в себя законы, указы, постановления, концепции, стратегии, программы, планы федеральных министерств и ведомств, субъектов Российской Федерации,

у региональных исследователей появился новый аналитический ресурс, который пока используется слабо. Причины этого, на наш взгляд, состоят, во-первых, в привычке работать исключительно с показателями Росстата; во-вторых, в значительной трудоемкости работы с региональными базами нормативных правовых документов.

Для выявления закономерностей институциональной динамики исследователю приходится работать с тысячестраничными текстовыми массивами документов объемом в десятки мегабайт. Кроме того, в сообществе региональных исследователей бытует мнение, что региональная нормативная правовая база – это лишь декларации о намерениях региональной власти, которые имеют очень слабое отношение к реально происходящим социально-экономическим процессам в российских регионах.

Наша позиция – другая. Мы считаем, что сплошной и выборочный анализ региональной нормативной правовой базы обеспечивает получение важной новой информации по специфике региональных институтов, региональной производственной системы, региональной атмосферы протекания хозяйственных процессов, которую трудно или невозможно получить из других источников.

Несмотря на требования унифицировать законодательство регионов под федеральный стандарт, расхождения между регионами по создаваемым региональной властью новым институтам, структурам, регламенту хозяйственных процессов, мерам поддержки предпринимательской и инновационной деятельности существуют, и их изучение исключительно конструктивно для целей сравнительного институционального анализа. Институциональные различия между регионами отражают как объективные различия региональной производственной структуры, так и различия в модели и типе экономического поведения региональной власти, которая учреждает эти местные нормы и правила.

Анализ региональной нормативной правовой базы формирует у исследователя представление, насколько активно творчество региональной власти в установлении формальных норм и правил по ключевым направлениям регионального развития и видам экономической деятельности – или эти правила в регионе имеют преимущественно неформальный характер (жизни по поняти-

ям); или их формирование отдано на федеральный уровень – действуют федеральные нормы, без всякой попытки их региональной спецификации.

В результате сплошного анализа всех региональных правовых документов можно определить, каковы основные структурные блоки в местном законодательском массиве и есть ли в региональной экономике суперструктура, регламенту деятельности которой посвящены важнейшие законы; приняты ли нормы по ключевым, наиболее рентабельным для данной территории видам экономической деятельности (например, местный закон о земле, о лесе, о воде и т.д.); создан ли в регионе регламент по «интегральным», т.е. имеющим максимальное пространственное протяжение, видам экономической деятельности (которые важны для формирования целостности региональной экономики) – например, мелиоративной деятельности или водному транспорту, энергосетевому хозяйству; как прописываются механизмы смены прав собственности: принят ли в регионе свой закон о банкротстве, или специфичные местные процедуры передела собственности определяются неформально; в какой степени местная власть нацелена на созидательную работу в понижении неопределенности для хозяйствующих субъектов через создание (самостоятельно или в партнерстве с бизнесом) центров сертификации и качества, семенного фонда, породного скота, через содействие в создании региональных сетевых структур – эффективных площадок обмена информацией между экспертами: профессиональных ассоциаций, союзов предпринимателей и других аналогичных «знаниевых» институтов. Анализ норм и правил в области бюджетной политики позволяет определить объективные и субъективные приоритеты, которые здесь имеет местная власть и тип отношений региональной и муниципальной власти в вопросах разверстки финансовых ресурсов (реализуется в регионе федеративная, децентрализованная, или унитарная, централизованная, модель; действуют здесь институты жесткой или мягкой бюджетной политики).

Анализ структуры региональной нормативной правовой базы в динамике нескольких лет позволяет сопоставить особенности институтов, учреждаемых разными командами региональной власти. Для того, чтобы

выявить институциональные различия в нормотворчестве при «закрытой» и «открытой» модели региональной власти, мы провели анализ всего массива регионального законодательства Республики Марий Эл с 1991 года по 2002 годы (т.е. за весь период ее хранения в базах данных правовой информации); детально – с 1996–1997 годов.

Первые годы (1991–1993 гг.) характеризуются сравнительно небольшим числом

официальных документов, принятых законодательной и исполнительной властью. Возникает несопоставимость с последующим периодом. Например, в 1991 году было принято около сотни актов, а в 1996 году – 461. Поэтому мы избрали отрезком анализа период с 1994 года по 2002 год, когда нормотворческая активность была примерно одинаковой и составляла ежегодно около 400–430 актов (табл. 1).

Таблица 1

Эволюция законодательства Республики Марий Эл, 1994–2002 гг.

	Всего актов	Президент / Глава Республики								
		Л.И.Маркелов		В.А. Кислицын				В.М.Зотин		
Годы		02	01	00	99	98	97	96	95	94
Всего принято документов в 1991–2002 гг. (по 28.10) ¹⁷	4079 ¹⁸ (100) ¹⁹	309	467	432	455	444	430	461	474	339
Налоги и неналоговые поступления	312 (7,6)	10	26	24	53	53	35	29	18	29
Бюджет и бюджетный процесс	241 (5,9)	16	28	29	47	31	31	21	19	15
Законодательство о транспорте и связи	233 (5,7)	13	23	24	44	35	28	21	15	16
Цены и ценообразование	220 (5,4)	10	12	25	20	21	14	29	46	18
Местное самоуправление	216 (5,3)	18	44	20	22	25	31	15	16	10
Финансовый и налоговый контроль	203 (5,0)	16	18	21	21	23	27	26	26	16
Финансирование, инвестиции	180 (4,4)	9	13	11	26	21	14	27	30	15
Коммунальные услуги. Тарифы и льготы	168 (4,1)	15	22	13	18	20	9	14	32	18
Лицензирование отдельных видов деятельности	156 (3,8)	7	12	9	20	7	8	23	22	29
Государственная и городская муниципальная собственность	115 (2,8)	20	16	15	11	17	7	5	9	10
Льготы по налогам	114 (2,8)	1	3	5	16	12	10	26	19	11
Земельные вопросы	119 (2,8)	17	7	7	12	17	11	2	20	13
в том числе - платежи за землю; земельный налог	55 (1,3)	6	3	4	6	8	3	1	9	12

¹⁷ Используется рубрикация правовой системы «Консультант +», база данных по региональному законодательству Республики Марий Эл.

¹⁸ В том числе 17,9% – Госсобранием Республики Марий Эл, 48,7% – Правительством Республики, 15,7 – Президентом Республики Марий Эл.

¹⁹ В скобках приведены проценты.

Таблица 1. Окончание

	Всего актов	Президент / Глава Республики								
		Л.И.Маркелов		В.А. Кислицын				В.М.Зотин		
Собственность на землю. Другие права на землю	37 (0,9)	6	2	3	5	6	6	0	8	0
Землеустройство	17 (0,4)	4	2	0	1	3	1	1	2	1
Земельный кодекс. Законы о земле	10 (0,2)	1	0	0	0	0	1	0	1	0
Государственные программы. Государственный (муниципальный) заказ	109 (2,7)	10	14	5	17	13	14	10	16	9
Вопросы развития сельского хозяйства	73 (1,8)	5	4	11	12	7	3	7	11	5
Поддержка предпринимательской деятельности	69 (1,7)	8	13	12	9	12	5	3	5	1
Порядок регистрации и гарантии хозяйственной деятельности	57 (1,4)	5	4	5	2	5	5	4	13	6
Средства массовой информации	36 (0,9)	6	7	2	5	1	2	3	5	2
Суды, судебная практика, исполнение наказания	37 (0,9)	2	2	7	3	8	5	3	3	2
Конституция (Устав). Государственные символы	32 (0,8)	0	5	10	1	4	4	0	9	2
Административно-территориальное деление	30 (0,7)	4	1	10	10	4	3	0	0	0
Частная собственность	16 (0,4)	1	5	3	0	3	1	0	0	3
Органы юстиции	17 (0,4)	4	2	4	1	0	4	0	1	1
Несостоятельность (банкротство) предприятий и предпринимателей	12 (0,3)	2	1	0	1	1	1	0	4	2
В том числе утратили силу	780	0	13	54	82	97	105	113	126	90
%	19,1	0	2,8	12,5	18,0	21,8	24,4	24,5	26,6	26,5

Затем был проведен частотный анализ принятия актов по каждому направлению каждый год. В результате из всех направлений классификатора правовой системы «Консультант+» были отобраны именно те, которые наиболее рельефно характеризуют институциональные изменения, т.е. динамику норм и правил, разрабатываемых каждой командой региональной власти.

Ряд экономических актов изучался подробно, текстуально, сравнивался с другими

регионами. Специальное внимание было обращено на отмененные, утратившие силу правовые акты, их динамику и сущностную структуру по годам. Не изучались различные редакционные версии одного и того же документа, как правило, возникающие в результате смены команды региональных руководителей (например, поправок в Конституцию Республики таким образом было внесено десятки в результате ее более чем 20 редакций за короткий период семи лет).

Сравнительный анализ норм и правил, учрежденных разными командами региональной власти, позволил сделать следующие выводы. При переходе от закрытой (В.А. Кислицын) к открытой (Л.И. Маркелов) модели региональной власти:

- увеличивается внимание к предпринимательской деятельности, поддержке малого бизнеса
- увеличивается число актов по вопросам собственности – государственной, муниципальной, частной, что отражает стремление власти сформировать четкий регламент в этом важнейшем направлении экономической деятельности. Институты банкротства предприятий становятся формализованными, приобретают необходимую легитимность, чего не было ранее, когда вся процедура передела собственности, в том числе и путем банкротства предприятия осуществлялась непрозрачно
- резко повышается интенсивность формирования новых институтов по вопросам местного самоуправления: отношения «регион-муниципальные образования» формализуются
- увеличивается внимание к деятельности средств массовой информации
- повышается активность нормотворчества в сфере земельной политики
- снижается частота принятия институтов по налоговым льготам, бюджетным фондам, которые использовались в закрытой модели региональной власти для поддержания «своих» хозяйствующих субъектов, которые не имели шансов получить финансовые ресурсы внешних инвесторов.

5.2. Анализ новостного потока

Анализ новостного потока крупнейших Интернет поисковых систем «Яндекс-новости» и «Гугл-новости» позволяет выявить институциональные различия между регионами или муниципальными образованиями; и использовать это знание для объяснения состоявшихся или происходящих расхождений в траекториях экономического развития.

Рассмотрим потенциал метода анализа новостного потока на примере двух соседних монопрофильных городов Ямало-Не-

нецкого автономного округа – Муравленко и Губкинского. Будем использовать в этих целях поисковую систему «Гугл», предоставляющую возможность отслеживать новости по определенному городу России за конкретный период времени. Были выбраны новости по запросам «Муравленко» и «Губкинский» отдельно за каждый год с 2006 по 2010 г.

Автоматический поиск в случае с данными городами приводит к погрешностям: например, в случае с городом Муравленко в результатах поиска присутствуют новости, связанные с фондом В.И. Муравленко и ул. Муравленко в Тюмени, в случае с городом Губкинский – новости, имеющие отношение к городу Губкину Белгородской области. Поэтому мы не рассматривали количественные аспекты новостного потока, а выбрали первые 100 новостей²⁰ в каждом исследованном году, из них отобрали только те, которые имеют отношение к исследуемым городам (70–85%), и провели их качественный анализ.

В потоке новостей вычленились отдельные темы – их список был свой для каждого года для каждого города. Предметом особого рассмотрения стали темы, которым было посвящено несколько новостей в различных СМИ. Так, например, в 2006 г. в Губкинском рекордное количество упоминаний приходится на тему механизма ипотечного кредитования, внедренного в городе. Наиболее популярные темы, составляющие первые 10–20% новостей, отражены в табл. 2.

На следующем этапе отдельные новостные темы были сгруппированы в тематические блоки (табл. 3), единый список которых использован для обоих городов и всех лет:

- события (праздники, культурные мероприятия, соревнования и совещания в городе, экономические события: выставки и т.п.)
- личные достижения горожан (победы на конкурсах отдельных горожан, команд и коллективов)
- контакты (визиты делегаций из города, гастрольи, выставки и мастер-классы внешних агентов в городе – кроме выездов спортивных команд)
- институциональные нововведения
- технологические нововведения (в муниципальных учреждениях или по городу в целом; внедренческие работы в частных компаниях – в отраслевых новостях)

²⁰ Одна и та же новость, упомянутая в разных источниках, рассматривалась как одна.

Таблица 2

*Темы, наиболее часто отражаемые в новостном потоке
по городам Губкинский и Муравленко*

Год	Губкинский		Муравленко	
	Кол-во новостей по городу	Ключевые темы	Кол-во новостей по городу	Ключевые темы
2006	83	Конкурс «Лучшая семья Ямала» Система альтернативного ипотечного кредитования Проект «Сетевой город» в образовании	80	Театральный фестиваль «Ямальская рампа» Деятельность филиала Тюменского вуза Выборы в гордуму
2007	72	Соглашение о сотрудничестве с Гомельской областью Отправка трудных подростков в Тобольский монастырь Губкинский лидирует в ЯНАО по строительству домов Уголовное дело против начальника таможенного поста	85	Конференция писателей Урала День города и нефтяника Памятник пожарным Конференция школьников Один из лучших учителей России Выездное заседание Думы ЯНАО по образованию Эпидемия ветрянки Школа вожатых Материнский капитал Претензии к «Шлюмберже» Крупное ДТП
2008	69	День города и нефтяника День предпринимателя Конкурс «Лучший предприниматель» Участие в Днях малого бизнеса в Москве Строительство второго (производственного) бизнес-инкубатора Мероприятия в энергетике Пропажа ребенка Уголовное дело против таможенника	86	День города и нефтяника Триумф книг главы города Быковского Первый бизнес-инкубатор Новый офис Ханты-Мансийского банка
2009	57	Голодовка сотрудников организации «Северная экспедиция» в связи с невыплатой зарплаты Юбилей Губкинского газового промысла Заседание совета предпринимателей Назначение нового прокурора Нарушения правил пожарной безопасности Нарушения в фармацевтических компаниях	89	Мероприятия в связи с 25-летием города Перевыполнение планов по добыче нефти Введение в строй новой скважины на Еты-Пуровском месторождении Начало строительства бизнес-инкубатора Новая школа
2010	71	Стелла памяти с землей из городов-героев Новое оборудование на ГПЗ Упоминания ГПЗ в связи с другими проектами «СИБУРа» Выборы в гордуму Открытие трех филиалов банков Ремонт подстанции в Тарко-Сале Уголовные дела по поводу невыплаты зарплат	79	Кубок губернатора по футболу Тендеры филиала «Муравленковскнефть» Уголовные дела против сотрудников ГИБДД Уголовные дела против сотрудников ОВД Уголовные дела против чиновников администрации и главы города

- нефтегазовая промышленность (данные о состоянии отрасли, вводе новых объектов)
- малый и средний бизнес
- финансово-экономическая сфера (торги, открытие нового банка и т.п.)
- социальная сфера
- строительство
- ЖКХ
- «внешняя» инфраструктура (ремонт дорог и сетей, ведущих в город и т.п.)
- криминал и происшествия (включая сообщения о проверках, административных взысканиях и т.п.)
- МЧС (учения, мероприятия, предупреждения, взрывы и техногенные катастрофы)
- экология и охрана природы
- социальный протест (митинги, акции протеста, протестные письма, а также информация о проблемах, повышении цен; обращения в суд о нарушении прав и т.п.)
- статистика и документы (официальные сообщения)
- политика (выборы, а также назначения должностных лиц)
- прочее

При этом функциональные тематические блоки (события, контакты, институциональные нововведения) имеют приоритет перед отраслевыми (образование, здравоохранение, строительство и др.): поэтому новости, связанные с внедрением новых проектов в отдельных сферах (например, проект «Сетевой город», внедренный в сферу образования Губкинского), отнесены к сфере «технологические нововведения», информация об ипотечных программах – к блоку «институциональные нововведения», а не к «строительству»; к отраслевым новостям относились только новости, связанные с результатами деятельности отрасли (подготовлены специалисты, построен дом и т.п.). Блок «события» имеет приоритет перед блоком «контакты» (поэтому новость о визите губернатора на юбилей города отнесена к блоку «события», а не к блоку «контакты»); блок «малый бизнес» имеет приоритет перед блоком «контакты», блок «контакты» – перед другими отраслевыми блоками, кроме малого бизнеса.

Поток событий обнаруживает большую монопрофильность Муравленко по сравне-

нию с Губкинским. Помимо дня нефтяника в Губкинском, например, отмечается, День предпринимателя, а традиционный конкурс детского рисунка посвящен самым различным сферам трудоустройства («Радуга профессий»). Для города Муравленко характерна большая доля событий, инициированных градообразующим предприятием; в городе Губкинский связь городских праздников с градообразующими предприятиями в новостях почти не проявляется. В Муравленко «низовые» события вытесняются корпоративными; в Губкинском, напротив, глава города постоянно участвует в инициативах местного музея. В городе Губкинский присутствуют новости о более оригинальных мероприятиях – например, выставке художественных композиций из монтажной пены, соревнованиях по фрироупу, организации выставки в автобусе; в то время как в городе Муравленко большинство мероприятий более традиционны (например, конкурс скрипачей, акция «факел памяти» ко Дню победы и др.)

В новостном потоке по городу Губкинский постоянно присутствуют новости по блокам, связанным с практическим применением предприимчивости горожан – почти не представленным или слабо представленным в Муравленко: это институциональные нововведения (здесь лидируют новости по особой ипотечной программе), технологические нововведения (проект «Сетевой город» в образовании, предложенный и одобренный в качестве образца для краевого уровня) и другие нововведения в различных сферах городской экономики.

Для города Губкинского характерно существенно большее, чем в Муравленко, число новостей, посвященных малому и среднему бизнесу: деятельность Фонда по поддержке предпринимателей, строительство второго, производственного, бизнес-инкубатора, успехи отдельных фирм – например, ООО «Кирилл».

Сравнение нормативной правовой базы двух регионов-аналогов или одного региона в разные временные периоды, когда руководство им осуществляли разные команды региональной власти, позволяет выявить различия формальных институтов (регламента взаимодействия хозяйствующих субъектов, норм и правил экономического поведения основных субъектов экономики).

Таблица 3

*Тематическое распределение новостей по городам Губкинский и Муравленко**

Тематический блок	Доля тематического блока в новостном потоке, %									
	Губкинский					Муравленко				
	2006	2007	2008	2009	2010	2006	2007	2008	2009	2010
События	19	17	20	4	10	11	22	27	12	14
Личные достижения горожан	6	4	9	7	6	7	5	9	11	6
Контакты	8	10	10	7	11	15	10	15	9	9
Институциональные нововведения	5	4	3	2	3	0	1	0	0	0
Технологические нововведения	4	3	0	2	3	1	0	0	0	1
Нефтегазовая промышленность	10	14	1	14	14	3	0	7	18	21
Малый и средний бизнес	4	3	12	7	3	1	0	5	7	0
Финансово-экономическая сфера	2	1	3	2	4	0	1	6	2	1
Социальная сфера	10	13	4	5	6	26	33	3	7	8
Строительство	4	6	6	4	1	0	2	5	0	1
ЖКХ	5	1	4	0	1	6	1	2	0	0
Внешняя инфраструктура	0	1	4	5	10	0	0	2	2	3
Криминал	7	13	14	16	8	16	14	12	21	19
МЧС	1	0	0	5	1	0	0	0	0	1
Экология	0	1	1	0	1	1	0	0	0	0
Социальные протест	2	3	0	11	6	3	1	1	0	5
Статистика и документы	4	1	1	2	1	0	2	2	0	1
Политика	4	3	3	7	8	9	0	5	7	9
Прочее	6	0	3	2	3	0	0	1	2	1

* Выделены темы, по которым города различаются значительно всего.

С другой стороны, анализ структуры Интернет-новостного потока двух регионов или муниципалитетов-аналогов (или одного, но за разные интервалы времени) позволяет выявить различия в неформальных институтах, общей атмосфере хозяйственных сделок, взаимодействия власти и бизнеса. Поэтому оба эти информационных источника не конкурируют, а дополняют друг друга в сравнительном институциональном анализе региональных процессов, укрепляют и усиливают его потенциал.

6. Конкретные объекты сравнительного институционального анализа

Общая задача сравнения институтов регионов или муниципальных образований-

аналогов на практике нередко сужается до сопоставления между собой конкретных объектов – предприятий-аналогов, государственных учреждений-аналогов, контрактов в одних и тех же отраслях, команд региональной власти в разных субъектах Российской Федерации и т.д.

В этом континууме сопоставляемых объектов можно выделить относительно простые случаи, когда сравниваются отдельные структуры и институты, и более сложные, когда речь идет о сопоставлении объектов, имеющих более комплексную внутреннюю структуру, о сравнении сочетания, комбинации нескольких институтов в разных регионах или муниципальных образованиях. Рассмотрим оба случая более подробно.

6.1. Простые объекты – нормы, структуры, контракты, промыслы

Сравнительный (институциональный) анализ земельного законодательства в Калининградской и Новгородской области. Внутри Северо-Западного федерального округа близким аналогом Калининградской области можно признать Новгородскую область. В обоих регионах в 1990-е годы размеры экономики были сопоставимы; высокая отраслевая концентрация (тройка ведущих отраслей сосредотачивает до 70% совокупного промышленного производства) сопровождалась дробной корпоративной структурой промышленного сектора (нет крупных корпораций федерального значения).

Однако при сходстве базовых экономических параметров тип динамики экономического развития двух регионов в период реформы был различен. Новгородская область начинала с существенно худших стартовых позиций по подушевым инвестициям, иностранным инвестициям, с близких позиций по уровню безработицы. Однако в конце 1990-х годов она обошла Калининградскую область по всем перечисленным параметрам

и превзошла по уровню подушевого ВРП (табл. 4).

Нельзя объяснить эти различия траекторий экономической динамики четырехкратным превосходством Новгородской области по площади – единственный параметр, который значительно отличается между данными регионами-аналогами. Скорее, наоборот, компактность Калининградской области могла бы стать фактором дополнительного конкурентного преимущества. Но это не случилось. В чем причины отставания Калининградской области?

Очевидно, что их нужно искать не столько в различиях площади, сколько в различиях экономико-географического положения (ЭГП) – приграничного, эксклавного в одном случае, и внутреннего – в другом. Эти различия каким-то образом сказались на различиях институтов, которые в одном случае стимулировали инвестиции и развитие новых предприятий, а в другом – наоборот, затормозили его (различия в ЭГП областей стали причиной различий в отдельных, но ключевых для экономического развития региональных институтах).

Таблица 4
Сопоставление типа динамики развития Калининградской и Новгородской областей

	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Численность населения, конец года, тыс. чел. Калининградская область	913	926	932	936	943	951	949	947
Новгородская область	746	744	741	738	737	734	727	720
Численность безработных, тыс. чел. Калининградская область	34,4	45,4	45,3	68,8	53,4	81,4	76,6	75,2
Новгородская область	21,9	29,4	35,1	31,5	47,2	53,0	51,7	28,4
Уровень безработицы, % Калининградская область	7,1	9,6	9,2	13,9	11,5	16,8	15,6	15,4
Новгородская область	5,8	8,3	10,2	9,1	13,5	14,8	14,1	7,8
Подушевые инвестиции, руб/чел Калининградская область	173	547	1058	1153	1267	1167	2370	5082
Новгородская область	106	345	980	1990	1572	2355	5587	6972
Подушевой ВРП, руб/чел Калининградская область			5658,2	8025,3	8636,2	9200,2	17006,1	
Новгородская область			5923,8	9511,4	9958,3	12786,4	22417,7	
Инвестиции в основной капитал ПИИ, млн долл. Калининградская область	3,2	10,5	68,3	64,7	114,6	118,9	145,5	381,5
Новгородская область	1,3	8,3	71,2	458,5	53,1	185,4	1656,1	938,4

В одном случае очень продвинутое законодательство сформировало полноценную земельную собственность, устранив тем самым одно из главных препятствий для инвестиционного процесса – невозможность использования земли в качестве залога под банковские кредиты; для другого случая было характерно «остановленное» законодательство по земле под влиянием приграничного положения и опасения потерять частицу Родины. Интеллектуальные представления (страхи) оказали давление на институциональную динамику. Действительно, земельное законодательство приграничных регионов во многих случаях оказывается менее продвинутым, чем у их «внутренних» российских соседей.

В Калининградской области не были найдены инновационные схемы прав собственности по земле, которые бы стимулировали иностранного инвестора. Вместо этого акцент был сделан на федеральное законодательство. На деле это означало остановленное на годы региональное нормотворчество по этому ключевому вопросу и диктат тени, потому что реальный оборот земли все равно происходил и без согласия власти на это. Закон Калининградской области «О земле» от 29.12.2000 был отменен. Область в начале нулевых годов не имела своего целостного земельного законодательства.

Но дело не только в отсутствии целостной нормативной системы по земельному вопросу. Действующие нормы имели ослабленный характер – Устав Калининградской области, закон «Об особой экономической зоне», отмененный закон «О земле» и другие предусматривали для иностранных физических и юридических лиц только право аренды земельных участков, но не право полной собственности. С другой стороны, в законодательстве Новгородской области было предусмотрено предоставление иностранным гражданам земельных участков в собственность, что значительно повысило привлекательность областных проектов для малых и средних иностранных инвесторов.

Сравнение регламентов работы региональной счетной палаты Рязанской области и Республики Марий Эл обнаруживает значительно большую терпимость законодательств республик к родственным связям и совмещению функций, чем законодательств области.

Например, в законодательстве Владимирской области для председателя Счетной палаты было определено, что он «не может быть депутатом представительных органов государственной власти и местного самоуправления, а также занимать иные должности в общественных организациях». С другой стороны, в законодательстве Республики Марий Эл та же норма звучала в начале нулевых годов более толерантно: «Председатель и его заместитель не могут быть депутатами Государственного Собрания Республики Марий Эл, членами Правительства Республики Марий Эл, заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности». Про аудитора Счетной палаты Рязанской области было четко сказано, что он «не может быть депутатом представительных органов государственной власти и местного самоуправления, а также занимать иные должности в общественных организациях, не может состоять в родственных отношениях с Председателем Рязанской областной Думы, заместителем Председателя Рязанской областной Думы, Главой администрации Рязанской области, заместителями Главы администрации Рязанской области, начальником финансового управления администрации Рязанской области, Прокурором Рязанской области, Председателем Рязанского областного суда, Председателем арбитражного суда Рязанской области». С другой стороны, для аудиторов Счетной палаты Республики Марий Эл была сформулирована лишь норма о том, что они «не могут заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности».

В Рязанской области были обозначены случаи досрочного освобождения от должности Председателя Счетной палаты постановлением областной думы: а) нарушение им законодательства Российской Федерации или областного законодательства, совершения злоупотреблений по службе; б) личное заявление об отставке; в) признание его недееспособным, вступившим в законную силу решением суда; г) достижение возраста 60 лет.

С другой стороны, аналогичная норма в Республике Марий Эл была сформулирована более мягко: председатель, его заместитель и аудиторы могут быть досрочно освобождены от должности решением Государственного Собрания Республики Марий Эл в случаях

а) нарушения ими законодательства Республики Марий Эл или совершения злоупотреблений по службе, если за такое решение проголосует не менее двух третей от общего числа депутатов Государственного Собрания Республики Марий Эл; б) личного заявления об отставке; в) признания их недееспособными, вступившим в законную силу решением суда; г) достижения ими возраста 65 лет.

Как показали наши исследования, российские области и республики имеют различия и по многим другим институтам. Их усиливают не только очевидное несходство этнической структуры, но и различия в региональных производственных системах. Для производственных систем многих областей центральной России характерны машиностроительные наукоемкие специализированные предприятия среднего размера, с эффектом экономии на диверсификации. Многие из них в советское время выпускали «промежуточную» продукцию. С другой стороны, для производственных систем республик Поволжья характерны крупные, нередко монопольные, трудоемкие предприятия, с эффектом экономии на размере.

Результатом различий производственных систем явились различия политических процессов в кризисные 1990-е годы. В областях производства комплектующих и другой промежуточной промышленной продукции наблюдался обвальный экономический кризис, укрепление левых симпатий избирателей. В случае размещения основных бюджетоформирующих предприятий в столице здесь часто возникали конфликты «мэр-губернатор».

С другой стороны, в республиках и областях размещения производств конечной сборки политические исходы были более благоприятны. Для избирателей здесь были характерны умеренные взгляды, а для региональной власти – умеренные по темпам реформы. Промышленное лобби экономически доминирующей столицы, в которой здесь расположены основные бюджетоформирующие промышленные предприятия, оказывалось сильнее ее мэра, поэтому конфликты «мэр-губернатор» здесь возникали редко.

Сравнительный институциональный анализ областей и республик Российской Федерации ввиду существенных, но не всегда лежащих на поверхности, различий – по возможно полному комплексу норм и пра-

вил экономического поведения хозяйствующих субъектов – представляет значительный интерес.

Сравнение схем угольной контрактации Печоры и Кузбасса. В советское время частично находящийся в Заполярье Печорский бассейн, в котором добыча угля ведется только подземным способом, рассматривался как резервный поставщик, а Кузбасс, где доминирует более дешевая открытая добыча, как основной для удовлетворения национальных потребностей.

Угольные месторождения Кузбасса более разнообразны по свойствам и более пространственно разобщены. Среди углей Кузбасса можно выделить три группы: максимально специфические – коксующиеся («передельные») угли остродефицитных марок Ж, К, ОС, которые естественно предназначены для интеграции с металлургическими производствами. Среднеспецифичные – некоксующиеся каменные угли, которые обладают способностью спекаться, и могут в зависимости от направления их обогащения, служить как коксохимическим, так и энергетическим сырьем (здесь есть альтернативность использования). Наименее специфичные – бурые энергетические угли западного крыла Канско-Ачинского бассейна. Для каждой группы существуют свои виды контрактов.

В Печорском бассейне есть две основные группы углей, которые четко дифференцируются и по месторождениям и имеют разную контрактацию. Коксующиеся угли марки Ж, и ГЖО добываются на Воргашорском, марки Ж на Воркутском месторождениях. Энергетические – главным образом на Интинском (марка Д) и частично на Воркутском (марка Ж) месторождениях. Основные потребители коксующихся углей ОАО «Северсталь», Новолипецкий металлургический комбинат, Московский коксохимический завод. Рынок энергетических углей представлен крупными электростанциями, промышленными районными котельными Республики Коми, Мурманской, Архангельской и некоторых других областей.

Различия в свойствах угольных активов Кузбасса и Печоры определили различия в институтах, возникших здесь в кризисные 1990-е годы. Проблема посредников (и угольной пересортицы), которая была исключительно сильна в Кузбассе и потребова-

ла активных экономических мер Губернатора А.Тулеева для поощрения прямых вертикальных контрактов, в Печорском бассейне в силу его большей удаленности от крупных рынков сбыта и невозможности получения легкой и быстрой посреднической ренты, практически не проявилась. Здесь четко были разграничены контракты по энергетическому и коксующемуся углю.

Сравнительный институциональный анализ стекольного промысла Владимирской области и оружейного Тульской области. Во многих регионах России есть отрасль, истоки которой коренятся в средневековых промыслах. Ее влияние выходит далеко за рамки экономических показателей, проявляется в неформальных и формальных институтах, региональной системе образования (в которой институциональная сила промысла получает рельефное воплощение).

Воздействие «гуманитарного» и «технического» ремесла на региональные институты оказывается различным. Владимирский «гуманитарный» стекольный промысел возник и развивался больше как искусство, как художественное ремесло. В последующие века, когда он дал старт стекольной отрасли, он оказался способен к бесчисленным модификациям и дал основу индустрии производства многих товарных групп. В отличие от него самоварный тульский промысел изначально возник и поддерживался как промысел одной и только одной товарной группы, хотя и с некоторыми модификационными различиями. Соответственно его влияние в последующие века на региональную экономику было весьма локализованным – против первого случая.

Аналогично владимирскому стекольному промыслу тульский оружейный промысел тоже возник как «кустовой», не монотоварный. Здесь всегда были значительные модификации и изначально выпускались ружья разных видов и целевой ориентации. Но в отличие от «гуманитарного», более опирающегося на культурные традиции, стекольного промысла, оружейный был укоренен в традиции инженерного технического знания. Потом на этот исходный промысел наслоились другие, но связанные с ним, хозяйственные пласты, которые также были техническими по своей сущности. В результате во владимирском случае мы имеем традиции гума-

нитарного культурного художественного образования, уравновешенные в 20 веке развитием ВПК-заводов; в тульском – традиции инженерного технического образования, еще многократно усиленные за счет размещения ВПК-машиностроительных предприятий.

Более древний хозяйственный слой и укорененные в него традиционные промыслы и ремесла дают рождение системе образования и научного знания, структура которых остается весьма инерционной и поддерживается длительное время. Радикальная трансформация этой системы (например, с гуманитарной на инженерную доминанту, или наоборот) трудна и требует специальных усилий. Как правило, новые пласты знания от новых хозяйственных слоев оказываются совместимыми к характеру первоначального слоя и еще более укрепляют проявившуюся в нем доминанту.

Поэтому опорный хозяйственный слой, в котором укоренены традиции первых ремесел и промыслов, имеет такое важное значение при формировании региональной институциональной структуры. Присущий ему тип знания имеет особенности закрепляться в последующие этапы хозяйственного развития (если оно не сопровождается радикальными сменами типа доминирующего этноса, катастрофическими природными явлениями и др.).

6.2. Сложные, комплексные объекты – региональная, муниципальная власть

Региональная власть и региональная производственная система. Перед каждой региональной властью стоит задача понижения транзакционных издержек (экономического трения) функционирования региональной хозяйственной системы. В регионах, в которых доминировала производственная система с вертикально интегрированными корпорациями, и у власти нередко в первое десятилетие реформ возникало искушение осуществлять экономическую координацию через создание рукотворных холдингов, финансово-промышленных групп.

С другой стороны, в территориях, в которых ведущие предприятия взаимодействовали со своими смежниками на принципах горизонтальных контрактов, власти нередко искали способы понизить экономическую неопределенность через создание сетевых структур в виде ассоциаций, союзов, производственных партнерств.

Первый случай назван в учебнике А.Г. Гранберга «регион как квазикорпорация», второй – «регион как рынок»²¹. В монографии А. Саксениан «Преимущества регионов» первому случаю соответствует район Бостона, второму – Силиконовая долина.

Вертикальные контракты с точки зрения активного сопровождения власти требуют меньших информационных усилий, чем горизонтальные. С другой стороны, хозяйственная система с горизонтальными контрактами сложнее и для эффективного воздействия на нее региональная власть должна иметь адекватное строение – значительную децентрализацию своего внутреннего управления, что позволяет аккумулировать информационные потоки из производственной системы в департаментах и принимать решения на основании адекватного представления о реальных проблемах.

Сравнение экономической координации в закрытой и открытой модели власти.

Первая модель характеризуется родственными или тесными дружескими связями всех «акционеров», т.е. представителей правящей региональной команды. Ядром системы власти является «семья», четко очерченный клан родственников первого лица, который контролирует основные бюджетные потоки и наиболее прибыльные виды деятельности. Формирование локальных монополий даже там, где в других регионах используются институты рынка и силы конкуренции, для этой модели кланового контроля абсолютно естественно и неизбежно. Распределение наиболее ценных активов территории (земли, материальных фондов, природных ресурсов) происходит здесь, как правило, директивными, не рыночными процедурами. Политический контроль устанавливается в результате постепенного подчинения основных силовых структур, с привлечением для решения этой проблемы порой и федеральных чиновников.

Власть в закрытой модели самодостаточна, проблема агентских отношений (типа «помещик-управляющий») решается за счет назначения на ключевые посты коалиции родственников первого лица. Решение инвестиционной проблемы обычно осуществляется с опорой на собственные силы – подобно тому, как решают ее закрытые акционерные общества.

Власть в закрытой модели обычно не нуждается в формальных нормах и правилах, их успешно заменяет неформальный регламент жизни «по понятиям». Это особенно характерно, когда первый руководитель находится у власти длительное время. Новый руководитель при этой модели вынужден строить «свою» правовую систему, свои институты, чтобы формальным образом упрочить свои власть и контроль. Речь идет о «захвате» исполнительной властью институтов законодательной, правоохранительной системы (суд, прокуратура, МВД). Формирование «своих» институтов, своего регламента, внутри которого сомнительные финансовые сделки становятся легитимными, при слабости федеральной власти или ее нежелании вмешиваться приводит к «аберрации», искривлению регионального правового пространства и стереотипов поведения находящихся в нем людей. При закрытой модели власти в регионе всегда невысока доля независимых печатных СМИ.

С другой стороны, при открытой модели региональной власти рынок, активные перетоки финансовых, информационных, человеческих ресурсов играют значительно большую роль в функционировании местной экономической системы. Жизнеспособность этой экономики поддерживается внешними инвесторами, которые чувствительны к стабильности местных норм и правил. Неслучайно институциональная динамика при переходе от закрытой к открытой модели власти характеризуется укреплением судебной системы всех видов и ее надзорных функций (Конституционный, арбитражный, мировой суды, институт присяжных заседателей), правовой и юридической службы при органах власти региона, контрольных структур Счетной палаты, Уполномоченного по правам человека и др., независимой прессы. Для модели открытой власти характерно большее внимание к проблемам собственности (это не критичная тема для закрытой модели, где власти и так ясно, что она вся «моя» – табл. 5). При открытой модели власти независимая и эффективная пресса уменьшает издержки коллективного действия граждан, свободное распределение информации повышает здесь качество региональных институтов и способствует снижению коррупции.

²¹ Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 495 с. – С. 83–84.

Таблица 5

Сравнение двух моделей руководства регионами Российской Федерации

	Закрытая модель власти	Открытая модель власти
Решение проблемы агентских отношений	Назначение управляющих-родственников	Конкуренция «управляющих»
Решение проблемы транзакционных издержек	Использование неформальных, этнически специфичных норм и правил во внутри- и межрегиональной контрактации	Формальные нормы и правила, понижающие неопределенность для хозяйствующих субъектов
Схемы прав собственности в основных предприятиях	Обособление производства и переработки. Ограничения производителя в правах продажи сельскохозяйственной продукции. Формирование подконтрольных структур в наиболее ликвидных сферах деятельности	Поощрение вертикальной интеграции добычи и переработки (например, формирование углеэнергетических компаний, углетранспортных компаний) и др. Поощрение прямой контрактации производителя и потребителя, борьба с посредниками
Институт внешнего управления и банкротства	Не используется региональной властью	Активно используется региональной властью
Инвестиционная проблема	Острая, решается за счет использования/перераспределения средств самих «акционеров». Привлечение внешних инвестиций крайне ограничено и трудно	Успешно решается за счет активного привлечения внешних инвестиций, прихода внешних вертикально-интегрированных структур

Таблица 6

Эволюция политики расходов при смене команд региональной власти (на примере Республики Марий Эл)

	Закрытая модель власти (В.А.Кислицын)			Открытая модель власти (Л.И. Маркелов)	
	1997	1999	2000	2001	2002
Всего расходов, млн. руб.	1152577	1197979	1325080	2166753	3431290
в т.ч. % – финансовая помощь муниципальным бюджетам ++ ²²	45,7	34,3	32,0/28,8²³	35,1	41,8
Социальная политика ++	3,9	3,9	3,1/4,2	8,5	7,0
Транспорт, дорожное хозяйство, связь и информатика +	3,6	3,8	4,9/5,4	8,9	6,2
Малый бизнес +	М.ч.	М.ч.	М.ч.	0,1	М.ч.
Целевые бюджетные фонды --	10,8	11,3	13,2	8,5	6,3
Сельское хозяйство и рыболовство --	5,5	5,2	5,9/10,1	5,5	4,1
Государственное управление --	1,5	3,6	5,8/7,0	5,7	4,4
Образование -	7,4	8,1	11,0/8,3	6,4	7,7

Очень рельефно отражается смена моделей региональной власти при анализе бюджетной политики (в первую очередь динамики доходных и расходных приоритетов). Рассмотрим данный феномен на примере Республики Марий Эл (табл. 6), в которой на рубеже веков произошла смена команд региональной власти: правящая коалиция, работавшая по модели закрытой

системы, уступила место команде, которая была приверженцем более открытого стиля руководства.

Что из себя представлял бюджет в период деятельности власти закрытой модели? В Республике была создана масса непрозрачных целевых бюджетных фондов, постоянно возрастало финансирование властью самой себя (расходы на государственное управление).

²² + Рост значения при смене команд руководителей Республики; ++ значительный рост; - спад; -- значительный спад.

²³ Числитель – официальные данные, полученные с сайта Правительства Республики Марий Эл, знаменатель – данные, рассчитанные (как и для всех остальных лет) на основании закона о Бюджете Республики.

Поощрялась деятельность «своих» для власти промышленных и аграрных предприятий, их инвестиционные приоритеты были выше текущих (социальных) потребностей бюджетного сектора. И это было абсолютно закономерно, потому что при закрытой модели власти трудно рассчитывать на привлечение в регион внешних частных инвесторов. Поэтому неизбежно инвестиционная нагрузка на местный бюджет увеличивается. Государственный заказ становился средством легального присвоения бюджетных средств дружественными власти посредническими коммерческими структурами – создавались многочисленные посреднические фирмы, которые частично нецелевым образом использовали выделенные им бюджетные средства.

Решения о расходах были переданы вниз, муниципальным образованиям; те получали до 40% всей расходной части бюджета.

При этом подход власти к муниципалитетам был индивидуальным: формирование мягких ограничений для лояльных муниципальных руководителей и намеренные задержки финансовой помощи для наиболее строптивых. Неудивительно, что от первоначальной процентной нормы распределения средств Фонда поддержки муниципальных образований (свой процент каждому муниципалитету) в последующем переходили к распределению постоянно меняющихся абсолютных величин. Бюджетные фонды тоже размягчали бюджетные ограничения. Бюджет не был инструментом активной экономической политики власти, а превращался в рентоформирующий фактор.

Как изменились расходные приоритеты у новой команды, работавшей на принципах открытости избирателям и внешнему миру? Значительно снизилась роль целевых бюджетных фондов – резервного, водного, экологического, животного мира, рыбного и др. Сократились расходы на государственное управление, на инвестиционные проекты в сельском хозяйстве и промышленности.

С другой стороны, значительно возросли расходы на финансовую помощь оказавшимся в предбанкротном состоянии муниципальным образованиям и на социальную политику – т.е. текущую помощь малоимущим, многодетным, безработным и другим уязвимым категориям граждан.

Вместо доминирования инвестиционных целей произошел переход к целям текущим:

подразумевается, что инвестиционные задачи можно будет решить за счет федеральных инвестиционных трансфертов в инженерную и социальную инфраструктуру и привлечения внешних инвесторов на коммерчески привлекательные проекты. Региональный бюджет финансировал только ремонт, реконструкцию социальных объектов, но не строительство новых. Одновременно реализовались стратегические социальные проекты, например, строительства сельских автомобильных дорог, которые соединяют марийские деревни с сетью дорог общего пользования. Формировалась единая закупочная политика в регионе для республиканских нужд, которая способствовала использованию бюджетных средств по целевому назначению. Был провозглашен равный подход ко всем муниципальным образованиям, принципы распределения на долговременной постоянной основе доходных источников и расходных полномочий между органами государственной и муниципальной власти.

Как изменилась политика доходов при переходе от закрытой к открытой модели? Внешние источники пополнения бюджета, помимо стандартных федеральных трансфертов, стали значимо больше. Изменилась структура доходной части – в пользу налогов на прибыль предприятий, имущественных налогов и доходов от государственной собственности (для этого проводилась полная инвентаризация государственного имущества). Общее увеличение внимания к проблемам собственности проявилось через активизацию процедур банкротства, усиленный нажим на эти темы в нормотворчестве и активизацию этого направления доходной бюджетной политики. Ранее доход от государственной и муниципальной собственности частично присваивался местными руководителями и дружественными к ним коммерческими структурами.

Экономическая координация в модели централизованной и децентрализованной региональной власти. Однозначной связи между закрытой и централизованной, открытой и децентрализованной моделью власти нет. Закрытая модель может характеризоваться как предельно централизованным стилем руководства, так и существенным делегированием полномочий первого лица в департаменты власти. С другой стороны, централи-

Таблица 7

*Сравнительный анализ кемеровской и самарской модели организации
региональной власти и институтов*

	Кемеровская модель А.Тулеева	Самарская модель К.Титова
Тип региональной исполнительной власти	централизованное управление	децентрализованное управление
Структура исполнительной власти	Нет четкого распределения полномочий внутри региональной власти, слабо расчлененная, концентрация полномочий у первого лица, позволяет первому лицу оперативно и самостоятельно принимать основные решения, используя аппарат в качестве вспомогательного подразделения. + Позволяет оперативно и гибко реагировать при наступлении частых непредвиденных событий в хозяйственной и социальной жизни области. - Проблемы неполноты знаний и информации первого лица, на котором груз основных решений	Расчлененная, отчетливая и функционально четкая, позволяет первому лицу делегировать свои полномочия и права (микроэкономическую координацию) принятия решения в департаменты Администрации. Вице-губернатор персонально отвечает за межведомственную и межотраслевую координацию. + Возможность большого охвата информации за счет децентрализации права вырабатывать решения. Каждый департамент аккумулирует специфическое знание о ситуации и влияет на решения в области экономической политики - Проблема бюрократизации, неоперативность в принятии решений и корректировке региональной экономической политики
Решение проблемы агентских отношений «региональная власть - муниципальные образования»	Многосторонние санкции за нецелевое использование средств муниципальными образованиями - приостановка финансирования из областного бюджета целевых региональных программ, передачи средств по взаимным расчетам, финансовой помощи из областного бюджета и др.	Выборность всех глав местного самоуправления Уменьшение размера финансовой помощи при применении зачета платежей в местный бюджет в неденежной форме, перерасходов бюджетных средств, нецелевого использования бюджетных средств, проверки соблюдения требований бюджетного законодательства. Право внешнего управления в муниципалитете-банкроте
Тип экономической политики региональной исполнительной власти	экономический активизм – регулирование основных хозяйственных процессов	экономический либерализм - децентрализованное регулирование с опорой на силы рынка, идеология невмешательства в важнейшие хозяйственные процессы
Сфера непосредственной экономической (не бюджетной) компетенции исполнительной власти (что сама себе определяет)	Предельно широкая, охватывающая все отрасли региональной экономики	В специфических сферах компетенции (сельское хозяйство, образование, жилищное строительство, а также экология, здравоохранение, машиностроение)
Власть как агент экономической координации	Укрепление вертикальных межфирменных и межрегиональных контрактов «добыча-переработка-сбыт» в ресурсных цепочках (уголь-металлургия, уголь-газохимия, уголь-энергетика и др.). Инфорсмент контрактов формальными институтами судебной системы и неформальными – репутацией первого лица	Сборка по кластерам – укрепление горизонтальных межфирменных контрактов автоВАЗа по комплектующим - малого и большого бизнеса, СП и материнского предприятия и др. Инфорсмент контрактов строго соблюдаемыми рыночными процедурами и гарантиями первого лица

Таблица 7. Окончание

	Кемеровская модель А.Тулеева	Самарская модель К.Титова
Поведение региональной власти в отношении схем прав собственности на бюджетно-образующих предприятиях	Стремление войти в основные бюджетоформирующие предприятия (4-5) областной собственностью, либо внешним управляющим, при невозможности - смена собственника приоритет – инсайдерский контроль, где это возможно Попытка создания интегрального собственника на всех крупных технологически связанных предприятиях области	Неторможение продажи госпакетов иностранным инвесторам на крупных бюджетообразующих предприятиях (16) Неформальные встречи губернатора и олигархов
Институты распределения бюджетных средств	Директивные принципы распределения, определяются первым лицом	Конкурсные принципы распределения бюджетных средств – где это возможно

зованная модель власти может включать как вариант закрытого, так и открытого типа. То есть на самом деле имеют место четыре случая, четыре варианта региональной власти – закрытая централизованная, закрытая децентрализованная, открытая централизованная, открытая децентрализованная. Но для целей сравнительного институционального анализа, который имеет дело с парами субъектов-аналогов, будем сравнивать друг с другом не четыре случая, а опять два – модели централизованной и децентрализованной власти.

В наших исследованиях наиболее рельефно такое противопоставление получилось на примере кемеровской модели А.Тулеева и самарской модели К.Титова (табл. 7).

Каждая модель власти имеет свои сильные и слабые стороны. В централизованной модели можно очень оперативно принимать решения, что сильно помогает в форс-мажорные периоды, во время чрезвычайных ситуаций. С другой стороны, чем сложнее становится экономика, тем меньше централизованная модель справляется с задачей эффективной координации хозяйствующих субъектов.

Например, эффективная поддержка малого бизнеса, сопровождение местных инноваций в централизованной модели невозможны. Необходимо обязательное делегирование властных функций вниз, в департаменты, в экспертные сообщества, координационные советы и комитеты при органах власти ввиду значительной рассеянности экономической информации про малый бизнес и местные инновации.

Сравнительный анализ отношений региональной и муниципальной власти. С неко-

торым огрублением реальной ситуации можно предположить, что есть два типа таких отношений – по федеративному механизму, с обширным делегированием расходных полномочий от региональной власти муниципалитетам; и по унитарному механизму, с сохранением значительной расходной ответственности и полномочий на региональном уровне. От каких факторов зависит выбор региональными властями конкретного алгоритма агентских отношений (в роли принципала здесь выступает сами региональная власть, в роли агента муниципальные образования)? Во-первых, это компактность или дисперсность территории региона.

С одной стороны, компактность облегчает централизацию объективно. С другой стороны, как раз в силу легкости управления компактным регионом здесь обширная децентрализация расходных полномочий в муниципальные образования может и не быть необходима.

Второй фактор – это общее количество муниципальных образований. При значительном количестве определенное делегирование расходных полномочий может со стороны региональной власти быть просто вынужденной мерой.

Централизованная в вопросах бюджетной политики модель с небольшим числом муниципалитетов свидетельствует об авторитарной региональной власти, в которой малый бизнес почти не имеет шансов на активное развитие (власть не формирует для этого никаких стимулов, наоборот). Централизованная схема с большим количеством муниципалитетов внутренне противоречива

и требует дополнительных устройств по сбору информации, частичному делегированию полномочий промежуточным звеньям, чтобы понизить издержки управления.

Децентрализованная модель с небольшим количеством муниципалитетов наиболее простая и исключительно благоприятная для развития малого бизнеса, потому что в этом случае имеющие полнокровные полномочия муниципальные образования в состоянии оказать ему поддержку на самом главном для него локальном уровне. Децентрализованная модель с многими муниципалитетами более трудная, потому что здесь региональной власти сложнее установить оптимальные правила игры – единые для всех муниципалитетов и требовать от них их исполнения.

Третий фактор – это компактное или рассеянное размещение основных бюджетоформирующих предприятий региона. При прочих равных условиях, компактность их размещения объективно упрощает централизацию бюджетной политики, переход на модель унитарного бюджетирования.

Наконец, четвертый фактор – это качество человеческих ресурсов в муниципалитетах в сравнении с региональным центром: насколько велик разрыв в уровне образованности, исполнительности, дисциплине? Если он значителен, то при благоприятных других предпосылках это дополнительный фактор за централизацию. Если нет, то оправданна децентрализация полномочий.

Различия свойств природных активов как фактор формирования различных моделей муниципальной власти. Различия структуры и запасов морских биологических ресурсов северной и южной акватории Курильских островов имеют объективный характер и отражают действие естественных законов географической зональности. Но лишь в период радикальных реформ в России эти различия приобрели принципиальный характер для социально-экономического развития Курильских островов и повлияли на формирование абсолютно разных моделей муниципальной власти в первом и втором случае.

Основной экспортный доход на севере приносят традиционная и для советского времени продукция промыслов донных рыб (трески, камбалы, минтая). Новой формой

экспортной продукции стало производство филе морского гребешка (не известное в советское время). Теневой промысел ограничен камчатским крабом на западе полуострова Камчатка, имеет незначительный объем и потому не смещает промысловые усилия других субъектов рыбохозяйственной деятельности, не деформирует сложившуюся структуру промысла и переработки.

С другой стороны, на Южных Курилах (островах Кунашир и Шикотан) в 1990-е годы произошла радикальная трансформация видовой структуры промысла морепродуктов, значительно изменилось направление основных промысловых усилий. Если раньше, в советское время, остров Шикотан считался сайровой столицей СССР, здесь выпускалась каждая десятая консервная банка страны, то теперь основой рыбохозяйственной деятельности стал нелегальный промысел быстро окупаемых и приносящих ренту валютоемких видов – морского ежа, креветки, волосатого и колючего крабов.

Многие эти виды присутствуют и в других частях российского охотоморья, в других участках тихоокеанского побережья. Но ни один из них не имеет такой степени территориальной близости к японскому рынку сбыта. Это стало – после либерализации внешнеторговой деятельности в 1990-е годы – основным сравнительным преимуществом Южных Курил, без которого наличная ресурсная база не смогла бы обеспечить участникам теневой хозяйственной деятельности быстрый рентный доход. Ценность довольно скромных и очень быстро подорванных за 1990-е годы ресурсов краба, креветки смогла актуализироваться только в результате очень выгодного экономико-географического положения Кунашира и Шикотана.

В 1990-е годы на северных и южных Курилах сложились две модели политико-экономического устройства, генератором каждой из которых выступают своеобразные свойства морских биологических ресурсов. Первая производственная система базировалась на получении эффекта экономии на масштабе операций. Поскольку прибыль от каждой единицы продукции невелика, эффективное предприятие было обречено расти, чтобы получить прибыль на объеме производства и постоянно уменьшающихся в результате удельных издержек. А по мере своего роста предприятие получало возможность оказы-

вать влияние на организацию политической власти в Северо-Курильском районе, прежде всего в направлении установления стабильных, четких, прозрачных правил игры.

Мелкая фирма-оппортунист имеет априорное преимущество перед крупным при нарушении правил игры (уплате налогов и др.). Крупному предприятию труднее уйти в тень, чем малому. Неудивительно, что руководители крупных северо-курильских предприятий были наиболее сильно заинтересованы в соблюдении правил всеми участниками рынка. Они были заинтересованы в этом даже более, чем сама муниципальная власть. Они оказывали на нее давление в установлении четких правил игры, от которых в конечном счете, как от любого общественного блага, выигрывали все.

Вторая политико-экономическая модель сформировалась в районе распространения высокоценных биологических ресурсов широкого спектра, но ограниченных запасов, быстро истощаемых. Их высокая прибыльность при несовершенном российском регламенте рыбохозяйственной деятельности и близости емкого японского рынка просто обрекала их на разработку многочисленными мелкими теневыми структурами, владельцы большинства которых, получая сверхдоход от каждой единицы выловленной продукции, не были особенно заинтересованы в росте и были заняты исключительно краткосрочным присвоением ренты. Естественно, что, будучи нелегальными, они не могли и оказывать воздействие на ход политического процесса в районе. Лучшая власть для них – та, которая вообще не вырабатывает никакого регламента и позволяет бесконечно продолжать быстрое воспроизводство капитала в контуре «российский вылов–японский сбыт, кредитование – российский вылов и т.д.».

Но отсутствие влияния на политическую ситуацию в районе со стороны бизнес-сектора, ввиду дефицита ответственных предпринимателей, с неизбежностью отдаст вопросы ее формирования случаю, в роли которого выступает популизм, заигрывание с неискушенным общественным мнением и др. Неизбежное при нелегитимности бизнеса его отстранение от политического процесса приводит к возникновению неэффективного политического управления, следствием которого является кризис всей локальной политико-экономической систе-

мы, по сути ее банкротство, частая смена муниципальной власти.

7. Институты, культурное разнообразие, различие траекторий экономического развития

Метод сравнения институтов в парах регионов или муниципалитетов-аналогов позволяет найти то промежуточное звено, которое в конечном счете определяет различия траекторий бывших «сиамских близнецов». Очень часто в роли такого звена выступают факторы культурного разнообразия, творческой атмосферы, инновационного поиска, предпринимательской энергии, которые присутствуют в одном случае и отсутствуют в другом. И при прочих сходных экономических условиях эти факторы способны привести к различиям в динамике экономического развития сравниваемых объектов.

Молодые города Муравленко и Губкинский Ямало-Ненецкого автономного округа имели сходные стартовые позиции. Оба города были основаны в середине 1980-х годов в связи с освоением нефтяных месторождений южной части округа.

Первоначально оба поселения входили в состав других административных образований. Поселок Губкинский, основанный в 1986 г., до 1988 г. входил в состав Пурпейского сельского совета с центром в поселке Пурпе; в 1988 г. поселок Губкинский был отнесен к категории рабочих поселков и исключен из состава Пурпейского сельского Совета. В 1996 году Губкинский получил статус города окружного подчинения. В 2004 г. городу Губкинский присвоен статус городского округа.

Муравленко был образован в 1984 г. в составе Пуровского района как Муравленковский сельский совет, переданный в административное подчинение Ноябрьского горсовета. В 1990 году поселок Муравленко получил статус города окружного подчинения. С 1996 г. Муравленко стал муниципальным образованием.

Губкинский был основан позже Муравленко, на шесть лет позже получил статус города, но на два года раньше Муравленко обрел административную самостоятельность в качестве рабочего поселка районного подчинения; Муравленко долгие годы был поселком, административно подчиненным городу Ноябрьску.

Таблица 8

*Основные социально-экономические показатели по городам
Муравленко и Губкинский, 2009 г.*

Показатели	Губкинский	Муравленко
Количество работников учреждений культурно-досугового типа на 1000 жителей города, чел.	4,2	1,8
Число спортивных сооружений, ед. (в скобках – на 1000 жителей)	46 (1,9)	40 (1,1)
Поступления от налогов на совокупный доход и единого налога на вмененный доход (от малого бизнеса) на душу населения, тыс. руб.	4,7	2,5
Ввод в действие индивидуальных жилых домов, кв. м общей площади (суммарно за 2007–2009)	5029	0
Ввод в действие жилых домов, кв. м общей площади (суммарно за 2007–2009)	52992	13228
Сальдо миграций (2010 г.)	179	-450
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв. м общей площади	20,54	15,23

Оба города расположены в непосредственной близости от автотрассы Сургут – Новый Уренгой. Оба города используют аэропорт города Ноябрьска (из Губкинского доступен и используется также аэропорт поселка Тарко-Сале). Единственное значительное различие связано с положением относительно железной дороги: Губкинский расположен ближе к линии Сургут – Уренгой (до ближайшей железнодорожной станции Пурпе – 16 км), чем Муравленко (до ближайшей железнодорожной станции Ханымей – 80 км; пассажиры обычно пользуются вокзалом Ноябрьска, где поезда стоят дольше, но который расположен еще дальше, в 120 км).

Через четверть века после основания оба города были сопоставимы по населению (37,3 тыс. чел. на 01.01.2011 в Муравленко и 23,5 тыс. чел. в Губкинском). В обоих городах сложилась монопрофильная экономическая структура: градообразующей отраслью является нефте- и газодобыча, а также нефтесервисные предприятия. Нефтедобывающие компании обоих городов извлекают сопоставимые объемы нефти, добыча нефти неустойчива и имеет тенденцию к падению все последнее десятилетие.

Однако в последние годы траектории развития обоих городов существенно расходятся. В юбилейном 2006 году в Губкинском закладываются новые торговые центры, активизируется жилищное строительство; местный предприниматель покупает Ноябрьский молокозавод. В городе Муравленко в том же году закрываются знаменитые досуговый центр «Наутилус» и детское кафе «Монтана».

Муравленко теперь существенно отстает от Губкинского по объемам ввода жилья и обеспеченности общей жилой площадью, по уровню социально-культурного обслуживания населения и другим социально-экономическим параметрам, определяющим культурное разнообразие и в целом – качество жизни (табл. 8).

Наиболее разительно отставание Муравленко от Губкинского по уровню развития малого предпринимательства и сектора услуг (торговли, бытового обслуживания, ремонта техники и транспортных средств и др. – рис. 1).

В последние годы расходы на развитие и поддержку малого предпринимательства в Губкинском кратно больше, чем в Муравленко: в 2009 году в Губкинском в расчете на одно малое предприятие поддержка бюджета составила 73,1 тыс. руб., в Муравленко – 5,2 тыс. руб.; поддержка малых предприятий в расчете на одного жителя в Губкинском составила в 2009 году 650 руб.; в Муравленко 36 руб.

В чем причины большей динамичности и успешности современного развития города Губкинский по сравнению с Муравленко? Представляется, что главная причина лежит в различиях новейшей экономической истории двух городов.

Губкинский очень быстро обрел административную независимость, стал самостоятельным поселком районного подчинения. С другой стороны, Муравленко более половины своей жизни был в административном подчинении города Ноябрьска.

В Губкинском среди градообразующих предприятий есть экономически самостоятельные; с другой стороны, в Муравленко

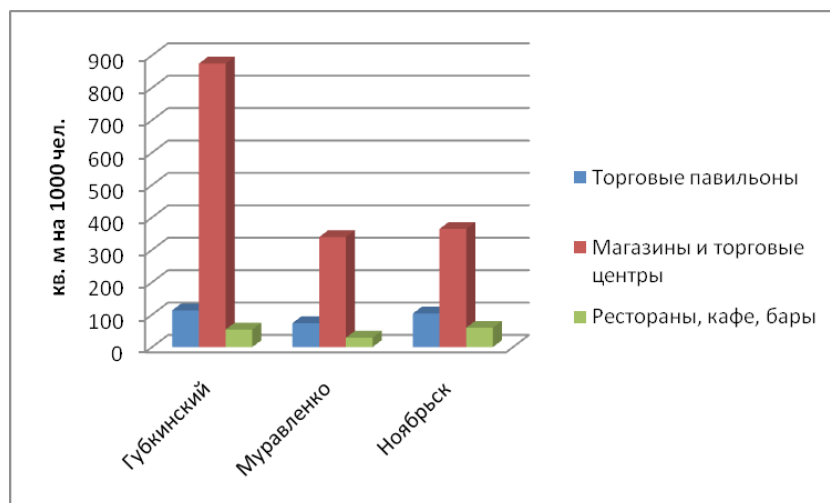

Рис. 1. Площадь торгового зала или зала обслуживания посетителей на 1000 чел. населения города, 2009 г.

до недавнего времени все крупные предприятия были филиалами ноябрьских фирм. В Губкинском несколько градообразующих предприятий, что создает условия для плотной конкуренции на местном рынке труда. С другой стороны, в Муравленко все последние годы единственным градообразующим предприятием-монополистом на местном рынке труда является филиал «Муравленковскнефть» ОАО «Газпромнефть – Ноябрьскнефтегаз».

Внешне сходный феномен монопрофильности, как показывает сравнительный институциональный анализ, на деле имеет множество различий. В случае экономической независимости градообразующего предприятия или наличия нескольких градообразующих предприятий, при ранней административной независимости монопрофильного города здесь раньше и активнее начинает развиваться сфера культуры, возникают условия для культурно разнообразной среды, для независимого предпринимательства. Эти факторы в современных условиях являются критическими для экономического роста и развития.

С другой стороны, в городе с длительной историей административного подчинения, с градообразующими предприятиями – зависимыми филиалами федеральных корпораций формируется атмосфера зависимости, блокирующая развитие предприниматель-

ского сектора. Экономическое, культурное, политическое доминирование градообразующего предприятия иссушает культурную среду такого города. Эти недостатки слабо проявлялись в советское индустриальное время, однако в современную эпоху они способны реально затормозить развитие и экономический рост монопрофильного города.

8. Сравнительный анализ переселенческого процесса в Оренбуржье России и на Диком Западе США в середине 18 века

Освоение фронта²⁴ – российского степного Оренбуржья и американских прерий Дикого Запада – в результате массового притока новопоселенцев началось примерно в одно время. Поэтому естественно сопоставить главные социальные группы и правовые рамки первой, наиболее яркой (и потому наиболее отчетливо оттеняющей общие и особенные черты двух синхронных процессов) стадии.

В обоих случаях первопоселенцами стали «зарамочные» люди, которые уходили от доминировавших в стране в тот период норм и правил поведения, сковывающих их предприимчивость/предпринимательскую энергию – крестьяне малоземельных губерний, «теневые» предприниматели, беглые преступники, проштрафившиеся чиновники. На новой территории возникала значительно более высокая, чем в самой метрополии, концентрация

²⁴ В американской литературе так называют колонизуемые территории, ранее не освоенные – или очень слабо освоенные, с предельно низкой плотностью населения.

людей с повышенной склонностью к риску, авантюрных, склонных к внезаконной (контрастирующей с официально признаваемой государством) деятельности.

Эти люди в районах выхода принадлежали к разным социальным слоям населения, но в результате переселенческого процесса переплавлялись в единую новую общность – казаков в российском случае, скваттеров в американском. В отличие от скваттеров для Америки, казаки для России не были абсолютно новым сословием, однако генезис их формирования и виды деятельности в Оренбургской губернии были абсолютно специфичны. Здесь впервые они были использованы в виде иррегулярных войск для охраны новой границы государства (регулярных войск здесь было мало и они обходились дорого) и для широкого комплекса работ по обустройству новой территории (строительство, лесозаготовки, почтовая связь).

При освоении американского запада правительство использовало начавшийся стихийно переселенческий процесс для быстрого утверждения новой нации на землях, ранее занятых индейскими аборигенами (но не для охраны южных границ от набегов кочевников). Поэтому здесь история земельной колонизации сопряжена с кровавым отчуждением собственности индейцев, их вытеснением с исконных земель. С другой стороны, в российском случае имела место мирная этническая интеграция проживающих в оренбургской степи кочевых народов русскими переселенцами, которые в дальнейшем восприняли многие черты традиционного уклада аборигенов.

Захватный (*first come-first served*) метод приобретения новой земли переселенцами за символическую плату или даром в обоих случаях был сходным. Но принципиальная разница, которая определила в дальнейшем все большее расхождение двух синхронных процессов, определялась формальными институтами, сформированными в самой метрополии.

В российском случае это было помещичье дворянское землевладение, и эти нормы все равно со временем настигли беглецов от них. С другой стороны, в американском случае мигранты из Европы сразу начали формирование своих собственных, не феодальных норм и правил поведения и потому импорта феодальных институтов на новую территорию дикого запада не происходило.

Первый период казацкой вольницы и захвата явочным образом участков земель беглыми людьми очень быстро сменялся новым переделом с обязательной концентрацией drobных мелких земельных участков (которые уже принадлежали переселенцам), пространств, используемых кочевниками, – в пользу помещиков центральных российских губерний и новых, которым власти жаловали земли за государеву службу на окраинах империи.

Помещики пользовались неграмотностью местных жителей, отсутствием у них документов на землю, неопределенностью границ их земельных владений: «...стоило только позвать к себе в гости десяток родичей-отчинников.., дать им два-три жирных барана.., поставить ведро вина да несколько ведер крепкого ставленного башкирского меда.., так и дело в шляпе.. За самую ничтожную сумму покупаются целые области»... «обыкновенно границы обозначаются урочищами, русский барин напоил башкир вином и затем попросил у них столько земли, сколько бычьей шкура накроет...» – С.Т. Аксаков «Семейная хроника».

Неформальный стихийный регламент первопоселенцев сменялся формальным феодальным регламентом, с опорой не на казаков, которые не относились к политико-экономическому фундаменту российского общества, но на привычных помещиков-дворян. Царское правительство постепенно вводило в общегосударственное русло тот неформальный, более свободный по собственности, по воле прецедент, который начал создаваться в Оренбургской губернии.

Это был радикальный перелом в первоначальной организации переселенческого процесса, который начался именно как инициатива снизу, как проявление предпринимательской, хотя и не законной, энергии. Эта энергия была использована для формирования первого «слоя» освоения, а потом хладнокровно трансформирована по официальному феодальному вектору. Сила недовольства недавних переселенцев была так велика, что Емельяну Пугачеву удалось использовать ее в своем восстании.

В последующие годы происходило интенсивное образование новых крупных помещичьих имений и насильственное переселение сюда крепостных крестьян. Генеральное межевание закрепило за помещиками все

их земли, включая и самовольно захваченные. Быстро нарастала концентрация земель – уже в начале 19 века десять помещиков имели более 50% земель губернии. Оренбургские помещики на кабальных условиях предоставляли свои земли новым крестьянским переселенцам в 1820–1830-е годы.

Переселенческий процесс не опрокинул господствующие нормы (хотя на Аляске при формировании Российско-Американской компании это удалось сделать в том же 18 веке). Старые нормы и правила, которые были перенесены без трансформации на новую территорию, заглушили попытки институциональных инноваций первых лет освоения в российском случае. Казаки и беглые крестьяне, в отличие от скваттеров, не стали субъектом законотворческой инициативы, правовая система осталась консервативной. Прорыва к новым конфигурациям прав собственности здесь не получилось.

С другой стороны, в американском случае, в значительной степени по объективным причинам отсутствия гнета феодального наследия в метрополии и отсутствия необходимости быстрого формирования защитного верноподданного социального слоя на рубежах страны²⁵ удалось сохранить энергию пионерного освоения, скваттеров, выведя ее новыми государственными законами (прежде всего законом о гомстедах, который позволил поселенцу выкупить обустроенную им землю до того, как она будет выставлена на публичные торги) из нелегального статуса.

Официальное элитарное законодательство было гибко трансформировано под сложившийся новый порядок вещей, созданный «напором массовой иммиграции и грандиозного поселенческого движения», признало законность, включило в себя, в общенациональную систему частной собственности, многие из внезаконных установлений поселенцев. В результате конструктивно удалось преодолеть конфликт между системой легального права и внезаконным существованием скваттеров и других пионеров.

Американцы выстроили новую концепцию собственности, «акцентирующую ее динамические аспекты и связь с экономическим ростом». Американская собственность перестала быть средством сохранения прежнего экономического порядка и стала мощным инструментом создания нового²⁶.

9. Моделирование институтов как сверхзадача при использовании метода сравнительного институционального анализа

Что можно назвать в качестве главного направления развития метода сравнительного институционального анализа на перспективу? Конечно, это вопросы институционального проектирования – использование метода для конструктивных предложений по переносу институтов с одной почвы на другую во имя сокращения межрегиональных разрывов и контрастов в развитии.

И в реальной практике это уже происходит. Ведь вся философия бенчмаркинга – передачи лучшего опыта от лидеров к аутсайдерам – базируется на предварительном сравнительном институциональном анализе, сопоставлении практики передового и отстающего объекта (организации, региона, страны).

Философия бенчмаркинга первоначально зародилась в корпоративных структурах, но потом постепенно проникла и в общественный сектор, в деятельность органов власти США, Канады и европейских стран. Идея бенчмаркинга очень проста: лучшее место, где можно искать, как совершенствовать институты и практики – это те организации, которые являются лидерами. В процессе бенчмаркинга возникает горизонтальное партнерство плотно взаимодействующих донора и реципиента передовой практики. Бенчмаркинг – это обнаружение, какие именно институты (процедуры, регламенты, практики) приводят к лучшим результатам, для последующего использования или копирования их.

При всей своей кажущейся простоте и очевидности, бенчмаркинг, или передача

²⁵ Влияние «враждебного» окружения на процесс формирования институтов пограничной территории может быть двойственным. В разбираемом случае, оно привело к консервации старых норм и правил, потому что эксперименты в таких геополитических условиях были признаны непозволительной роскошью. Однако в Тайване, Гонконге, Южной Корее именно наличие враждебного соседа, постоянная угроза оккупации, инициировали формирование инновационных конфигураций прав собственности, которые реально оказались способны пробудить энергию людей к созидательной деятельности. Причина, видимо, коренится в более общих особенностях самих стран, их культуры, этнической структуры, а не только экономико-географического положения отдельного региона.

²⁶ Де Сото Эрнандо. Загадка капитала. Почему капитал торжествует на Западе и терпит поражение в остальном мире. – М.: Олимп-Бизнес, 2001.

передовой практики, очень трудоемкий процесс, с далеко неочевидным успешным результатом. Например, существует риск, что лучшая практика стороны-донора не укоренится, не приживется в принимающей стороне.

В институциональной экономике эта проблема подробно разрабатывается на примере импорта передовых институтов. Ведь что такое передовая практика? На самом деле это комбинация институтов (норм, правил, структур), которые доказали свою успешность у их «донора».

Огромную роль в успешном укоренении чужого института, чужой практики на новой почве играет среда, факторы культуры, ценностей сообщества принимающей стороны. Здесь возникают когнитивные проблемы – в самом процессе трансфера/переноса, восприимчивости передового опыта, внедрения опыта и знания в принципиально иной среде.

Прежде чем запустить процесс бенчмаркинга, региональные или местные власти должны четко определить для себя, где именно находится узкое место в их управленческих процессах, где возникают наиболее частые сбои и жалобы, какие именно институты в наибольшей степени содействуют тому, чтобы их организация имела благоприятный или негативный имидж. Ведь лучшая практика перенимается не вообще вся, а именно и только тех процедур, которые являются наиболее критичными для принимающей организации. Чем уже определено «острие» процесса бенчмаркинга, чем более он сконцентрирован на конкретной операции или даже ее отдельном аспекте, тем больше надежд на успешное использование передовой практики в принимающей организации.

Обобщая многие Интернет-публикации по теме бенчмаркинга, отметим условия успешной передачи лучшей практики. Первое условие – формирование доверия и понимания между партнерскими организациями – донором передовой практики и принимающей стороной. Для этого целесообразны неформальные технические семинары с развернутыми дискуссиями участников и др. Важно вовлечь участников процесса бенчмаркинга как можно раньше и как можно более полно. Необходимо постоянно анализировать эффективность и затраты на государственные/муниципальные услуги – до и после процедуры бенчмаркинга. Внедряемые системы передовой практики должны увеличивать, а не уменьшать гибкость работы общественного сектора и оказания услуг гражданам.

В Совете по изучению производительных сил технологии бенчмаркинга (хотя и без прямого упоминания этого термина) используются при разработке документов стратегического прогнозирования – Стратегий развития регионов и муниципальных образований России. Раздел механизмы реализации всегда предполагает предложения по нормативному правовому обеспечению документа. Именно здесь, в конкретных предложениях по новым институтам (структурам и нормам, регламенту поведения хозяйствующих субъектов) мы и предлагаем властям учесть передовой опыт других российских регионов и городов. Наши предложения базируются на анализе региональной нормативной правовой базы, из которой мы отбираем лучшие, зарекомендовавшие себя нормы и правила и рекомендуем их к внедрению в новых регионах и городах России.

ИСТОРИЯ НАУЧНОЙ МЫСЛИ

А.И. Булгакова (Смоленск)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX ВЕКА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Bulgakova A.I.

THE REGIONAL RESEARCHES OF TERRITORY OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE NINETEENTH CENTURY: THEORY AND PRACTICE QUESTIONS

Аннотация. В статье рассматриваются региональные исследования территории Российской империи XIX века как часть русской географической традиции, проявившейся в сочетании интересов исследователей с интересами государства.

Abstract. The author studies regional researches of territory of the Russian empire of the nineteenth century as a part of the Russian geographical tradition shown in a combination of interests of researchers with interests of the state are considered.

Ключевые слова: региональные исследования, краевая география, Вольное экономическое общество, Императорское Русское географическое общество, русская географическая традиция, XIX век, стратегия исследования.

Key words: regional researches, regional geography, Free Economic society, Imperial Russian geographical society, russian geographical tradition, the nineteenth century, research strategy.

Региональные исследования территории Российской Империи, начиная с XVIII века, являлись частью русской географической традиции, проявившейся в сочетании интересов исследователей с интересами государства в познании ресурсного потенциала страны [1]. Общественно-географическая наука, как и география в целом, во все периоды своего существования призвана была удовлетворять потребности экономики растущего государства. Так, Н.Е. Дик одними из главных особенностей развития географии «ломоносовского» периода считал: «1) понимание географии как науки, изучающей и описывающей природные условия, ресурсы и хозяйственное развитие территорий (в административных границах); 2) взгляд на географию, знание которой необходимо для управления государством, для хозяйственной деятельности, для освоения новых земель, т.е. признание государственного значения за развитием географических знаний о своём отечестве» [10, с. 6]. В связи с преобладанием государственных интересов в изучении и хозяйственном освоении территории, главным действующим лицом географических

исследований становится государственный деятель, поэтому большинство статистических исследований проводилось земскими учреждениями, в то время как разработкой теоретических представлений занимались преподаватели университетов.

Краевую географию, под которой подразумевалось описание губерний, уездов и городов, в качестве одного из направлений отечественной географии XIX века выделил Баранский Н.Н. Наряду с коммерческой географией, краевые исследования были отнесены Баранским Н.Н. к статистическому направлению. Данное направление представляло собой сбор и последующую обработку статистической информации по уездному делению, помимо районного направления, получившего своё широкое распространение со второй половины XIX века [15].

В условиях социально-экономического роста значительно увеличивается потребность в сборе и систематической обработке экономических и географических сведений, характеризующих страну. Так, условиями, способствовавшими развитию общественно-географической науки в России XIX –

начала XX века можно считать увеличение товарности сельского хозяйства, углубление специализации районов и городов, рост внешней и внутренней торговли, усиление разделения труда между отдельными частями страны и формирование хозяйственных районов [1, 10, 15].

Краевые исследования территории Российской Империи XIX века проводились повсеместно, а организаторами выступали как помещики, организующие ревизии своих владений, так и государственные учреждения, и институциональные образования, в частности Вольное Экономическое общество, Императорское Русское Географическое общество, а так же центрами краевых исследований могли выступать университеты.

Наибольшее развитие экономико-географические исследования территории России получают, начиная со второй половине XVIII века, когда появляются программы по комплексному изучению территории. Такие программы-руководства, в частности, программа, составленная М.В. Ломоносовым, включавшая в себя три десятка вопросов, которые были разосланы руководителям губерний и содержали в себе вопросы как физико-географического, так и экономико-географического характера, касавшиеся производства и торговых отношений. В работах П.И. Рычкова «Топография Оренбургской губернии» (1755) и С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (1756) были заложены основы краевой географии, под которой понималось комплексное описание какой-либо отдельной губернии. Важное значение имело и то, что все работы носили ярко выраженный практический характер, производилась не просто констатация фактов, а приводились пути возможного использования природных ресурсов [1, 10].

Большой вклад в сборе статистического материала на территории Российской Империи внесло учреждённое в 1765 году Вольное Экономическое общество, члены которого полагали, что собранные ими сведения «принесут практическую пользу в хозяйстве и дадут возможность каждому хозяину видеть, рассуждать и избирать» [19, с. 37].

В деятельности данного общества относительно сбора сведений для «хозяйственного описания России», А.И. Ходневым, одним из его членов было в последствии выделено три хронологических периода, отличающихся

ся преобладанием той или иной стратегии сбора информации:

1. С момента основания Вольного Экономического общества в 1765 году до момента начала царствования Александра I (первое десятилетие XIX века).

2. Второй период охватывает время царствования Александра I (первая четверть XIX века).

3. Третий период деятельности Вольного Экономического общества относится ко времени царствования Николая I и укладывается в хронологические рамки с 1825 по 1865 год.

В первый из обозначенных периодов времени, собственно экспедиционная деятельность членов общества носила вспомогательный, подчинённый характер, а главным источником информации выступали опросные листы, разосланные всем губернаторам Российской Империи. В этих листах были представлены 65 вопросов, половина из которых касалась природных условий для выращивания тех или иных сельскохозяйственных культур, доли пашни и других угодий, основных сельскохозяйственных культур, произрастающих на данной территории, особенностей содержания скота. Вторая половина вопросов представляла, так называемые «экономические вопросы», о том, куда производимая продукция вывозится, по какой цене и куда продаётся, в какое время года осуществляется главная доля продаж, и каковы главные транспортные пути для доставки и сбыта продукции. Таким образом, была предпринята попытка к созданию картины торговых отношений сельскохозяйственной продукции с указанием главных рынков сбыта, а так же главных районов производства продукции с указанием природных условий, оказывающих влияние на это производство.

В первой четверти XIX века, выделенной как начало следующего периода, члены Вольного Экономического общества выступают с прошением о принуждении «начальников губерний» предоставлять обществу материалы по хозяйственному описанию Российской Империи. К работе, в качестве источников информации, активно привлекаются помещики, предоставляющие сведения, касающиеся их владений. Экспедиционная деятельность членов Вольного Экономического общества по-прежнему является лишь вспомогательным источником информации. Сведения, касающиеся сельского хозяйства и

продажи сельскохозяйственной продукции, рассматривались «систематически, с приложением многочисленных планов, рисунков и таблиц». В частности, за этот период были составлены подробные описания в сельскохозяйственном и торговом отношении Ярославской, Московской, Астраханской, Кавказской, Волынской, Пермской, Курляндской, Тульской и некоторых частей Костромской и Черниговской губерний.

Третий из обозначенных периодов деятельности Вольного Экономического общества относится ко времени царствования Николая I и укладывается в хронологические рамки с 1825 по 1865 год. В данный период, по версии А.И. Ходнева, Вольное Экономическое общество «перестаёт заботиться об официальной статистике, старается войти в сношения не только с помещиками, но и с сельским духовенством». Особенностью данного периода является ещё и то, что большое количество информации поступает непосредственно от путешествующих членов Вольного Экономического общества. В 1863 году был поставлен вопрос «об исследовании России в экономическом отношении с помощью экспедиций», что послужило пересмотру всей стратегии Вольного Экономического общества в пользу собственных исследований непосредственно на местности [19].

В начале XIX века работы в области краевой географии получают своё дальнейшее развитие в исследованиях К.Ф. Германа по статистическому описанию Саратовской (1806), Таврической (1806) и Ярославской (1808) губерний, М.Н. Бакаревича «Статистическое обозрение Сибири» (1810), С. Чернова «Статистическое описание Московской губернии» (1812), К. Молчанова «Описание Архангельской губернии» (1813). В своей работе, посвящённой статистическому описанию Ярославской губернии, К.Ф. Герман рассматривает в отдельности города данной губернии, касаясь вопросов их местоположения, с указанием широты и долготы, подробно указывая количество деревянных и каменных построек, а так же численность проживающего в городе населения. Значительным недостатком работы К.Ф. Германа явилось то, что она носила ярко выраженный справочный характер и содержала в себе данные о количестве построек, без учёта их пространственного расположения [4, 9, 14, 21].

В начале XIX века статистические сведения о населении включались в предмет изучения статистики, под которой нередко подразумевалась политическая география. Рассматривая материалы, касающиеся не только Российской Империи, но и других государств, Е.Ф. Зябловский считал необходимым для нужд государств проводить учёт сведений, касающихся численности населения, вероисповедания, языковой и сословной принадлежности населения [13]. И.А. Гейм, подразделяя статистику на государственное и народное, в первом случае рассматривал население как биологический вид, являющийся атрибутом территории какого-либо государства, подробно описывая его численность, происхождение и «естественные свойства жителей», под которыми он подразумевал телосложение, рост, силы и способности [7]. В область изучения народного населения он включал описание народного хозяйства и «нравственное и умственное состояние народа», определяемое как просвещение, находящееся в непосредственной зависимости от природных условий. К.Ф. Герман, осуществивший сравнение численности населения по материалам четвёртой, пятой и шестой ревизий населения, так же ставил «успехи населения» в зависимость от природных условий, в частности от климата [8].

Больших успехов в изучении населения и городов в первой половине XIX века достиг в своих трудах К.И. Арсеньев. Основываясь на различии в плотности населения Российской Империи и разделив все губернии на пять классов по этому показателю, К.И. Арсеньев пришёл к важным выводам. Помимо того, что им был подтверждён тот факт, что наибольшая концентрация населения наблюдается на территории, около двух древних столиц в самом центре России, а самая низкая плотность населения характерна для Сибири, а так же севера и юга европейской России, К.И. Арсеньев отметил ошибочность представлений о заселённости территории. Данная ошибочность, по его мнению, заключалась в суждении о плотности населения согласно «градусам широты и по карте», в то время как на степень заселённости территории большое влияние оказывают местные условия, например, такие как болотистость местности [3].

В своих работах К.И. Арсеньев не останавливался только на статистическом описа-

нии населения, а проводил вычисления, что являлось новшеством и преимуществом его работ. Используя данные метрических книг в своей работе, К.И. Арсеньев вычислил следующие соотношения: численное соотношение мужского и женского пола, соотношение числа браков к общему числу населения, пропорцию родившихся к общему числу жителей и к числу умерших, пропорциональное соотношение умерших к числу живых. Полученные данные были проанализированы и сопоставлены с показателями, характерными для европейских государств, что позволило К.И. Арсеньеву сделать ценные выводы о факторах, оказывающих непосредственное влияние на численное соотношение населения сравниваемых групп [3].

Помимо того, что К.И. Арсеньев рассматривал численность и территориальное распределение населения по сословному составу, по исповедуемым религиям и по принадлежности к тому или иному народу, им было отдельно проведено деление населения на городское и сельское. В его трудах содержался перечень городов, сгруппированных в шесть групп согласно численности населения, выступившей единственным критерием деления [3].

Значительных успехов в изучении городов достиг В.П. Андросов, работа которого о Москве носила не справочный характер, а представляла собой описание, сопровождавшееся анализом, обобщением представленного материала и выводами. Статистическое описание Москвы В.П. Андросов осуществлял по плану, включавшему в себя физическую топографию (рельеф, почвы, внутренние воды и климат Москвы), политическую топографию (заселённость города и принадлежность жителей домов к определённым сословиям), а так же численность населения и её изменение (рождаемость, смертность). Целая глава в описании В.П. Андросова уделялась промышленности города, в которой Москва рассматривалась не изолировано, а в связи с её промышленным окружением для которого она выступала в роли организующего центра [2]. Ценность данной работы В.П. Андросова, главным образом, заключалась в комплексном рассмотрении города и в имеющихся выводах, в которых раскрыты возможные проблемы и перспективы развития города как крупного организующего центра.

Если в первой половине XIX века население описывалось как часть общей характери-

стики Российской Империи, наряду с описанием хозяйства и с природными условиями, то во второй половине XIX века появляются работы, касающиеся только населения.

Все работы первой половины XIX века были написаны в духе своего времени и включали небольшой исторический очерк о том, как со временем изменялось экономическое и политико-географическое положение той или иной губернии, а так же топографию местности, природное своеобразие и влияние, которое оно оказывает на жизнедеятельность человека. Далее, во второй главе, как правило, шло описание населения, а именно динамика числа жителей за небольшой промежуток времени, половая, этническая и сословная структура населения, разделение жителей по занятиям, нравственное состояние населения, состояние здравоохранения и просвещения. Большое внимание уделялось территориальному размещению населения и описанию миграций, присущих для данной местности. Далее происходило статистическое описание по основным видам хозяйственной деятельности, в частности, по сельскому хозяйству и его производительности, описание фабрик и заводов. Большое место уделялось подробному описанию торговых отношений: наличие ярмарок, виды производимой продукции и её характеристика, места сбыта и цены, основные торговые пути. Данные описания носили ярко выраженный прикладной характер и могли служить руководствами по использованию природных ресурсов территории [3, 4, 7, 8, 13, 14, 21].

Во второй половине XIX века традиция краевых исследований была продолжена в работах И.И. Фундуклея и Д.П. Журавского «Статистическое описание Киевской губернии» (1852), А.А. Скальковского «Опыт статистического описания Новороссийского края» (1853), Ю.А. Гагемейстера по описанию Сибири (1854), Я.А. Соловьёва «Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии» (1855), в работах по статистическому описанию Урала Н.К. Чупина, Сибири Н.М. Ядринцева, центральной части России В.П. Безобразова и многих других исследователей [6, 11, 12, 17, 18].

Среди перечисленных работ можно выделить труд Д.П. Журавского «Статистическое описание Киевской губернии» (1852), который отличался не только подробностью изложения материала, но и представлял собой более углублённое изучение экономической

и управленческой составляющей исследуемого вопроса [12]. Данное статистическое описание проводилось Д.П. Журавским по следующим частям:

1.Обозрение площади, народонаселения, населённых мест и путей сообщения.

2.Обозрение сельского хозяйства и поземельной собственности.

3.Обозрение промышленности и торговли.

4.Обозрение местного Управления и правительственных учреждений: а) собственное управление; б) правительственные учреждения; в) государственные и общественные повинности; г) государственные и общественные доходы; д) употребление казённых и общественных сумм; е) местное движение и обороты средств.

В 1851 году Д.П. Журавским был составлен подробный план на 59 страницах, представлявший собой более углублённую стратегию по изучению территории при помощи специально разработанных вопросов [11]. Вопросы были сгруппированы в 55 объёмных разделов:

I. Ведение, содержащее историческую справку о территории;

II. Географическое положение, границы и величина площади;

III–IX. Наружный вид местности (топографии, реки), геогностическое строение почвы, климат, животный и растительный мир, обозрение ископаемых произведений, исследование химического состава вод;

X–XIV. Исторические сведения о заселении территории и этнографическом составе, численность населения, прибыль и убыль в числе жителей, временная прибыль и убыль (миграции: военные, торговые, связанные с религией, а так же контингент перемещающихся жителей), словесный и классовый состав населения;

XV–XIX. Число заселённых мест, расположение, архитектура и историческая справка, обозрения городов по одиннадцати пунктам плана, обозрение местечек и селений;

XX–XXII. Историческое исследование древних объектов и связанных с ними сказаний, обозрение дорог, описание судоходства и сплава по рекам;

XXIII–XXXV. Общие исчисления, относящиеся к сельскому хозяйству края, к помещичьим владениям, исследование хозяйств помещиков, обозрение государственных имений, земель духовенства и церкви, поселения свободных хлебопашцев и других групп населения;

XXXVI–XLI. Исчисления, относящиеся к фабрикам и заводам, обозрение местной

торговли, обозрение различных отраслей труда, промыслов и заработков

XLII–XLVI. Движение имуществ и частные договора, обозрение податей, сборов и повинностей, казённые и общественные доходы из других источников, расходы казённые и общественные, кредитные обороты и учреждения;

XLVII–LV. Обозрение учебных, военных, врачебных учреждений и учреждений «общественного и частного призрения», продовольственных, почтовых и исправительных учреждений, а так же обозрение местных управлений [11].

Таким образом, данная программа исследования, предложенная Д.П.Журавским, представляла собой подробные описания, выполнить которые можно было используя всевозможные источники информации, включая и полевые исследования, и работу с местными органами власти и статистики.

В течение второй половины XIX века в России складывалась система статистических органов, включавшая в себя Центральный статистический комитет, созданный в 1863 году, собиравший в свою очередь сведения от ведомств. Кроме того, в данную систему были включены возникшие в начале 1870-х годов земские учреждения по сбору статистических сведений, городские статистические бюро и статистические учреждения промышленных объединений. Данная организация статистических органов в дореволюционной России имела свои недостатки, в частности она была раздроблена по ведомствам, а местная статистика велась без объединяющего руководства. Местная статистика не велась в случае отсутствия земских учреждений и переселенческих органов. Губернские статистические комитеты состояли, по существу, из одного лишь секретаря, в обязанности которого входила подготовка материала для отчётов губернатора, выполнение поручений Центрального статистического комитета, главным образом, по сбору сведений об урожае, и изучение местной жизни [20, с. 12-13].

Особая роль в организации и проведении мероприятий по изучению и освоению отдалённых территорий Российской Империи, которые представлялись наиболее актуальными в связи с произошедшей в 1861 году реформой об отмене крепостного права, принадлежала, по-прежнему, Вольному Экономическому обществу, Императорскому Русскому географическому обществу, а также государ-

ственным и местным земским учреждениям. Так, учреждённое в 1845 году Императорское Русское географическое общество, имело своей целью «собирать, обрабатывать и распространять в России географические, этнографические и статистические сведения вообще и в особенности о самой России, а также распространять достоверные сведения о России в других странах» [16, с. 1]. Полученная информация носила комплексный характер, о чём свидетельствовало наличие четырёх отделов общества, представляющих собой целые направления по изучению территории: 1) география математическая, 2) география физическая, 3) этнография и 4) статистика.

С деятельностью Русского географического общества связаны имена известных отечественных учёных и путешественников, таких как Ф.П. Литке, К.М. Бэр, К.И. Арсеньев, П.П. Семёнов-Тянь-Шанский, Н.М. Пржевальский и многих других исследователей. О возросшей роли Русского географического общества в процессе организации и проведении исследований свидетельствует открытие ряда региональных отделов. Так, в начале 50-х годов появляются Кавказский (с центром в Тифлисе) и Западно-Сибирский (в Омске) региональные отделы Русского географического общества. Затем, в период

времени с 1870 по 1875 годы открываются Оренбургский, Приамурский (в Хабаровске), Туркестанский (в Ташкенте), Северо-Западный (в Вильне) и Юго-Западный (в Киеве) отделы. Создание данной сетки отделов Русского географического общества способствовало целенаправленному и систематическому изучению природы, населения и хозяйства отдельных регионов страны [5].

Таким образом, к концу XIX века в результате целенаправленного изучения территории России был накоплен богатый исследовательский материал, требующий теоретического осмысления и обобщения. Являясь частью русской географической традиции, направленной на подробное описание территории в целях учёта и хозяйственного её использования, все эти работы проводились повсеместно, и в некоторых случаях организаторами их выступали помещики, производившие описания своих владений. Особая роль в организации и проведении мероприятий по изучению и освоению отдалённых территорий Российской Империи, принадлежала Императорскому Вольному Экономическому обществу, Императорскому Русскому географическому обществу, а также государственным и местным земским учреждениям, создавшим целые программы по изучению территории.

Библиографический список

1. Александровская, О.А. Русская географическая концепция первой половины XVIII в. (К 300-летию со дня рождения В.Н.Татищева и 275-летию со дня рождения М.В. Ломоносова) // Известия АН СССР. – Серия география. – 1986. – № 6. – с.100–108.
2. Андросов, В.П. Статистическая записка о Москве. – М., 1832. – 186 с.
3. Арсеньев, К.И. Начертание статистики Российского государства. – СПб., 1818. – Ч.1. О состоянии народа.
4. Бакаревич М.Н. Статистическое обозрение Сибири. – СПб., 1810.
5. Берг Л.С. Всесоюзное географическое общество за 100 лет. – М.-Л., 1946.
6. Гегемейстер Ю.А. Статистическое описание Сибири. – СПб., 1854.
7. Гейм, И.А. Начертание всеобщего землеописания по новейшему разделению государств и земель. – СПб., 1819. – 492 с.
8. Герман, К.Ф. Статистические исследования относительно Российской Империи. Ч.1 О народонаселении. – СПб., 1819.
9. Герман, К.Ф. Статистическое описание Ярославской губернии, – СПб., 1808.
10. Дик, Н.Е. Ломоносовский период в развитии русской географии. – М.: Мысль, 1976. – 127с.
11. Журавский, Д.П. План статистического описания губерний Киевского учебного округа. – Киев, 1851. – 59 с.
12. Журавский, Д.П. Статистическое описание Киевской губернии. – Киев, 1852.
13. Зябловский, Е.Ф. Новейшее землеописание Российской империи. – СПб., 1807. – 342 с.
14. Молчанов К. Описание Архангельской губернии. – СПб., 1813.
15. Отечественные экономико-географы XVIII–XIX века / Под ред. Н.Н. Баранского, Н.П. Никитина, Ю.Г. Саушкина. – М.: ГУПИ, 1957. – 328 с.
16. Семёнов (Тянь-Шанский) П.П. История полувековой деятельности Русского Географического общества. 1845–1895. Ч.1-3./ Сост. П.П.Семёнов при участии А.А.Достоевского. – СПб., 1896.
17. Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края. – СПб., 1853.
18. Соловьёв Я.А. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. – М., 1855.
19. Ходнев, А.И. История Императорского Вольного экономического общества с 1765 по 1865 год. – СПб., 1865. – 667 с.
20. Хозяйственная статистика СССР/ под ред. В.Э.Дена и Б.И.Карпенко. – Л.: Прибой, 1930. – 296 с.
21. Чернов С. Статистическое описание Московской губернии. – СПб., 1812.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

И.В. Абросимова (Курган)

ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Abrosimova I.V.

GENESIS AND DEVELOPMENT OF ETHNIC SPACE OF THE KURGAN REGION: HISTORICAL-GEOGRAPHICAL ASPECT

***Аннотация.** Географические особенности современного этнического пространства (ЭП) региона во многом связаны с исторической спецификой этногенеза и развитием этнических групп представленных в регионе. В данной статье рассмотрен историко-географический аспект этнического пространства региона.*

***Abstract.** The geographical features of modern ethnic space (ES) of the region are in a great deal related to the historical specific of ethnogenesis and development of the representatives of different ethnic groups of the area. This article attempts to consider the ethnic space in a particular area of historical and geographical perspective.*

***Ключевые слова:** Курганская область, этническое пространство.*

***Keywords:** Kurgan Region, ethnic space.*

В XX в. происходит гуманизация географической науки, что проявляется в географическом анализе свойств и черт человека и его общностей, а также процессов, протекающих внутри общностей. Одним из видов географически детерминированных общностей людей являются этносы. Россия, являясь полиэтнической страной, в конце прошлого и начале нынешнего веков ощутила обострение этнических проблем, решение которых кроется в изучении этносов, их истории (в том числе, истории освоения территории), культурных ценностей отдельных регионов, образующих этническое пространство.

Курганская область является интересной с точки зрения многих факторов, под влиянием которых формировалось ее этническое пространство (поле). Это контактная и одновременно маргинальная территория. Курганская область расположена в пограничье гор Южного Урала и низменной Западной Сибири, в соприкосновении Казахских степей, западносибирской тайги и лесостепей, где складывались и взаимодействовали этнографические группы населяющих ее народов: угро-самодийских и тюрко-угорских, тюрков и славян. В результате этого в

Южном Зауралье, в рамках этнического пространства, в современное время сложилась своеобразная этноконтактная зона (экотон) [3] и изучение опыта мирного сосуществования тюркских и славянских народов, освоения ими зауральских территорий имеет значение для диагностики межэтнических отношений.

В качестве методологической основы изучения историко-географического аспекта этнического пространства (ЭП) региона может выступать эволюционный подход, парадигма пространственно-временной и территориальной организации общества, теория этноса, находящие свое отражение в трудах Ю.В. Бромлея, Ю.А. Веденина, Л.Н. Гумилева, А.Г. Манакова, Ю.П. Матвеевой, В.Н. Стрелецкого, В.А. Тишкова, Р.Ф. Туровского, А.И. Чистобаева и других.

При рассмотрении вопросов, связанных с формированием ЭП на начальных этапах освоения территории края мы используем в основном данные археологических, архивных, краеведческих материалов, которые выступают в качестве семиотических знаков, позволяющих судить об этнической принадлежности населения.

Среди большого потока текстов об этническом пространстве мало работ, где рассма-

тривались бы ЭП конкретной территории в его историко-географическом аспекте, хотя, по нашему мнению, географические особенности ЭП, этнической структуры населения определенного региона в значительной мере определяются исторической спецификой этногенеза на данной территории.

Этническое пространство в пределах Курганской области – это не только «вместилище» этнографических групп, относящихся к разным этносам и населяющих регион на разных этапах исторического развития, но и сами этнографические группы, конструирующие пространство через свои признаки, характеристики, свойства [6]. Следовательно, этническое пространство можно рассматривать как часть социального, культурного, религиозного (конфессионального) пространств, в рамках которых оно выполняет роль своеобразного ядра.

Анализ процессов освоения и заселения региона позволяет выделить историко-географические периоды развития этнического пространства (поля) исследуемой территории.

Первый период – до X в. Впервые человек на территорию Южного Зауралья приходит около 15–12 тыс. лет назад (район оз. Слободчиково, у д. Шикаевка Варгашинского района Курганской области) [3, 4, 7]. Формирование собственно ЭП края начинается с V–IX вв. нашей эры, когда, по мнению В.П. Костюкова (2003), территорию края начинают осваивать степные тюркоязычные племена с Алтая и Казахстана и лесные группы. В результате сформировались две этнические зоны в рамках пространства региона со своими территориально-хозяйственными компонентами: угро-самодийская лесная со скотоводством, рыболовством, охотой и с элементами земледелия; тюрко-угорская лесостепная и степная скотоводческая, с земледелием, склонная к постоянным завоеваниям. Первые тяготели к северным районам современной Курганской области, вторые – центральным и южным районам.

Второй период связан с приходом представителей башкирского и татарского этносов. Племена башкирских кочевников-скотоводов пришли в западные районы Южного Зауралья в IX–X вв., а оседание башкир в междуречье Тобола и Урала, выше р. Уй произошло в XVI–XVII вв. (башкирская колонизация сибирского Зауралья). Поселения башкир (аулы) на территории Курганской об-

ласти изначально подразделялись по родоплеменному составу (что можно проследить и в современное время): катайцы, табынцы, айлинцы, калмаки, сарты [5]. Башкиры – катайцы составляли большую часть башкирского населения Зауралья. Они основали такие сохранившиеся до наших дней поселения, как деревни Сулейманово, Куйбаково, Кубелья, Искандарово, Танрыкулево, Кирей-Тамак, Шарипово (1773 г.), Убалино (1800 г.), которые являются практически однородными по своему этническому составу. Внутри территории катайцев находятся «смешанные» населенные пункты: Подъясово (Будиаз), Юлманово, Аскарово, Бухарово, Муртазино и ряд других, где вместе с катаяцами проживают в первую очередь табынцы и айлинцы. Большая часть катайских поселений сосредоточена на территории современного Альменевского района Курганской области, есть они также в Сафакулевском районе (например, Бурыл-Айгирово, Бакаево, Уртаево, Сибишево). Калмакские поселения основаны на правом берегу р. Чумляк (приток реки Миасс). К ним относятся Арысланово, Аптикаево, Мурзабаево, Шафиево, Калмак-Абдрашитово. Эти поселения образовывали полосу, проходившую с севера на юг. В широтном направлении протягивались сартские поселения: Султаново (Малое и Большое), Мансурово, Мышкаево, Сарт-Абдрашитово, Абелкино, Анзалино, Баязитово, Абдулменев (рис. 1). В калмакских и сартских деревнях проживали также табынцы и айлинцы. Всего к концу XVII в. насчитывалось 20 деревень, где проживало преимущественно башкирское население и еще 17, где оно проживало совместно с другими народами. Общая численность башкирского населения составляла 3589 душ обоего пола.

Первые татарские поселенцы появились на территории Курганской области в VI–VIII вв. из районов Алтая и Минусинской котловины, эти племена известны под названием тобольских или западно-сибирских татар. [2, 4, 7, 8] Однако процесс собственно тюркизации региона произошел под влиянием волго-уральских (в основном казанских) татар, переселявшихся в Западную Сибирь (и Южное Зауралье в том числе), согласно различным источникам, начиная с конца XV в. (Томилов, 1992, Валеев, Исхаков, 1998). Эти переселенцы растворились среди татарских народов Западной Сибири, смешались

с местными автохонами, но элементы культуры, историческая память о районах выхода сохранилась. В результате сформировались территориальные этнокультурные группы татар Курганской области – ичкинские и сафакулевские татары [8].

К первым поселениям ичкинских татар относятся деревни Ичкино, Кызылбаево, Кырчино, Сибиркино, Терсяк, Юлдус, Ач-кликулево, Альменево, Вишняково, Иваново, Тузово, Учкулево, Усманово, Усть-Багаряк, расположенные в современных Шадринском и Альменевском районах. Сафакулевские (сафакульские) татары проживают в Сафакулевском районе.

В целом, башкиры и татары региона испытали сильную культурно-языковую конверсацию на ранних этапах формирования этнического пространства и сформировали компактные районы проживания в бассейне реки Исеть и водоразделе рек Миасс и Уй (рис. 1).

Третий период ознаменовался активным освоением пространства Южного Зауралья представителями русского этноса и насыщением его морфологическим признаками этнического пространства русских с местной спецификой, связанной со становлением субэтноса сибиряков.

В формировании русского народонаселения в южном Зауралье выделяется три этапа. На первом этапе (XVII–XVIII вв.) преобладающая часть русских переселенцев приходила из районов Поморья, северо-восточной части европейской России, Предуралья. Второй поток (вторая половина XVIII в.) – Рязанская, Смоленская, Симбирская, Пермская, Оренбургская, Псковская, Орловская, Воронежская, Черниговская, Курская, Нижегородская губернии. Третий поток (первая половина XIX в.) – Курская, Тамбовская, Вятская, Костромская, Вологодская, Псковская, Архангельская, Нижегородская губернии. С этим потоком переселенцев на территорию края приходят и представители других славянских народов, в первую очередь украинцы и белорусы.

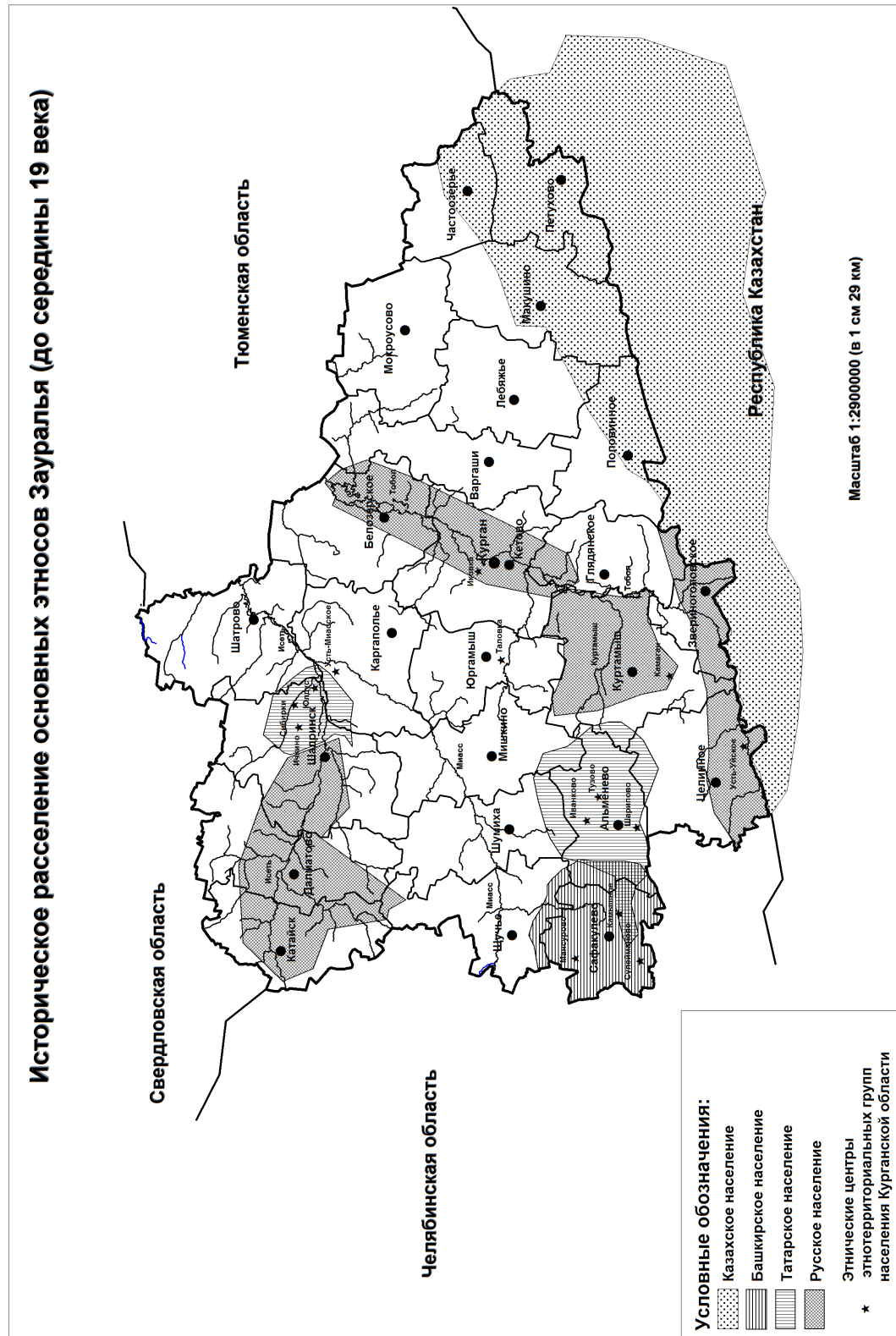
С точки зрения же пространственной направленности потоков русского населения выделяется первоначально восточная ориентация по направлению рек (Исеть, Миасс), а затем южная и юго-западная. Об этом свидетельствует и расположение первых русских поселений: Далматов монастырь (1644 г.), Катайский острог (1655 г.), Крутихинская слобода (1685 г.), Чумлянская

слобода (1684 г.), в 1740–1750 гг. – Куртамышская, Таловская, Каминская слободы; в конце 70-х – начале 80-х гг. XVII века основаны слободы Царево Городище, Белозерская, Утятская. Далее Нижнеушельская (Ильинская) – 1751, Верхнеушельская, Кочердыкская и целый ряд поселков, расположенных по реке Уй, которая явилась своеобразной границей, отделявшей Южное Зауралье от кочевых племен Северного Казахстана. Восточное освоение современной территории Курганской области началось поздно, лишь в 40-х гг. XIX в. [4, 7].

Данная последовательность территориального освоения и формирования в пределах края ЭП находит свое отражение в топонимике, которая выступает здесь своеобразной «знаковой» системой. Даже при беглом взгляде на карту Курганской области, можно увидеть, что здесь велик удельный вес тюркских названий, особенно в гидронимах. Приведем несколько примеров: р. Уй (левый приток Тобола) восходит к башкирскому и татарскому уй – «низина», «впадина», «долина»; р. Алабуга (Звериноголовский район) от башкирского алабуга – «окунь»; оз. Кутибиз (Сафакулевский район) – башкирское кук, кок – «синий», тибис – «зеркало». Со временем представители новых народов видоизменяют в соответствии с особенностями своего языка названия объектов. Например, русское население переосмыслило тюркское «карасу» (черная вода) на близкое по звучанию русское – Караси, Карасье, Карасинское. Для русских также характерно добавление «довеска» к тюркским названиям в виде словоопределений: село и река Нижняя Алабуга, село Отряд Алабуга и т.д. В названиях объектов сохраняется и историческая память о местах «выхода, в частности д. Колмогорцево (Холмогоры), д. Мезенка (р. Мезень).

Таким образом, татары, башкиры и русские Курганской области находились и находятся во взаимодействии в рамках пространства региона. Однако чтобы понять особенности формирования этнического пространства региона в целом, необходимо проследить не только освоение, но и обустройство «своих» жизненных пространств различными этнокультурными группами, отслеживая по ходу истории визуальные проявления пространственной организации. В качестве таких проявлений мы используем морфологическое устройство индивидуаль-

Историческое расселение основных этносов Зауралья (до середины 19 века)

ных ЭП и характер, устройство жилищ, т.к. именно в них, по нашему мнению, аккумулируются сведения об истории, природных условиях мест проживания, обычаях и традициях того или иного народа.

В морфологическом устройстве пространства русского населения выделялись своеобразные центры – населенные пункты (селитьба). Они формировались в долинах рек, берегах озер, т.е. в местах благоприятных по условиям водоснабжения. В рамках русских поселений на ранних этапах формирования ЭП региона, согласно анализу различных источников информации, выделяется два направления застройки пространства населенного пункта – беспорядочное и рядовое. Первые возникли на основе права «захватнического» землепользования «свободных» земель и права свободно распоряжаться ими. Кроме того, на беспорядочности строительства отразились и культурно-общественные традиции, в частности – семейные. Рядовая застройка наблюдалась в основном вдоль рек. В отличие от соседних регионов Урала, в Южном Зауралье, где реки имеют равнинный характер, населенные пункты возникали на обоих берегах рек, а дома имели окна, обращенные к реке. Непосредственно к селениям примыкали пастбищные угодья – выгоны и покотины. Последние русские переняли от местных тюркских народов, и они представляют собой специальные участки для выпаса скота, отеленные друг от друга иными сельскохозяйственными угодьями. Далее простирались богарные угодья с трехпольной и залежно-переложной системой обработки.

По-другому формировалось морфологическое устройство этнического пространства башкирского и татарского населения (скотоводов-кочевников). В их пространстве существовали временные, сезонно перемещавшиеся аулы из переносных юрт. Аулам была характерна хаотичность в расположении жилищ, что диктовалось рельефом местности, наличием и расположением водных источников. С появлением русского населения башкирское и татарское население стало перенимать от них культуру земледелия (хотя она существовала у татар, но продолжительное время оставалась мотыжной, с весьма ограниченным набором культур) в результате значительная часть кочевников перешла на полукочевой и оседлый образ жизни, что

отразилось и на устройстве ЭП – появились постоянные поселения.

Удаленность курганских башкир и татар «от материнского» этноса позволила этим группам сохранить в жилище традиционные черты и в то же время выработать свои специфические формы. При изучении историко-этнографических публикаций прошлого и настоящего времени нами было выявлено, что в исторически обозримое время в культуре жилых построек татарского и башкирского населения много общего. Среди архаичных конструкций выделялись временные обиталища – шалаши и чумы (юрты) тюркской конструкции и стационарные обиталища – полуземлянки, срубные избушки. Миллер Г.Ф. указывал также на наличие у наиболее бедных представителей татарского населения жилищ сложенных из дерна, но более поздние источники данный факт не подтверждают. Наиболее ранним типом стационарного жилища тюркоязычных народов являлась однокамерная изба, описание. К традиционным чертам обустройства жилищ тюркского населения Южного Зауралья можно отнести длительную сохранность чумалов, наличие печей под открытым небом, разделение жилых помещений на мужскую и женскую половины. Еще одной характерной чертой жилища татарского и башкирского населения являлось обилие занавесей и украшений, что создавало своеобразный колорит.

С приходом русского населения, принесшего свои традиционные строительные навыки, происходит изменение в типах жилищ местных народов (появились двухкамерные, трехкамерные дома, орнаментированные наличники, карнизы, но зооморфные и антропоморфные фигуры в декоре жилищ были весьма редки, что связано с мусульманством). Во внутреннем убранстве также происходят изменения (печи с полатами и т.д.), которые сближают жилища тюркоязычного населения с жилищами северо-среднерусских переселенцев. Русское население тоже перенимало ряд традиций, главным образом, внутреннего обустройства дома – в частности расположение печи. «Раньше никогда печь от стен не отодвигали, а теперь так делаем. От татар научились» [4].

Таким образом, этнические пространства башкирского и татарского населения длительное время имели «размытый» характер,

т.к. они формировались как пространства скотоводов-кочевников, охотников и рыболовов в условиях степных и лесостепных ландшафтов. Их быт, материальная культура были приспособлены к частым передвижениям по открытым пространствам. Тогда как формирование ЭП русских в Южном Зауралье – это процесс адаптации переселенцев к новым условиям существования и стремление сохранить традиционные черты мест выбытия. Этническое пространство русских – это пространство пашенных земледельцев с развитым скотоводством (как результат взаимодействия с местным населением), огородничеством, а на более поздних этапах – садоводством. Вследствие расширения ЭП русских происходит сокращение

пространства кочевых народов и начинается их активное контактирование с русскими поселенцами. В данном этноконтактном взаимодействии русское население и местные народы выступают в качестве реципиентов и доноров визуально проявляемых традиций индивидуальных этнических пространств.

В результате к середине XIX в. этническое пространство Курганской области складывается как целостное, интегрированное пространство с этническими ядрами (башкирским, татарским, русскими) и на их границах в результате этнической интеграции и комплементарности впоследствии сформировалась тюркско-славянская этноконтактная зона, со своеобразной «смешанной» культурой.

Библиографический список

1. Бирюков В.П. Природа и население Шадринского оуруга Уральской области. – Шадринск, 1926-1927.
2. Боярышникова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. – Томск, 1960.
3. Завьялова О.Г. Природопользование и развитие: этногеосистемный анализ (на примере Южного Зауралья). – Тюмень, 2004.
4. История Курганской области. – Том 1. – Курган, 1995.
5. Курганские башкиры: историко-этнографические очерки. – Уфа, 2002.
6. Кибасова Г.П. Этническое пространство России: социально-философский анализ. <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/90814.html>.
7. Менщиков В.В., Павлуцких Г.Г., Никитин В.А. Заселение Южного Зауралья в XVII–XIX вв. – Курган, 1992.
8. Татары. – М., 2001.

ОЦЕНКА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ КРУПНЫХ ГОРОДОВ РОССИИ С ПОМОЩЬЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНДЕКСОВ

Koldobskaya N.A.

ASSESSMENT OF ENVIRONMENTAL STATUS OF LARGE CITIES RUSSIA WITH INTERNATIONAL INDEX

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению совокупности экологических индикаторов и рейтингов, как в России так и за рубежом. Для сопоставления экологической ситуации в российских городах и в зарубежных был составлен собственный рейтинг городов России по методике The Blacksmith Institute.

Abstract. The article is devoted to environmental indicators and rankings aggregation, both in Russia and abroad. In order to compare the environmental situation in the Russian cities and abroad was compiled their own ratings of Russian cities by the method of The Blacksmith Institute.

Ключевые слова: экологический рейтинг, экология города, международные сопоставления, комплексная оценка.

Key words: ecological ranking, city ecology, international comparisons, integrated assessment.

Особую роль в формировании экологической ситуации стран и регионов играют города. В них сосредоточены разнообразные источники антропогенного воздействия, все большее количество населения, в городах потенциал самоочищения природной среды минимальный. Для оценки неравномерности экологической ситуации могут применяться как системы показателей в дезагрегированной форме, так и синтетические показатели. Преимущество последних – в интегральной оценке совокупности важнейших экологических процессов. Фактически комплексный показатель должен применяться в тех областях, где отдельные индикаторы не исчерпывают всей сложности исследования.

Постановка проблемы. Комплексные оценки экологической ситуации в городах особенно сложны и в меньшей степени обеспечены статистикой. Сильно различается статистическая обеспеченность по отдельным странам. Важно понять, каким образом методики зарубежных рейтингов экологического состояния городов соотносятся с российскими подходами, почему отдельные российские города занимают различные места в международных рейтингах и в какой степени можно использовать западные подходы для мониторинга экологического состояния

российских городов. Важным является также выяснение возможностей использования интегральных индексов для выявления динамических аспектов развития.

Большинство зарубежных методик базируется на агрегировании трех блоков – экология, экономика, социум и трех типов индикаторов: а) индикаторов состояния, б) индикаторов воздействия, в) индикаторов отклика, что вполне адекватно концепции «воздействие-изменение-последствия».

В российских исследованиях по городам разных лет [1, 2, 4] также рассматривались перечисленные выше индикаторы, но в условиях, когда статистика по заболеваемости была во многом закрыта, ученые фактически имели возможность развивать методологию и методический аппарат интегральных оценок только в сфере антропогенного воздействия [8]. В дальнейшем это нашло выражение в попытках конструирования интегральных показателей в крупномасштабных исследованиях антропогенного воздействия в городах, развития всевозможных нормативных расчетов.

В зарубежных оценках, в той или иной степени рассматривающих экологическое состояние городов, выделяются три типа индексов (табл. 1).

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Русского географического общества №38/08/2011 и Федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2013 годы» Министерства образования и науки Российской Федерации и программы развития МГУ «2011-1.5-515-047» по теме: «Исследование качества городской среды и разработка научно-методических принципов эколого-географической оценки городов России на основе комплексного анализа состояния компонентов окружающей среды и здоровья населения»

Таблица 1

Распространенность различных видов комплексных индексов городов

Индексы	Мировые	По отдельным странам (кроме России)	В Российской практике
Качества жизни	4	3	2
Устойчивого развития	1	11	4
Экологические	2	1	1

1. Индексы качества жизни включают в себя уровень и образ жизни, а также здоровье и продолжительность жизни. Последнее, наряду с прочими измерителями учитывает и характеристики экологической безопасности. Существующие индексы качества жизни очень похожи между собой по набору показателей, различаются в основном методики расчета. Российские индексы либо не включают экологические индикаторы, как трудно нормируемые [6], либо ограничиваются плотностью выбросов [3].

2. Индексы устойчивого развития городов наиболее распространены как в мире, так и в России. В отличие от индексов качества жизни, индексы устойчивого развития городов разрабатываются во многих странах мира по регионам: в США, Канаде, Франции, Великобритании, Бразилии, Ирландии, Испании, Китае, Японии, в Словакии, Хорватии, ведется разработка собственных индексов на Украине и во многих других странах. Существует общемировой индекс ООН, который основан на оценке продолжительности жизни, образования и доходов. В целом, в состав индекса устойчивого развития, входят следующие виды индикаторов: [6, 17]

- индикаторы развития города (численность населения, площадь города, транспортные сети и т.д.)
- индикаторы городских потоков (потребление энергии, товаров, ввозимых и вывозимых из города, водопотребление и т.д.)
- индикаторы качества городской среды (отходы, качество водной и воздушной сред, появляется шумовое загрязнение, озелененность, качество землепользования, вводится более комплексный подход к среде). Однако на практике индекс устойчивого развития очень слабо зависит от экологических параметров, в то время как определение устойчивого развития городов подразумевает их важное значение. В результате, из-за узкой трак-

товки определения исследовательскими группами, по своему содержанию индексы устойчивого развития городов ещё больше приближаются к индексам качества жизни.

3. Собственно экологические индексы: в России представлены либо оценками экологической опасности городов России, основанными на данных национальной статистики, либо замерами уровней содержания различных загрязнителей в природной среде. Измерения экологического состояния с помощью интегральных индексов в России и за рубежом находятся на качественно разных стадиях развития (табл. 2) [5].

Россия переходного периода восприняла международный опыт построения интегральных индексов, перенесла его (в связи со своими насущными потребностями) на региональную почву. Большинство стран мира ориентируется на общеизвестные рейтинги Mercer Human Resource Consulting и The Blacksmith Institute, только небольшое число стран составляет собственные экологические рейтинги. Только США и Канада составляют собственные экологические рейтинги своих городов (таких региональных рейтингов около 5), как и Россия.

Поскольку в России существуют собственные подходы и собственные рейтинги экологического состояния, то возникает проблема их соотнесения с общемировыми. Например, в рейтинге Mercer Human Resource Consulting, рассматривающим более чем 400 городов во всем мире, Москва находится на одном месте со столицей Буркина-Фасо Уагадугу.

Методика. В данном случае использовалась Методика The Blacksmith Institute (TBI), что важно для анализа сопоставимости методических подходов и исходной информации. В рейтинге, составленном по данной методике, присутствуют несколько российских городов. Это позволяет оценить не только российские города на фоне других городов мира, но и проанализировать, почему тот или иной российский город занимает с точки зре-

Таблица 2

*Сравнение подходов к экологическим рейтингам городов
в зарубежных и отечественных методиках*

Зарубежные методики	Отечественные методики
Сформировалась теоретическая база для исследований: устойчивое развитие, качество жизни, человеческое развитие	Интегральные оценки представлены отдельными исследованиями, мнения которых по многим вопросам часто сильно различаются
Накоплен большой объем статистической информации	Национальная статистическая база бедна и имеет множество изъянов.
Ориентированы на межстрановые сопоставления в рамках оценок международных организаций в глобальном масштабе	Измерение межрегиональных или межгородских различий.
Используют качественные оценки, опросный метод исследований (населения и экспертов)	Замеры содержания загрязняющих веществ в природных компонентах или оценки уровней воздействия.
Направлены на оценку здоровья, учитывают скорее не экологические индексы, а социальные, (средняя продолжительность жизни, или те экологические индикаторы, которые доказано влияют на здоровье (качество питьевой воды, выброс токсических веществ, количество населения (детей) подверженного воздействию).	Косвенные оценки токсичности, измерения концентраций поллютантов, содержащихся в воздухе, статистической обработке полученных данных и сравнении с гигиенически обоснованными нормативами

ния западных экспертов то или иное место в рейтинге.

Выбор этой методики обусловлен ее адекватностью задачам исследования и доступностью (по письму автора полностью раскрыла систему показателей). В методике присутствуют не только экспертные, но и количественные оценки загрязнения городской среды, учитывается всё население города, дети и городская планировка (расположение парков, детских садов и школ относительно промышленных зон). В результате в более крупных городах, где промышленные зоны обособлены, выбросы от предприятий на детей влияют гораздо меньше, чем в городах, где функциональные зоны не разделены.

Методика ТВІ была адаптирована к российской специфике индикативирования экологической ситуации. При составлении рейтинга рассматривалось 93 российских города с населением более 100 тысяч по 10 параметрам, объединенным в 5 категорий по специфике воздействия:

Категория А – индикаторы специфики загрязнителей атмосферы:

А1 – Токсичность по 3 группам загрязняющих веществ:

А1-А – Токсины, которые не оцениваются как сильные или систематические, например, такие органические соединения как толуол или ксилол, косвенно оцениваемые по

доле машиностроения и химии более 20% в объеме произведенной продукции. Таким городам присваивался 1 балл.

А1-В – Потенциальные канцерогены или вещества с некоторой системной токсичностью, такие как летучие органические соединения (ЛОС), полициклические ароматические углеводороды, полихлорированные бифенилы и гетерогенные загрязнители в воздухе и в воде (например, смог). Городам, где выбросы превышали 10 тыс. тонн, присваивался балл 2, тем, где от 5 до 10 тыс. тонн – балл 1, менее 5 тыс. тонн – 0 баллов. Эти данные учитываются в базе Росстата.

А1-С – Доказанные канцерогены или химикаты со значительной токсичностью, например, винилхлорид, бензол, свинец, радионуклиды, соединения 6-ти валентного хрома, кадмий, фосфорсодержащие пестициды. Подсчет этого показателя производился при рассмотрении таких показателей, как радиация в городе и выпуск следующих видов продукции: синтетические смолы и пластмассы, химические волокна и нити, синтетические каучуки, лакокрасочные материалы, а также первичная переработка нефти. Городам присваивался балл от 0 до 3.

А2 – Мощность источника загрязнения. Здесь рассматривались выбросы загрязняющих веществ в атмосферу. Выбросы до 10 тыс.т – 1 балл, 10–100 тыс.т – 1,5 балла, более 100 тыс.т – 2 балла.

Общая оценка категории А производится по формуле: $A = A_1 \times A_2$

Категория В – описывает механизмы воздействия:

В1 – Единичный или множественный механизм воздействия. Здесь рассматривались совокупность выбросов загрязняющих веществ и стоки неочищенной воды. Максимальный балл (2) присваивался городам, где выбросы более 50 тыс. т, а сток более 100 млн. м³. Балл 1 присваивался остальным городам.

В2 – Достоверное доказательство воздействия на здоровье (1 балл).

Общий показатель В считался по формуле: $B = B_1 + B_2$

Категория С – характеризует население города, как основного реципиента:

С1 – Количество людей, потенциально находящихся в зоне загрязнения. Здесь учитывалось количество жителей в городе. Если жителей менее 10,000 человек, присваивался балл 1, от 10,000 до 100,000 – 2 балла, более 100,000 – 3 балла

С2 – Уровень воздействия. Балл 1 присваивался, если в городе есть лёгкая, пищевая промышленность, машиностроение; 1,5 – при наличии ЦБК, производства строительных материалов; 2 – если в городе развита химия, чёрная и цветная металлургия. Баллы присваивались при следующих показателях: производство продукции черной металлургии более 1 млн. руб., цветной металлургии более 500 тыс. руб., химии – более 8 млн. руб., целлюлозно-бумажной – более 300 тыс. руб., промышленность строительных материалов – более 500 тыс. руб.

С3 – Число детей в зоне загрязнения. В городах-миллионерах этому показателю был присвоен балл 0, потому что в них, из-за особенностей планировочной структуры, промышленные зоны обособлены, в то время как в меньших городах не всегда есть санитарно-защитные зоны и промышленные зоны часто не отделены от жилых, рекреационных и других.

Общий показатель С считался по формуле: $C = (C_1 \times C_2) + C_3$

Категория D – Другие загрязняющие элементы или специфические виды воздействия.

Общий показатель загрязнения считался по формуле:

$$X = [A_1 \times A_2] + [B_1 \times B_2] + [(C_1 \times C_2) + C_3] + D$$

Результаты. В результате расчетов крупные города России были разделены на 6 относительных уровней экологической ситуации.

Благоприятная экологическая ситуация (5 баллов) наблюдается в городах, где все 10 показателей незначительны: Махачкала, Иваново, Сочи, Архангельск, Мурманск, Смоленск, Чита, Нальчик, Йошкар-Ола, Петрозаводск, Якутск, Петропавловск-Камчатский.

Умеренная экологическая ситуация (6–7 баллов) формируется в городах, у которых повышенная по сравнению с предыдущей группой роль показателя А1 (Токсичности) и А2 (Выброса загрязняющих веществ в атмосферу): Владивосток, Липецк, Магнитогорск, Ижевск, Тюмень, Ульяновск, Тула, Томск, Калининград, Улан-Удэ, Белгород, Курган, Владикавказ, Великий Новгород, Воронеж, Оренбург, Астрахань, Чебоксары, Брянск, Курск, Калуга, Владимир, Саранск, Вологда, Тамбов, Кострома, Энгельс, Рыбинск, Старый Оскол, Армавир, Псков.

В среднюю категорию по экологической ситуации (7,5–9 баллов) попали и города, где достаточно высокие показатели загрязнения различными отравляющими веществами, и города, где большое значение имеют показатели В1 (совокупное влияние загрязненных стоков и загрязняющих веществ, поступающих в атмосферу), а также показатель С2-выпуск различных видов промышленной продукции: Челябинск, Прокопьевск, Екатеринбург, Казань, Краснодар, Набережные Челны, Тверь, Ставрополь, Новороссийск, Комсомольск-на-Амуре, Шахты, Таганрог, Барнаул, Орел, Сургут.

Повышенный уровень экологических проблем (9,5–11) характерен для городов со значительным уровнем практически всех показателей (в каждом из этих городов минимальный балл только у какого-то одного показателя): Нижневартовск, Волжский, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Sterлитамак, Нижнекамск, Северодвинск, Новосибирск, Кемерово, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Тольятти, Иркутск, Сыктывкар, Благовещенск, Балаково.

Высокий уровень экологических проблем (11,5–13 баллов) традиционно наблюдается в крупных промышленных центрах химии и металлургии: Ангарск, Братск, Саратов, Пермь, Омск, Хабаровск, Ярославль, Орск.

Критический уровень экологических проблем (13,5–15 баллов) формируется в городах, где все показатели играют важную роль. Все эти города – крупные промышленные центры.

Выводы. После критического уровня в итоговом рейтинге, Норильск стоит на первом месте, в то время как Дзержинск отстает от него на 1,5 балла, хотя и попадает в ту же категорию, в рейтинге составленном экспертами из ТВІ, в Дзержинске экологическая ситуация хуже, чем в Норильске. Такие противоречия связаны, в первую очередь, с различиями в отечественной и зарубежной статистических базах, а также в различных подходах к методике расчёта: к точным математическим расчётам прибавляются экспертные оценки.

Несмотря на то, что в отчёте ТВІ за 2007 год четко расписаны критерии оценки: приведены все параметры и формулы для подсчетов, в выводах места различных городов в рейтинге объясняются не показателями, прописанными в методике, а совершенно иными показателями, иногда даже на качественном уровне. Например, говорится о том, что в Дзержинске средняя продолжительность жизни у мужчин составляет 42 года, женщин – 47 лет, про город Оройа в Перу говорится, что растительность в городе уничтожена кислотными дождями. Также большим недостатком всех зарубежных рейтингов, включая и рейтинг ТВІ, является то, что они реально недооценивают, или же наоборот переоценивают ситуацию в городе, а иногда даже не представляют общую ситуацию. Например, в отчёте 2009 года в Братске основным источником загрязнения являются нефтепродукты, в то время как фактический уровень загрязнения нефтепродуктами там низкий. В Дзержинске среди загрязняющих

веществ отмечены зарин, люизит, иприт, синильная кислота, фосген, свинец, органические химикаты, в то время как городская администрация Дзержинска называет информацию ТВІ ложной. Например, зарин никогда не производился дзержинскими предприятиями, следовательно, и загрязнения этим веществом территории Дзержинска быть не может. Также большим недостатком всех зарубежных рейтингов, включая и рейтинг ТВІ, является то, что они не представляют общую ситуацию в городах России.

При сопоставлении рейтингов, отталкиваясь от Норильска, который занимает в мировом рейтинге 8 место, можно видеть что:

- Сумгаит, Линьфэнь, Тяньжинь, Сукинда, Вапи, Ла Оройа согласно рейтингу The Blacksmith Institute, наиболее загрязненные, следовательно, по бальной шкале у них 16–17 баллов, т. к. по нашему рейтингу у Норильска 15 баллов
- Чернобылю по уровню загрязнения соответствуют такие российские города, как Череповец, Нижний Тагил, Новокузнецк, а городу Кабве в Замбии соответствуют Красноярск, Волгоград, Уфа и Москва.

Чтобы российские и зарубежные методы были более сопоставимы, в мировой практике нужно чётко определить цель составления рейтинга (и, соответственно, выбирать, социологические и экологические показатели), сделать статистические базы более сопоставимыми (отталкиваться от одних и тех же показателей).

Библиографический список

1. Битюкова В.Р. Социально-экологические проблемы развития городов России. – М.: Едиториал УРСС, 2009.
2. Битюкова В.Р., Угарова Н.А. Комплексная оценка экологического состояния городов Урала / Экология и промышленность России. – № 8. – 2003. – С. 4–10.
3. Государственный доклад о состоянии природной среды в Российской Федерации. – М., 2008, 2009, 2010.
3. Индикаторы устойчивого развития: экономика, общество, природа / Бобылев С.Н., Зубаревич Н.В., Соловьева С.В., Власов Ю.С. / Под ред. Бобылева С.Н. – М.: МАКС Пресс, 2008.
4. Милько Д.М. Экологический рейтинг // Проблемы региональной экологии. – 2006. – № 2. – С. 12–19.
5. Ратанова М.П. Типология промышленных узлов по их воздействию на окружающую среду Географическое прогнозирование и охрана природы. – М: Изд-во МГУ, 1990.
6. Трейвиш А.И. Нефедова Т.Г., "Сильные" и "слабые" города России // Полюса и центры роста в региональном развитии / Под ред. Ю.Г. Липеца. – М., 1998.
8. Better understanding our cities. The role of urban indicators. – Paris, 1997.
9. The City Development Index (CDI) / The State of the World's Cities. UNCHS (Habitat), 2001. P. 116–119.
10. Ежегодник состояния загрязнения атмосферы в городах на территории России за 2008 год. – СПб: Астерион, 2009. – 197 с.
11. Организация Citymayors environment www.citymayors.com/environment.

12. Environmental News and Commentary www.grist.org/
13. Институт Блэксмита www.smithbucklin.com/smithinstitute/
14. Международная анимей столиц и крупных городов www.e-gorod.ru/Documents/programs/indicators/
15. 50 зелёных городов США www.popsoci.com/environment/article/2008-02/americas-50-greenest-cities
16. The sustainable cities index. ranking the largest 20 UK cities greenlibdems.org.uk/news/000371/the_sustainable_cities_index_ranking_the_largest_uk_cities.html
17. World Health Organization www.euro.who.int/
18. Local Governments for Sustainability www.icleiusa.org/
19. American Lung Association site www.lungusa.org/

С.Н. Кузнецова (Тверь)

ТРАНСПОРТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Kuznetsova S.N.

TRANSPORT-GEOGRAPHICAL LOCATION OF RURAL SETTLEMENTS OF THE TVER REGION

Аннотация. В статье показана методика и результаты транспортно-географической оценки условий сельского расселения Тверской области – крупного межстоличного региона России.

Abstract. In article shown the methodology and results of transport-and-geographical estimation of the rural settlement of Tver region - large region between the capital cities.

Ключевые слова: транспортные условия сельского расселения, диагностика регионального транспорта и сельского расселения, индикаторы транспортных проблем, транспортно-географическое положение, транспортно-географическая типология сельских населенных пунктов, типы сельского расселения.

Key words: transport conditions of rural settlement, the diagnosis of regional transport and rural settlements, indicators of transport problems, transport-and-geographical position, transport-and-geographical typology of rural settlements, the types of rural settlement.

Транспортно-географический аспект изучения сельского расселения – это изучение транспорта с точки зрения условий расселения. Транспортные сети обеспечивают связность населенных пунктов, перемещение и мобильность населения, доступность центров обслуживания и мест работы. Транспортная система обеспечивает «условия качества жизни населения» [6].

Транспортные условия сельского расселения в современной региональной литературе и среди защищенных диссертаций крайне редкая тема. Также отсутствует достаточное внимание к интегрированному, синтезированному подходу к оценке проблем сельского расселения во взаимосвязи с транспортом в современных схемах территориального планирования регионов-субъектов РФ и муниципальных образований. Диагностика региональных транспортных проблем сельского расселения необходима для определения стратегических целей социально-экономического и пространственного

развития сельской местности регионов. Всё это определяет особую актуальность темы исследования.

В качестве индикатора транспортных проблем и уровня благоприятности транспортных условий сельского расселения используется типологическая оценка транспортно-географического положения (ТГП) сельских населенных пунктов [1].

При оценке ТГП отдельных пунктов проверяется главное – наличие или отсутствие постоянной транспортной связи для населения. Это зависит от класса, типа и состояния дороги, на которой стоит или рядом с которой расположен конкретный населенный пункт.

По особенностям транспортно-географического положения можно выделять примагистральные, периферийные, глубоко периферийные и пристанционные пункты (табл. 1).

Идентификация пунктов выполнена визуально по топографическим картам региона. Для расчета суммарной численности сельского населения, проживающего в пунктах

Таблица 1

**Типы сельских населенных пунктов по особенностям
транспортно-географического положения**

Категории дорог	Положение сельских населенных пунктов на дорогах:			
	на трассе	в полосах дорог:		
		до 2,5 км	до 5 км	далее 5 км
1. Автомагистрали (автострады), автомобильные дороги с усовершенствованным покрытием (усовершенствованные шоссе)	Примагистральные пункты			
	A ₁	A ₂		
2. Автомобильные дороги с покрытием (шоссе)	Периферийные пункты			
	Ш ₃	Ш ₄	Ш ₅	
3. Автомобильные дороги без покрытия (улучшенные грунтовые дороги), грунтовые проселочные дороги, полевые и лесные дороги	Глубоко периферийные пункты			
	G ₆			
4. Железные дороги	Пристанционные			
	J ₇			

с различными типами транспортно-географического положения, использована статистика людности всех сельских населенных пунктов муниципальных районов (их 36) Тверской области за 1959–2009 гг. Такая оценка позволяет анализировать сложившиеся транспортные условия расселения на разные даты, выявлять этапы транспортного освоения сельской местности и выявлять демографические проблемы расселения, зависящие от обеспечения населения постоянной транспортной связью.

Основой транспортного каркаса сельского расселения Тверского региона являются автомобильные дороги в сочетании с железнодорожными линиями. В Тверском регионе активное строительство местных автодорог проведено в 1960–1980 гг., федеральная автодорога Москва – Рига построена в середине 1960-х гг. С конца 1980-х дорожное строительство занимается преимущественно ремонтными работами, продолжается реконструкция и расширения автомагистрали Москва – Санкт-Петербург. Значительное увеличение протяженности автодорог, в том числе с твердым покрытием, кардинально изменило транспортно-географическое положение сельских населен-

ных пунктов, а транспортный фактор стал определяющим [2].

Основная черта сельского расселения Тверского региона – его мелконаселенность, т.е. преобладание небольших населенных пунктов. Растет доля мельчайших (до 10 жителей) сельских населенных пунктов и пунктов без постоянного населения. Вместе они составляют около 60 % сельской поселенческой сети региона. Это наглядно отражает процесс и степень ее разрушенности. Разрушение – мельчание и обезлюдение сети происходит под влиянием многих процессов. Зачастую первыми теряют население пункты, расположенные вдали от автодорог и железнодорожных остановок [4].

Критерием оценки транспортных условий сельского расселения служит доля населения (в % от общей численности населения района), проживающего в сельских населенных пунктах с определенным транспортно-географическим положением.

В населенных пунктах, расположенных непосредственно на автомагистралях Москва – Санкт-Петербург и Москва – Рига, в настоящее время (2009 г.) проживает более 20 тыс. чел., или 5,5% сельского населения области. Численность и доля населения в

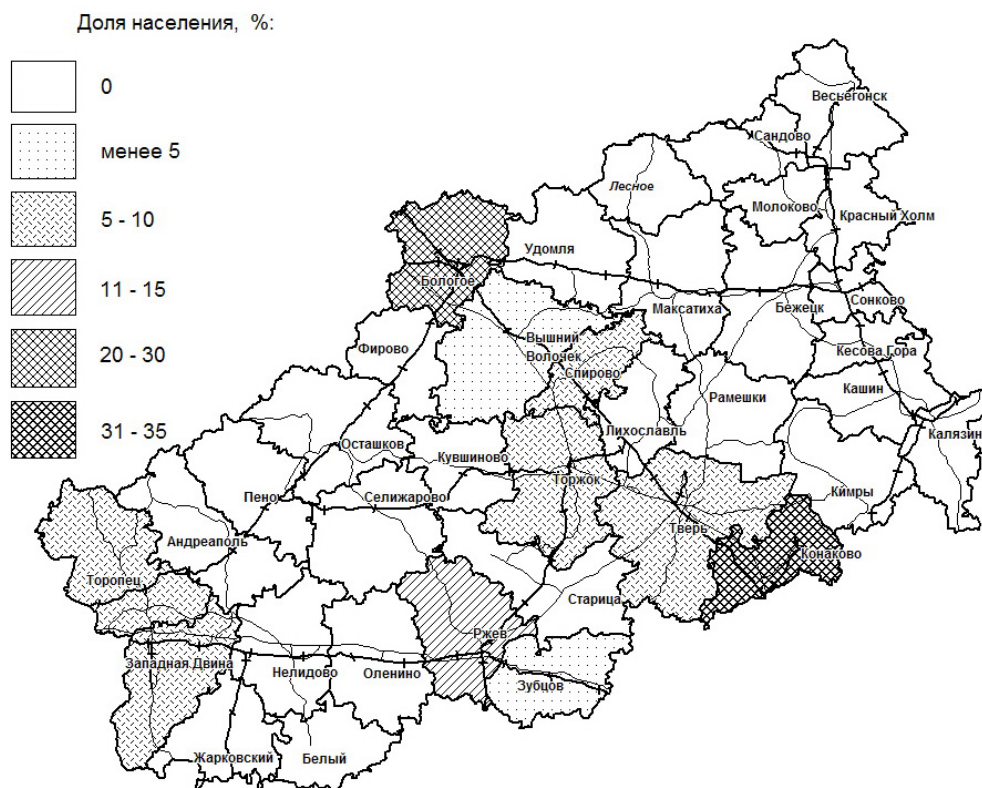

Рис. 1. Доля населения, проживающего в сельских населенных пунктах, расположенных на автомагистралях Тверской области, 2009 г., %

магистральных пунктах постепенно увеличивается (рис. 1 и 7). Это единственный из представленных в табл. 1 типов ТГП сельских населенных пунктов, в котором наблюдается рост людности (преимущественно за счет внешней миграции). В районах коридора Москва – Санкт-Петербург самую большую численность населения (и долю), проживающего в пунктах на автомагистрали, имеют примосковские районы – Конаковский и Калининский. Для сельских пунктов на автостраде Москва – Санкт-Петербург характерна активная трансформация функционального типа – они стремительно превращаются в пункты технического обслуживания с большим набором предприятий и услуг дорожного сервиса (АЗС, кафе, гостиницы, магазины, ремонтные службы, автостоянки и прочие предприятия и службы дорожно-транспортных комплексов) [7].

В сельских населенных пунктах, расположенных в придорожных полосах до 5 км от автомагистралей (в зоне часовой пешеходной доступности), проживает более 35 тыс. чел. (более 9% населения Тверской области).

Как правило, такие пункты связаны с магистралью подъездной автодорогой с твердым покрытием (рис. 2). Доля населения, проживающая в пунктах данного типа, выросла в 2 раза с 1959 г., но численность населения в них постоянно уменьшается с начала 1990-х гг.

Примерно половина (51%) сельского населения Тверской области – 200 тыс. чел. живет в населенных пунктах на шоссейных автодорогах. Численность сельского населения в них постоянно уменьшается, а доля – растет. Этот тип преобладает в примосковских и внутренних староосвоенных районах области, через которые проходили старые гужевые тракты, а сейчас – шоссейные дороги (на Бежецк, Старицу, Осташков) (рис. 3). Особенно характерны такие пункты для пригородного Калининского района.

В пунктах, расположенных в полосах 2–2,5 км от автомобильных дорог с твердым покрытием (шоссе), живет в настоящее время более 30 тыс. чел. (8% населения области). В населенных пунктах этого типа сосредоточено до 20–25% сельского населения западных периферийных районов области.

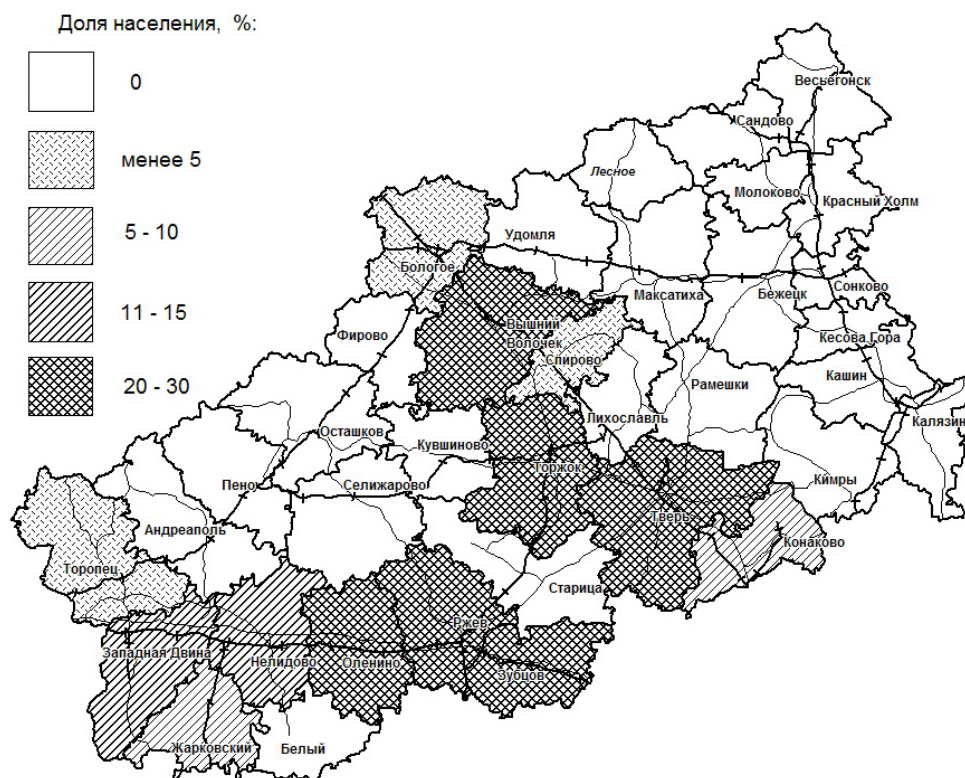

Рис. 2. Доля населения, проживающего в сельских населенных пунктах, расположенных в 5-км полосах от автомагистралей в Тверской области, 2009 г., %

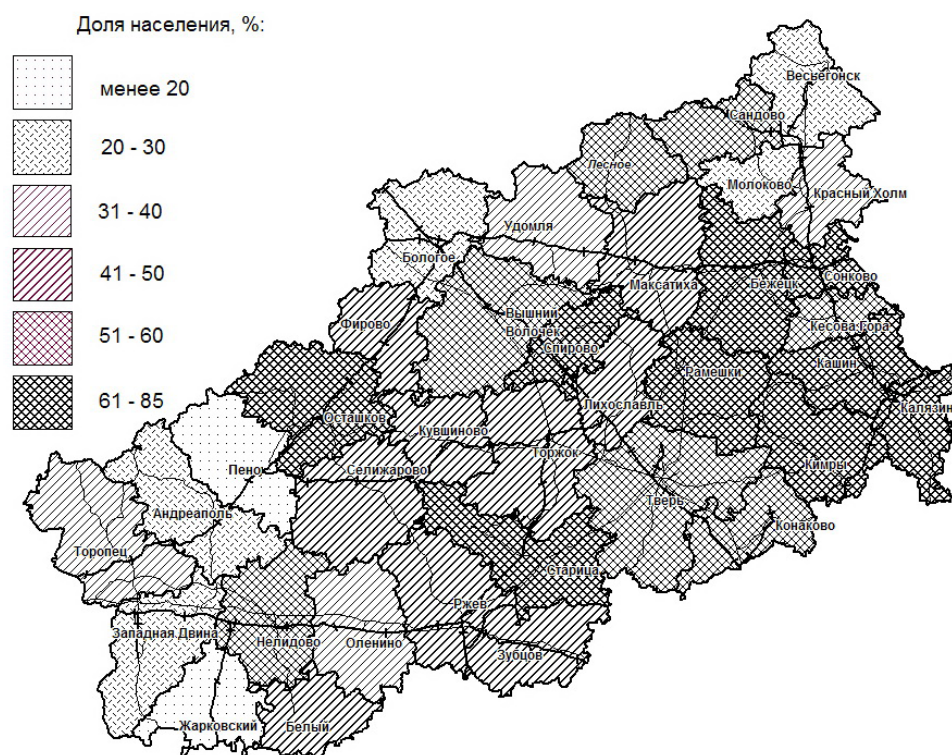

Рис. 3. Доля населения, проживающего в сельских населенных пунктах, расположенных на трассах автомобильных дорог с твердым покрытием (шоссе) в Тверской области, 2009 г., %

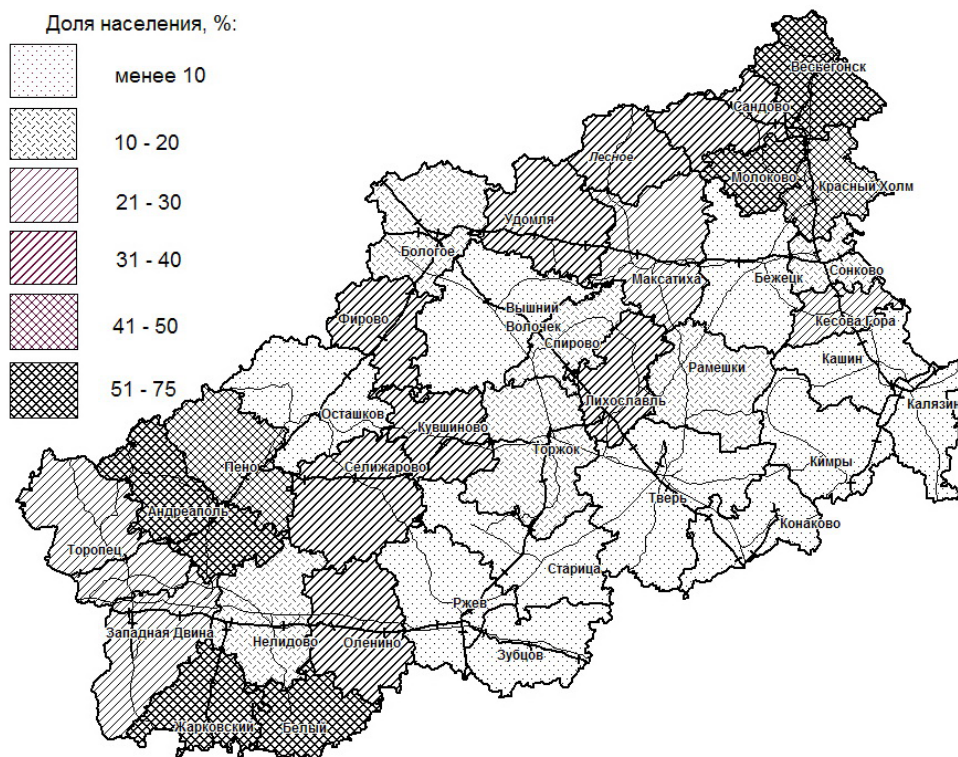

Рис. 4. Доля населения, проживающего в сельских населенных пунктах, расположенных вне зоны пешеходной доступности автодорог с твердым покрытием (далее 5 км от шоссе) в Тверской области, 2009 г., %

Численность сельских жителей (и доля) в таких пунктах постоянно уменьшается.

Периферийные пункты расположены вне зоны пешеходной доступности автодорог с твердым покрытием (далее 5 км), но не далее 2,5 км от автодорог без покрытия.

В таких пунктах сосредоточена четверть населения области – около 70 тыс. чел. (рис. 4). Численность и доля сельского населения постоянно уменьшается. При этом в наиболее удаленных от Твери районах (Жарковском, Бельском, Андреапольском, Весьегонском и Молоковском) это основной тип ТПП сельских населенных пунктов, в них сосредоточено до половины всего сельского населения этих районов.

Глубоко-периферийные – сельские пункты вне зоны пешеходной доступности автодорог (далее 5 км), расположенные на грунтовых проселочных дорогах или полевых и лесных дорогах. Эти населенные пункты находятся в условиях сезонного бездорожья – без постоянной транспортной связи,

и в них живет около 4% сельского населения области (почти 15 тыс. чел.)¹, а в ряде периферийных районов области – до 10–15 % (Жарковский, Зубцовский, Осташковский, Весьегонский, Максатихинский).

Пристанционные – прижелезнодорожные пункты с постоянным населением – станции, платформы, разъезды и бывшие железнодорожные казармы, полуказармы, будки (практически полностью ликвидированные к концу 1970-х гг.). В таких пунктах сосредоточено 4% населения Тверской области (более 15 тыс. чел.), а радиусе 3–5 км – в пристанционных ареалах – более 25%. Пристанционные пункты и ареалы расселения наиболее характерны для Бологовского и Пенковского районов, значительна доля пристанционных пунктов – в Лихославльском, Удомельском и Нелидовском районах. Численность населения и доля этого типа в численности сельского населения относительно устойчивы (рис. 7).

По удельному весу численности населения, проживающего в пунктах с различным

¹ Из-за отсутствия дорог с твердым покрытием более 10 процентов населения России в весенний и осенний периоды остаются отрезанными от транспортных коммуникаций [6].

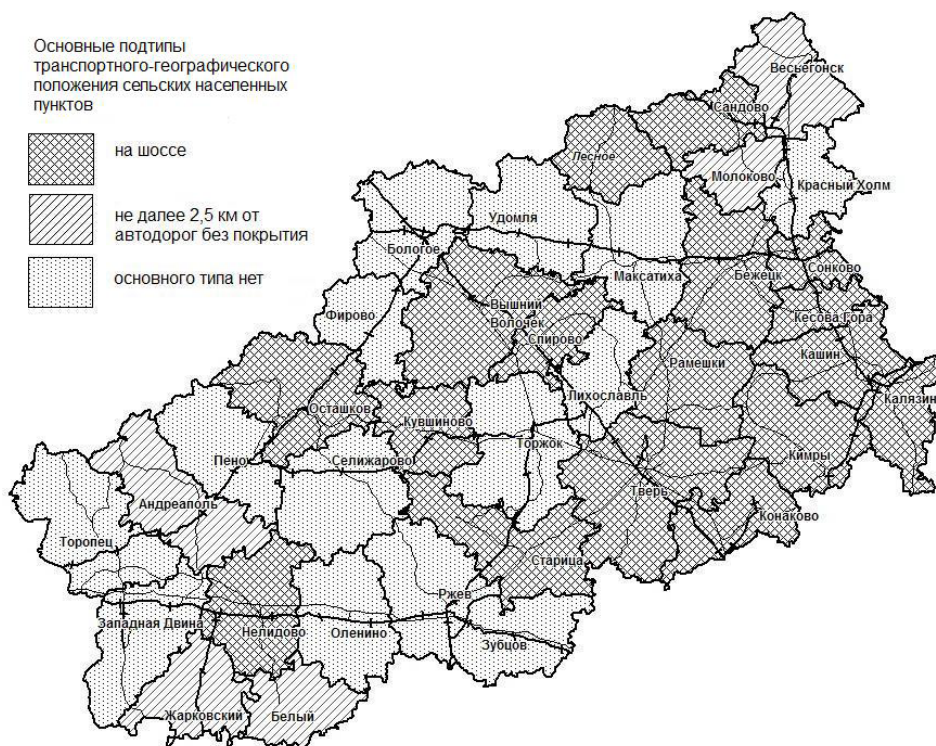

Рис. 5. Основные подтипы ТГП сельских населенных пунктов
(доля в населении района более 50%) в 2009 г.

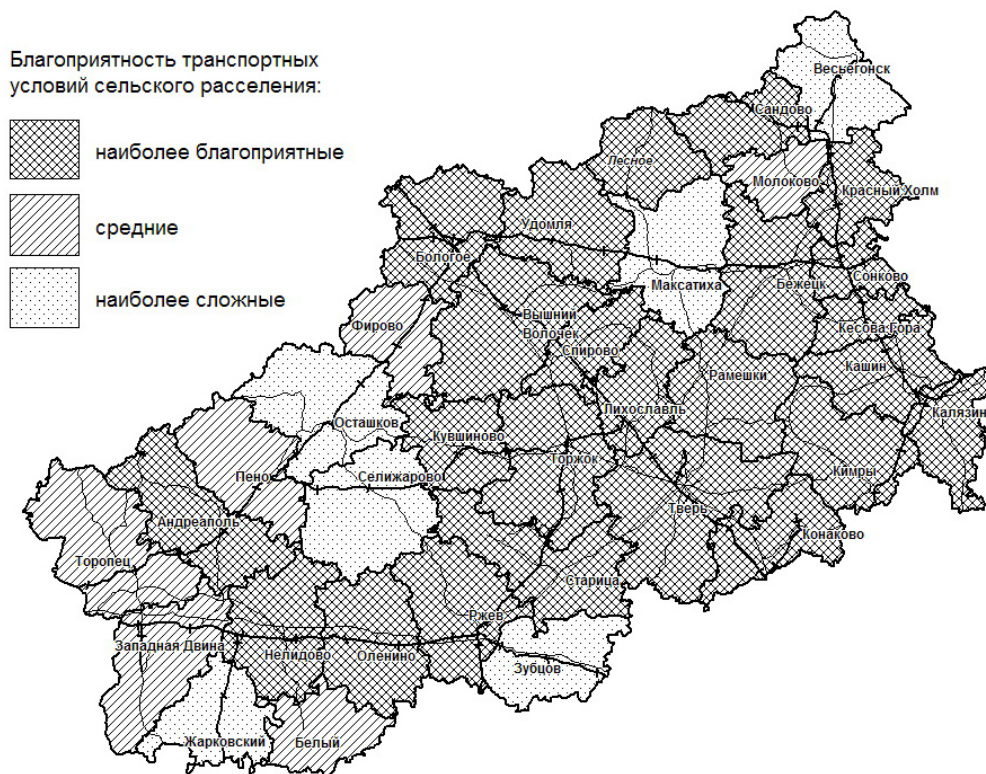

Рис. 6. Благоприятность современных транспортно-географических
условий сельского расселения в Тверском регионе

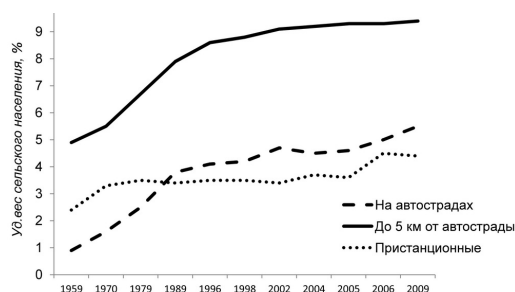

Рис. 7. Динамика примагистрального типа сельского расселения в Тверской области в 1959-2009 гг., удельный вес сельского населения, проживающего в пунктах на автострадах, рядом с ними (до 5 км) и в пристанционных, %

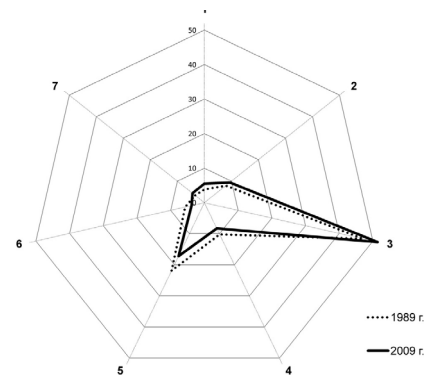

Рис. 8. Динамика структуры транспортных условий сельского расселения, доля населения, проживающая в пунктах с разным типом транспортно-географических условий (типы – в табл. 1 и рис.10) в 1959–2009 гг., %

Рис. 9. Динамика транспортно-географической структуры сельского расселения Тверской области в 1989-2009 гг., доля населения, %

ТПГ, можно установить основной и дополнительные типы (подтипы) транспортно-географического положения сельских населенных пунктов в муниципальных районах области. Основным тип (подтип) определялся по доле населения более 50%. В муниципальных районах Тверской области основных подтипов два: на трассах шоссе и в полосах не далее 2,5 км от улучшенных грунтовых дорог (рис. 5). Встречаются 10 вариантов сочетания основного и дополнительных типов или подтипов ТПГ. Ареал сельского расселения в пунктах на шоссе повторяет «рисунок» самой высокой плотности автомобильных дорог с твердым покрытием в регионе – от 100 до 200 км/1000 км².

По степени благоприятности транспортно-географических условий сельского расселения Тверского региона можно выделить 3 группы районов (рис. 6):

1. Наиболее благоприятные условия имеют районы, в которых более половины сельского населения живет на трассах автомагистралей и шоссе, рядом с ними, и в пристанционных пунктах (Калининский, Конаковский, Бологовский, Вышневолоцкий и др.) и минимальная доля населения проживает в условиях глубокой периферии (имеют сезонную транспортную связь).

2. Средние, или относительно благоприятные условия – основная часть сельского населения живет в пунктах на шоссе и рядом с ними (до 2,5 км) (Пеновский, Торопецкий, Западнодвинский и Бельский районы) и минимальная часть населения живет в условиях глубокой периферии.

3. Наиболее сложные условия – до 10–15% сельского населения не обеспечены постоянной транспортной связью: доля пунктов на грунтовых дорогах вдали

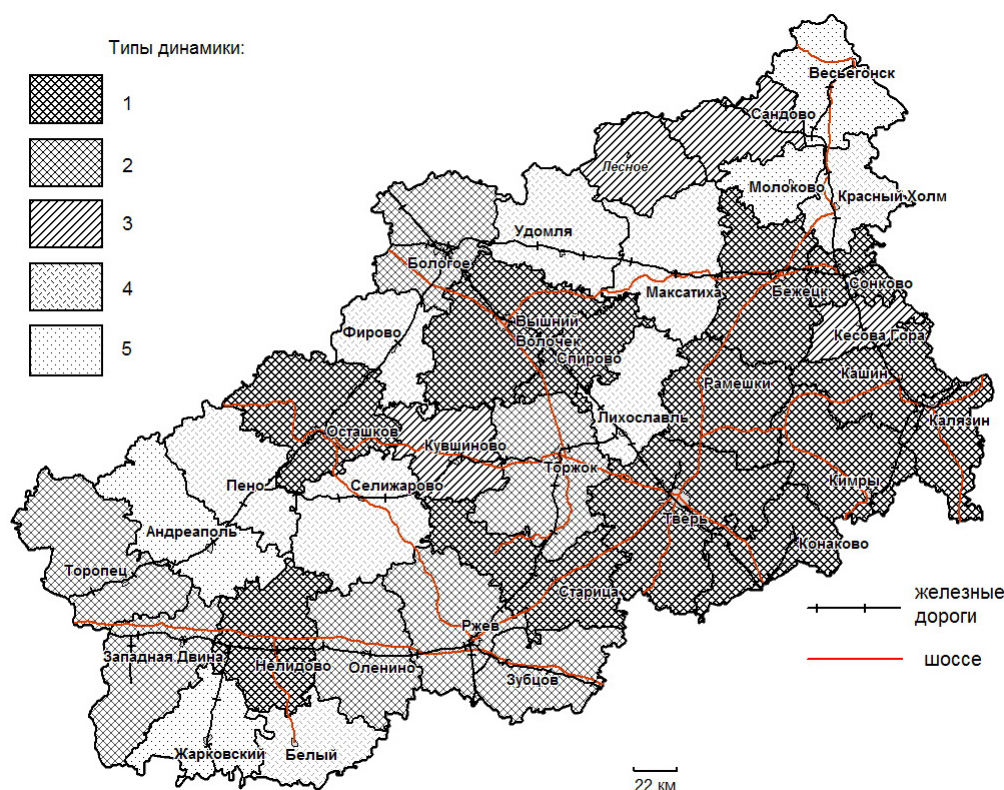

Рис. 10. Типы динамики транспортных условий сельского расселения в Тверской области, 1959–2009 гг. (описание типов дано в тексте)

от шоссе и железнодорожных остановок очень значительна (Весьегонский, Жарковский, Зубцовский, Максатихинский, Селижаровский и Осташковский районы). Среди этих районов преобладают перспективные туристско-рекреационные, где хорошие транспортные условия созданы лишь для мест размещения туристов (до турбаз, пансионатов, домов отдыха и пр.)

Распределение населения и населенных пунктов по типам транспортно-географического положения СНП постоянно меняется [3]. Увеличивается доля населения, проживающего в пунктах следующих типов ТГП: А1, А2, Ш3, Ж7. Растет и удельный вес пунктов этих типов (кроме Ж7) в составе сети СНП области. Убыль населения и сокращение числа СНП характерны, разумеется, и для этих типов, но проявляются они значительно слабее, чем в других. Для СНП типов ТГП Ш4 и Ш5 характерны разнонаправленные изменения в доле населения и населенных пунктов. Доля населения снижается, а доля населенных пунктов растет. Сеть пунктов Г6 типа разрушается наиболее высокими темпа-

ми, здесь уменьшается и доля населения, и удельный вес пунктов во всей сети СНП.

Анализ изменения доли населения, проживающего в СНП каждого из семи выделенных вариантов транспортно-географического положения, по административным районам Тверской (Калининской) области за период 1959–2009 гг. (рис. 7–9) дает возможность объединить районы в группы по типам динамики транспортных условий сельского расселения (рис. 10).

Можно выделить 5 типов динамики транспортных условий сельского расселения в районах Тверской области (рис. 10):

Тип 1. Значительное улучшение транспортных условий сельского расселения. Основной тип транспортно-географического положения – пункты на шоссе. Увеличилась концентрация населения на трассах автомагистралей и рядом с ними. Доля прочих типов незначительна и постоянно уменьшалась. В условиях бездорожья проживает не более 5% населения (исключение – Осташковский район – 11%). В районах данного типа проживает 51% сельского населения Тверской области.

Таблица 2

Соотношение типов динамики транспортных условий и плотности сельского расселения в муниципальных районах Тверской области

Типы динамики транспортных условий	Плотность сельского населения, чел/км ² , 2010 г.				Кол-во районов
	10,1-15,0	5,1-10,0	3,1-5,0	1,0-3,0	
1 – значительное улучшение условий	Калининский	Вышневолоцкий, Кашинский, Конаковский, Старицкий	Бежецкий, Калязинский, Кимрский, Рамешковский, Сонковский, Спировский,	Нелидовский, Осташковский	13
2- улучшение при сохранении значительной доли бездорожья		Торжокский	Бологовский, Зубцовский, Ржевский	Западнодвинский, Оленинский, Торопецкий	7
3 – улучшение условий (значительная доля – на шоссе и/или в пристанционных пунктах		Лихославльский	Краснохолмский, Максатихинский, Удомельский	Бельский, Пеновский, Селижаровский, Фировский	8
4 – незначительное улучшение условий при сохранении значительной доли не далее 2,5 км от дорог без покрытия			Кесовогорский, Лесной	Кувшиновский, Сандовский	4
5- стабильные условия с основной долей населения не далее 2,5 км от дорог без покрытия и в условиях бездорожья				Андреапольский, Весьгонский, Жарковский, Молоковский	4

Тип 2. Улучшение транспортных условий сельского расселения при отсутствии доминирующего типа: на трассах автомагистралей, рядом с ними и в пристанционных пунктах сосредоточено 20–40% населения. В условиях бездорожья живет 4–13% населения. В районах данного типа проживает 23% сельского населения Тверской области.

Тип 3. Улучшение транспортных условий сельского расселения за счет увеличения доли населения, проживающего на шоссе (без образования основного типа) и в пристанционных пунктах. Доля населения в условиях бездорожья, как правило, не превышает 5%. В районах данного типа проживает 15% сельского населения Тверской области.

Тип 4. Незначительное улучшение транспортных условий сельского расселения: основной тип – пункты на шоссе (50% и более) при сохранении значительной доли населения (30–40%) в пунктах, расположенных не далее 2,5 км от дорог без покрытия. В условиях бездорожья живет не более 5% населения. В районах данного типа проживает 6% сельского населения Тверской области.

Тип 5. Стабильные условия с сохранением основной доли населения, проживающей в пунктах не далее 2,5 км от дорог без покрытия (улучшенных грунтовых дорог). В условиях бездорожья живет от 5% до 15% населения. В районах данного типа проживает 5% сельского населения Тверской области.

Итак, половина сельского населения области значительно улучшила транспортно-географические условия своего проживания. В наихудших условиях (с малыми переменами и при значительной доле бездорожья) проживает 11% сельского населения области, преимущественно в периферийных районах.

Соотношение плотности сельского населения и типов динамики транспортных условий (табл. 2) позволяет установить наиболее проблемные территории. Ими являются наименее заселенные районы – Весьегонский, Жарковский, Андреапольский и др. – всего 8 (из 36) муниципальных районов Тверской области. Это периферийные районы, как правило, удаленные от Твери (до Жарковского района – более 8 час. на рейсовом автобусе).

Транспортное строительство в условиях крайне редкого расселения – особая проблема.

Отсутствие хороших дорог лишает такие территории и возможности развития общественного транспорта [2]. Возможно транспортное обустройство только рекреационно-туристских территорий (местностей).

Для каждого муниципального района Тверской области Департаментом транспор-

та и связи разработаны паспорта по отраслям «дорожное хозяйство, транспорт, связь» (2010 г.) [5] с информацией о сети автомобильных дорог, маршрутах общественного транспорта, программах строительства, оценкой качества дорог, проблематикой транспорта и пр. Это удачная форма подачи информации для мониторинга и оценки развития транспортной ситуации в регионе.

Предложенная здесь оценка транспортных условий сельского расселения может стать специальным разделом «дорожного паспорта» района, в котором будет содержаться информация о результатах совмещенного анализа транспортной и сельской поселенческой сетей. Выявление и анализ региональных транспортных проблем сельского расселения должны стать обязательным элементом диагностики социальной ситуации в регионе. Системная диагностика транспортных условий сельского расселения создает информационную базу для последующего принятия управленческих решений – разработки стратегии, подготовки программ развития, формирования бюджетов и т.д.

Библиографический список

1. Кузнецова С.Н. Транспортные условия сельского расселения Тверского региона: методика и опыт оценки // Вестник Тверского государственного университета. Серия «География и геоэкология». – Выпуск 1 (9). – 2011. – №10. – С.3-12.
2. Кузнецова С.Н. Каркасные понятия сельского расселения // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития / Под ред. А.Г. Дружинина, В.Е. Шувалова: Материалы Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 4-8 мая 2010 г.) – Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2010. – С. 293-296.
3. Кузнецова С.Н., Дубоделов П.С. Оценка линейной концентрации сельского расселения Тверской области // Географические проблемы сбалансированного развития староосвоенных регионов: Материалы Второй международной научно-практической конференции. (Брянск, 28-30 октября 2010 г.). – Брянск: Издательство «Курсив», 2010. – С.90-93.
4. Кузнецова С.Н., Яковлева С.И., Соотношение структуры и транспортно-географических условий сельского расселения Тверской области // Региональные исследования. – 2010. – № 1 (27). – С. 55–64.
5. Паспорта муниципальных районов Тверской области по отраслям «дорожное хозяйство, транспорт, связь». Тверь: Департамент транспорта и связи, 2010 г. [Электронный ресурс], http://www.dts.tver.ru/TGS/dts/home.nsf/pages/andreapol_info.html
6. Транспортная стратегия РФ на период до 2030 года (2008), http://rosavtodor.ru/doc/transport-strateg_22112008_1734_r.zip
7. Яковлева С.И. Эволюция дорожно-сервисных функций трактовых поселений транзитного региона (на примере Тверской области) // Региональные исследования. – 2004. – № 1(3). – С.65–72.

Х.М. Куркиева (Москва)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПОСЕЛЕНИЙ (на примере Ингушетии)

Kurkieva X.M.

INSTITUTIONAL FACTORS OF TERRITORIAL DIFFERENCES OF THE SOCIO-ECONOMICAL CHARACTERISTICS OF SETTLEMENTS (FOR EXAMPLE INGUSHETIYA)

Аннотация. Изучение территориальных различий в экономико-географических исследованиях традиционно проводится на основе анализа количественных характеристик. Применение методики сравнительного институционального анализа поселений при изучении Ингушетии позволило выявить факторы внутрирегиональной дифференциации территории через анализ качественных характеристик изучаемых явлений, в условиях отсутствия муниципальной статистики.

Abstract. In traditional economic geography research of territorial differences based on analyses of the quantitative characteristics of effects. By using the comparative institutional analysis method for research of Ingushetiya let down to face factors of intraregional distinctions via analysis of the qualitative characteristics of effects, when there is no the municipal statistics.

Ключевые слова: институты, горные поселения, фамильные земли, земельные участки.

Key words: institutes, mountain settlement, family land, allotments for housing construction.

Введение. Наряду с традиционными факторами развития территории – оценкой экономико-географического положения, природно-ресурсного потенциала, структурных особенностей экономики, этнокультурного разнообразия, тенденций развития за определенный период и другие, в социально-экономической географии все большее внимание уделяется институциональным факторам, связанным с управлением, регулированием отдельных сфер, областей, экономических, общественных отношений.

Исследование региональных институтов позволяет учитывать новые нематериальные явления, которые ранее не были предметом экономико-географического анализа (нормы, правила, мотивы экономического поведения и взаимодействие хозяйствующих субъектов). Несмотря на то, что такие факторы не имеют количественного выражения, в периоды кризисов и трансформаций их воздействие на динамику и траекторию экономического развития проступает наиболее явно (А.Н. Пилясов, 2011, рукопись).

В нашей стране, как и сто лет назад, реформы идут «сверху», что обуславливает риски прежде всего из-за их слабой связи с локальной спецификой [Т.Г.Нефедова, 2003]. Региональная и федеральная власть довольно формально задевает суть локального уровня, что на практике сводится к сохранению региональной вла-

стью привилегий и получению дотаций [А.Н. Гуня, 2008]. Поэтому приоритетным представляется исследование локального уровня, который живет на основе институтов, выработанных многими годами и регулирующих современное природопользование.

К таковым, несомненно, относятся институты коллективного использования ресурсов, выработанные в ходе долгой «притирки» населения к осваиваемой территории, а успешная практика природопользования (в том числе совместного), обоснована набором характеристик местного сообщества [Северный Кавказ..., 2011, с.165]. Институциональный подход позволяет выявить специфику местного сообщества и его вклад в территориальную организацию общества.

Постановка проблемы. Изменения, происходящие в последние десятилетия на Северном Кавказе, вызвали необходимость комплексного научного анализа и оценки вариантов и приоритетов развития региона. Республики Северного Кавказа – регионы резких контрастов ландшафтов на относительно малых размерах территории (например, в Ингушетии от высокогорных до степных ландшафтов не более 140 км). Ландшафтное разнообразие детерминирует специализацию сельского хозяйства: животноводство – в горной части и растениеводство – на равнинных территориях.

Ингушетия – равнинно-горная территория Северного Кавказа, где в сельской местности проживает 56,7% населения, а сельское хозяйство наиболее распространенный вид хозяйственной деятельности большинства населения и основа реального сектора производства продукции. Но следует отметить, что современные сельскохозяйственные предприятия убыточны и существуют только благодаря поддержке государства. Острая нехватка необходимой техники не только не позволяет им обрабатывать свои угодья, но и собрать полученный урожай. Другая проблема – отсутствие реальных механизмов защиты своих земельных угодий, которыми по факту распоряжается Республиканская земельная Комиссия (далее Комиссия). Именно она выдает земельные участки под строительство государственных объектов социального, экономического и инфраструктурного назначения. В результате отчуждаются и застраиваются наиболее ценные в сельском хозяйстве (а именно в растениеводстве) равнинные земли¹. Так, на пашне бывшего совхоза «Экажевский», где преимущественно выращивался картофель и овощи, идет строительство города Магас.

Быстрый рост населения в 1990-е годы за счет сохраняющейся высокой рождаемости (коэффициент естественного прироста – 15‰ в 2010 г.) и притока беженцев (до 120 тыс. чел.) привели к изъятию больших (в масштабах республики) земельных массивов и раздачи их под индивидуальное жилое строительство. Так, согласно имеющимся данным за период с 1997 по 2002 годы земли поселений увеличились с 4,7 тыс. га до 38,3 тыс. га, то есть в более чем в 8 раз, а земли сельхоз назначения уменьшились на то же количество земель – 39,8 тыс. га². По остальным категориям земель изменений практически не произошло.

Экономически слабая и высокودотационная Ингушетия (свыше 90% бюджета) не располагает финансовыми средствами для обеспечения населения жильем. В итоге население само решает жилищный вопрос: строит за счет собственных средств. Исключение здесь составляют финансирование за счет федерального бюджета строительства

жилья пострадавшим от наводнения в 2002 году и переселенцам из оползневой зоны ст. Вознесенской (1995–2010 гг.).

Острый дефицит жилья население решает за счет собственных финансовых средств. В такой ситуации самый доступный способ – получить в муниципалитете земельный участок (либо приобрести у владельцев) и построить на нем дом³. В итоге земельные участки под ИЖС, несмотря на отсутствие в республике частной собственности на землю, стали одним из самых выгодных видов инвестирования денежных средств. Ограниченность земельных ресурсов стимулирует устойчивый рост цен (например, в 2003 году земельный участок в 10 сот в с. Плиево, стоивший 3,5 тыс. долларов США, в 2011 году стоит порядка 20–25 тыс. долларов США).

Происходящие в землепользовании процессы напрямую обусловлены тенденциями социально-экономического развития Ингушетии. Исследование механизмов выделения земельных участков под ИЖС в различных поселениях республики позволяет выявить территориальную дифференциацию в социально-экономическом развитии.

Методика исследования и информационная база. Проведение традиционного экономико-географического анализа республик Северного Кавказа сталкивается с проблемой отсутствия достоверной информации. Мнения экспертов единодушны относительно низкой достоверности данных по региону, и поэтому не могут быть основными, более того, единственной базой в анализе ситуации [Северный Кавказ..., 2011, www.socpol.ru].

Также отметим, что информационная база для большинства работ по республикам Северо-Восточного Кавказа (к которым относят Ингушетию, Чечню и Дагестан) основывается в своей массе на внешних источниках – публикациях средств массовой информации, официальных региональных сайтах, различных изданиях и др., зачастую слабо отражающих реальность.

Дополнительную проблему касательно Ингушетии создает отсутствие муниципальной статистики. Внутрорегиональные различия как объект статистического наблюдения

¹ По рассказам жителей Малгобекского построенный в 2010 году коттеджный поселок для переселенцев из оползневой зоны вблизи города Малгобек из 500 домов находится на землях, изъятых у фермеров.

² Источник: данные «Земельной кадастровой палаты» по Республике Ингушетия

³ Строительство дома может идти годами (и это нормальная для республики практика), в процессе которого часто помогают родственники как денежными средствами, так и строительными работами и материалами, что в конечном итоге удешевляет затраты. Что есть результат работы традиционных институтов взаимопомощи.

Таблица 1

Поселения-ключи и критерии их выбора

	Поселение	Природная зона	Генезис	Дополнительные критерии	Количество опрошенных экспертов*
1	Джейрах	Горно-луговая	Старое поселение в горах (1601 г.)	–	4
2	Плиево	Лесостепная	Старое ингушское поселение на равнине (1859-1860 гг.)	Пригород Назрани	4
3	Троицкая	На стыке степной и лесостепной	Станица Сунженской казачьей линии (1845 г.)	Смена этнического состава	5
4	Инарки	Степная	Старое ингушское поселение на равнине (1840-1861г.)	–	4
5	Зязиков-Юрт	Степная	Новое поселение на равнине (1995 г.)	–	4

* Количество опрошенных экспертов непосредственно в администрации поселения.

Также были проведены интервью-беседы с жителями поселений (не менее двух).

не существуют⁴. Поэтому в ходе исследования были поэтапно применены различные методы сбора и обработки информации: аналитические, статистические, интервьюирования, натурных наблюдений, сравнительного институционального анализа, графические.

На *первом этапе* исследования были выявлены основные волны заселения территории по датам основания населенных пунктов Ингушетии и соответствующие этим волнам природные зоны преимущественного расселения. Затем, были выбраны пять сельских поселений-ключей в разных ландшафтных зонах с разными характеристиками дат основания, удаленности от центра, этнического состава и др. (табл. 1).

Второй этап заключался в разработке анкеты с широким кругом вопросов для отражения социально-экономической ситуации поселений, основным направлениям природопользования, вопросам, связанным с социальной жизнью, таким как безопасность, досуг, наличие спортивных площадок, роль традиций в различных сферах жизнедеятельности и др.

Третий этап. Проведение экспертных интервью с сотрудниками администраций, жителями поселений-ключей, сбор социально-экономических и других статистических данных в администрациях поселений.

На стадии полевых работ сопоставление данных по поселениям оказалось трудновы-

полнимой задачей из-за отсутствия единой стандартной для всех формы паспорта поселения. В разных районах – разные паспорта. Более того, разные поселения представляют разные показатели в пределах одного блока демографических, социальных, бюджетных показателей. Расхождения, довольно существенные⁵, в численности наличного населения согласно предварительным итогам Всероссийской переписи населения 2010 года по Ингушетии и информации администраций поселений вызывают сомнения в достоверности данных. В связи с чем, основные выводы исследования формулировались на основании качественных характеристик исследуемых населенных пунктов.

Следует отметить достоинства методики исследования: получение информации из первичных источников; возможность выйти за формальные рамки исследования и выявить специфику местных сообществ (что важно в таких регионах, как республики Северного Кавказа) и др. Но и недостатки такого подхода очевидны – это, прежде всего, субъективный характер получаемой информации, довольно фрагментарный и противоречивый (например, приводимые факты из истории основания поселения не только разные, но и противоположные, у жителей одного поселения).

Метод интервьюирования разных групп жителей применялся с целью определения реальности, «стоящей» за статистическими

⁴ Закон о муниципальных образованиях в Республике Ингушетия принят только в октябре 2009 года. Информация в разрезе муниципалитетов планируется к выпуску в 2012 году с показателями за 2010 год.

⁵ Так, согласно паспорту поселения в станице Троицкой в 2010 году проживало 23,0 тыс. чел. Тогда как по данным переписи 2010 года только 16,3 тыс. чел. То есть разница 6,7 тыс. человек. Это почти 30-40% численности поселения.

показателями. Существенную помощь в ходе исследования оказал опыт жителя республики, в то же время смотрящего на регион извне. В результате удалось получить представление о специфике местных институтов, определяющих многие стороны жизни современных сельских поселений Ингушетии, механизмов и факторов, определяющих взаимоотношения внутри сообщества. По сути дела это емкая характеристика местного сообщества в то же время довольно четко отражающая внутренние различия этнически гомогенного региона.

Несмотря на имеющиеся информационные ограничения (статистические данные мало сопоставимы по поселениям-ключам и, на наш взгляд, недостаточны для формулировки аргументированных выводов), можно утверждать, что в ходе исследования была выполнена задача, которая ставилась. Смещение акцента в сторону изучения институционального фактора обеспечивает подход к изучению территории в условиях дефицита официальной информации. Главный и наи-

более интересный результат проведенного исследования получен при применении методики сравнительного институционального анализа [А.Н.Пилясов, 2011, рукопись].

Полученные результаты. В сельских поселениях Ингушетии распределение земельных участков обеспечивают две основные группы институтов:

- официальные, представленные различными чиновниками, состоящими на службе государства и выступающими от его имени
- и традиционные (или неформальные) – сохранившиеся «элементы» обычного права горцев, носителем которых выступает Совет старейшин (обычно несколько человек наиболее уважаемых) и законы Шариата, которые представляет муфтий местной мечети.

В общем виде основные институты, их нормы и правила, сферы применения и представитель соответствующего института представлены на рис.1.

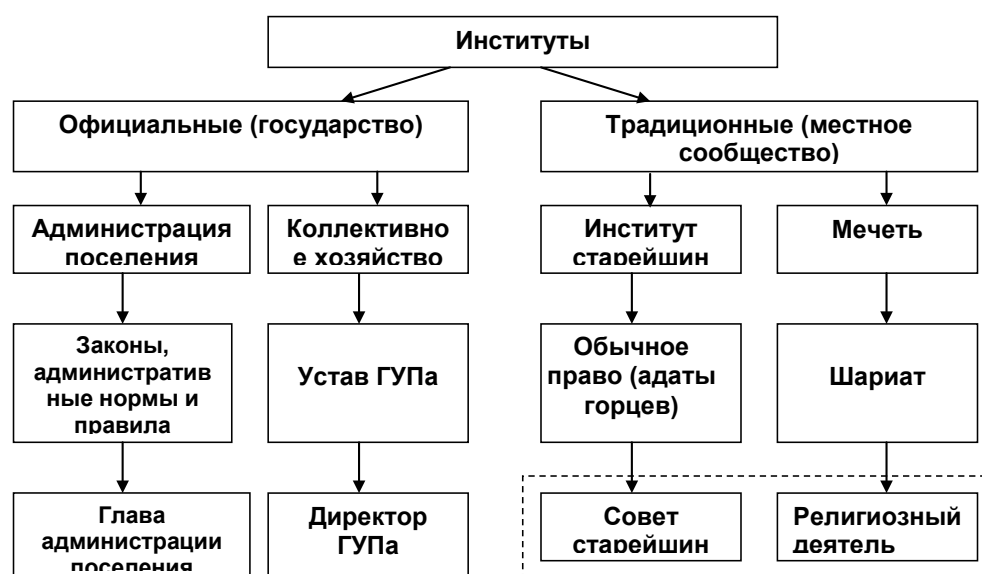

Рис. 1. Структурная схема официальных и традиционных институтов сельских поселений

Формальные институты. Экономический кризис начала 1990-х и земельная реформа привели к потере прежних властных позиций на селе и сделали бывшие колхозы и совхозы государственными унитарными предприятиями (ГУП). Практически все они убыточны и существуют благодаря финансо-

вой поддержке государства, а следовательно, практически полностью от него зависимы. Фактический «хозяин» на селе – администрация сельского поселения. В свою очередь сельская администрация подчиняется районной, которая подчиняется республиканским властям. Из интервью стало известно, что

главным распорядителем всех земель республики, без согласования с которым не возможно распределение земель даже в поселениях, выступает Комиссия. Также из бесед в республиканском Минсельхозе выяснилось, что земли сельскохозяйственного назначения отводятся под строительство Комиссией часто без согласования с сельхозпредприятиями⁶.

Традиционные (неформальные) институты. В обыденной жизни сельского поселения ведущая роль принадлежит институтам Старейшин и Шариата. Их наличие говорит об эффективности в решении частных вопросов, которые постоянно возникают при взаимодействии разных групп и членов сообщества поселения.

В вопросах землепользования ведущая роль отводится институту Старейшин и механизму решения спорных вопросов по обычному праву горцев. Существовавший века дефицит земельных угодий в горах позволил выработать систему норм и правил, позволяющих без лишних трений учитывать сложные нюансы и регулировать крайне важные вопросы земельных отношений.

Позиции института Шариата не занимают ведущей роли в вопросах землепользования, но его привлечение обязательно, даже в тех поселениях, где администрация решает почти все. Религиозный деятель выполняет роль гаранта того, что решение будет оптимальным, так сказать повышает его легитимность. Несмотря на настороженное отношение к институту Шариата, необходимо отметить, что в вопросах землепользования религиозные деятели осуждают споры из-за земли и указывают на недопустимость любых форм конфликтов из-за земли. Если в распределении земельных прав на родовые земли применяется обычное право, то сфера компетенции Шариата в регулировании рыночных механизмов оборота земли.

Сравнительный институциональный анализ поселений-ключей

В Ингушетии выделяется три институциональных типа поселений (табл. 2):

тип 1 – поселение с сохраняющимися традиционными институтами (встречаются в горной местности, пример – с. Джейрах). Харак-

терные черты: сохранившееся использование традиционных механизмов (норм обычного права) распределения земельных участков и урегулирования земельных споров; доступность рынка земельных участков только для ограниченного числа фамилий; отсутствие каких-либо преступлений и асоциальных явлений; совместный досуг (местный ДК единственный из пяти поселений, где зал переполнен и помимо официальных праздников проходят регулярные концерты и спектакли);

тип 2 – поселения со смешанной структурой традиционных и официальных институтов (характерен для равнинных поселений, пример – села Инарки и Плиево). Характерно: привлечение традиционных и официальных институтов при распределении земельных участков, решение земельных споров с привлечением обоих институтов; право на получение земельного участка принадлежит только выходцам из села; в больших по численности селах относительно редкие асоциальные явления (основной вид преступления – кража скота); досуг представляет собой посещение официальных праздников в районных центрах;

тип 3 – поселения с разрушенной системой традиционных институтов (равнинные поселения, пример – станица Троицкая и село Зязиков-Юрт). Характерно: максимальная доступность в пределах поселения рынка жилья; редкие земельные споры, решаемые чаще всего официальными институтами; более высокое, чем в поселениях типа 2, количество неблагополучных семей, случаев тяжких преступлений. Организованный досуг, как правило, по инициативе администрации поселения вполне востребован населением.

Три типа поселений с разными механизмами выдачи земельных участков и ролью традиционных институтов формируют четыре модели поселений-ключей (рис. 2). Важно также отметить влияние условной границы между старой частью поселения (до депортации 1944 г.) и новой (застройка после 1958 г.). Она отмечена в каждой модели поселения.

Тип 1 – «поселения с сохраняющимися традиционными институтами», – характеризуется моделью 1 (рис. 2). Структура горного поселения Джейрах встречается редко из-за рельефа местности. Каждая фамилия владеет на осно-

⁶ Так, в очередном выступлении по телевидению Президент республики указал на необходимость строительства бензоколонок вдоль одной из республиканских дорог. Буквально через нескольких дней работники сельхозпредприятия обнаружили картину: прямо на посевах расчищенные участки для заправок, прямо на полях, на которых не успели собрать урожай.

Таблица 2

**Результаты сравнительного институционального анализа
поселений-ключей**

	Tun 1	Tun 2		Tun 3	
	Горное поселение	Традиционное поселение на равнине	Близкое к республиканскому центру поселение	Станица	Новое поселение на равнине
Наименование поселения Критерии оценки	Джейрах	Инарки	Плиево	Троицкая	Зыкиов-Юрт
1	2	3	4	5	6
1. Роль традиционных институтов при распределении земельных ресурсов	Высокая (родовые земли: решение принимают старейшины)	Средняя (преимущественное право у выходцев села)		Низкая (на основании прописки в селе)	
2. Роль формальных институтов при распределении земельных ресурсов	Низкая (формализация принятого родом решения)	Средняя (соблюдение баланса между формальными и общественными институтами)		Высокая (принятие решения за представителями формальных институтов)	
Определяющий критерий выдачи земли под ИЖС	представитель фамилии проживающей в селе и живущий в нем	выходец из села (т.е. его отцы проживали в селе до депортации)		льготная категория, затем молодые мужчины	
Роль администрации поселения в решении земельного конфликта	Низкая	Средняя		Высокая	
Сельхоз-предприятия в селе	Нет	1 бывший совхоз (ГУП), в государственной собственности, убыточный		1 бывший совхоз (ГУП), два СПК (сады)	–
Купля-продажа	Только членам своей фамилии	Чаще членам своей фамилии		Независимо от фамилии	
Число заявлений на выдачу земельных участков (на 07.2011)	7	~1200		1600	
Число дворов	230 ⁷	870		2300	
Преступления	нет	Мелкие кражи, угон скота		Мелкие кражи, угон скота, 1 убийство в 2010 году	
Неблагополучные семьи, на 1 тыс.чел.	нет	1		1,2	
Досуг (мероприятия)	официальные праздники, 1 концерт в 1-2 мес.	официальные праздники		официальные праздники	

⁷ Согласно паспорту поселения с. Джейрах в поселении 230 дворов. Один из бывших сотрудников районной администрации, проживающий в с. Джейрах, назвал цифру в 145–150 дворов.

ве наследственного права «сегментом» земли. Граница 1958 года в мозаичности фамильных земель не выражена. Население имеет опыт длительного совместного проживания, поэтому практически нет неблагополучных семей и действий преступного характера. Круг лиц, которым выделяется и продается земельный участок, ограничен только однофамильцами и из числа проживающих в селе. Представители из равнинных сообществ (даже однофамильцы) не имеют доступа ни к земельным ресурсам, ни возможности интегрироваться в закрытое местное сообщество.

Тип 2 – «поселения со смешанной структурой традиционных и официальных институтов», – представлен моделями 2 и 3.

Модель 2 – старое ингушское поселение на равнине Инарки. В таком поселении старая центральная часть села, обозначенная буквой А на рис. 2, представляет собой чересполосицу, формируемую разными фамилиями, которые проживают компактно на одной или нескольких улицах (в зависимости от численности). В этой части села также идет процесс дробления земельных участков отцов между сыновьями, формируя здесь земельную чересполосицу.

Получить земельный участок за условной границей старой части поселения (т.е. не относящейся к какой-либо фамилии, а по факту сельхозпредприятий) имеют право только потомки жителей села и тех, кто жил до депортации. В районе новостроек не соблюдается сегрегация по отдельным фамилиям (за исключением случаев, когда братья берут участки рядом). Фамилия соседа не имеет значения, и все они односельчане, сменившие место жительства в пределах своего поселения.

Модель 3 – старое ингушское поселение Плиево на равнине с выгодным географическим положением вблизи регионального центра. Право на получение земельного участка, как и в модели 2, имеют коренные жители. Но близость самого крупного города республики (Назрани) сформировала высокий спрос на земли в районах новостроек. Новые участки продаются независимо от того, какой фамилии покупатель.

В итоге, за условной границей 1958 года в поселении смешанно проживают как представители фамилий старой части села, так и некоренных жителей (в подавляющем большинстве, беженцы). Хорошее предложение цены делает продавцов индифферентными

к фамилии покупателя. Но старая часть поселения закрыта для приобретающих землю извне (фамильные земли, так же, как и в 1 и 2 моделях, не продаются посторонним).

Тип 3 – «поселения с «разрушенной» системой традиционных институтов» описывает модель 4 на рис.2. Это поселения, в которых подавляющая часть жителей проживает не более 18 лет. Это, в подавляющем большинстве, беженцы – ингуши из РСО-Алания и Чечни. В поселениях как институт отсутствует эффект границы 1958 года. Здесь нет фамилий, проживавших здесь до депортации (за исключением не более 200 казаков в станице Троицкой). Поэтому и в старой части и в районах новостроек самый разнообразный фамильный состав жителей. Но здесь, больше, чем в остальных поселениях, неблагополучных семей, и их проблемами в большей степени занимаются не родственники и старейшины, а административные работники.

Выводы. Таким образом, к основным факторам, обеспечивающим устойчивость и особенности функционирования социальных институтов в Ингушетии, можно отнести: ландшафтное разнообразие территории, специфику ключевого ресурса и механизмы его распределения (земельные участки под ИЖС), разграничение сфер институциональной эффективности (сфера применения), устойчивость и адаптивность к изменениям и кризисам (экономическим, политическим, социальным и т.д.), характеристики сообщества поселения – «коренные» жители или беженцы и переселенцы.

В ходе проведенного исследования на территории Ингушетии выявлены внутрирегиональные различия в градиенте «горы–равнины»:

- в механизмах выделения земельных участков
- разрешении земельных споров
- доступности рынка земли
- стабильности социальной среды;

Различия социально-экономического положения поселений описываются классической моделью «центр-периферия»:

- на макроуровне – регион: «административный центр – поселение»
- на микроуровне – поселение: «центр села – новостройки»;

Там, где традиционные институты слабые, наблюдаются неблагоприятные тенденции в социально-экономическом состоянии поселений (кражи, неблагополучные семьи и т.д.).

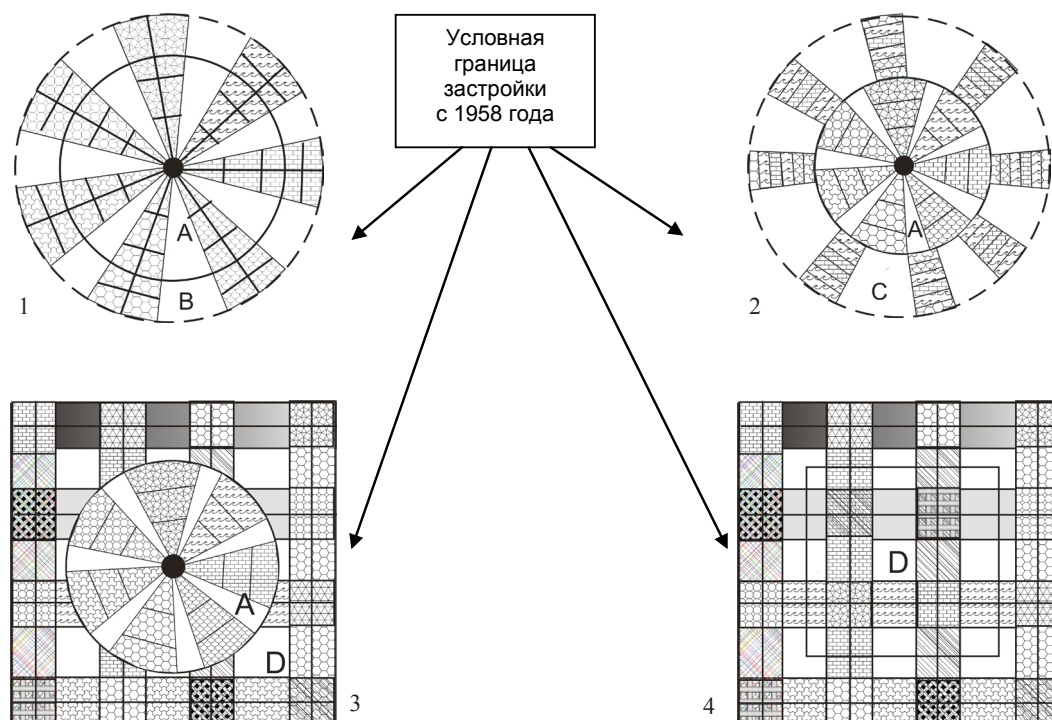

Рис. 2. Теоретические схемы структурных различий поселений-ключей по критерию мозаичности представителей различных семей:

1. Новые земельные участки (А) продолжают сегмент фамильных земель (В) за границей застройки старой части поселения, сохраняя фамильную однородность. 2. Фамильные земли в старой части села (сектор А), на новых земельных участках (С) представители тех фамилий, что в старой части села (А), фамильная однородность не соблюдается. 3. Фамильные земли в центральной части села (А), новые земельные участки (D) со смешанной структурой (с фамилиями, как из старой части села, так и представители, прибывшие из разных поселений). 4. Новостройки, в которых и в центральной старой части поселения и районе новостроек проживают разные фамилии, прибывшие из разных поселений (D).

В поселениях, где традиционные институты сильны, преступность значительно ниже (или отсутствует), а, следовательно, социальная ситуация более благополучна. Также можно утверждать, что работа институтов родственной взаимопомощи в таких поселениях сглаживает экономическое расслоение, что подтверждается натурными обследованиями жилого фонда. В целом поселения, вблизи крупных центров

материально более состоятельны, чем более удаленные. В случаях, когда получение статистической информации сталкивается с объективными трудностями, а применение классических методов экономико-географического исследования затруднительно, методика сравнительного институционального анализа позволяет с высокой степенью объективности выявить региональную специфику поселений.

Библиографический список

1. А.Н.Гуня. Динамика освоения горного региона: Структурные и институциональные факторы. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2008.
2. Т.Г.Нефедова. «Сельская Россия на перепутье». – М.: Новое издательство, 2003.
3. Северный Кавказ: Модернизационный вызов. Под ред. И.В.Стародубровской. – М.: Издательский дом «Дело», 2011.
4. <http://ingstat.gks.ru> – Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Ингушетия.
5. www.socpol.ru Независимый институт социальной политики. – Социальный атлас российских регионов.

Э.М. Магоматов, С.С. Решиев (Грозный)

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СФЕРА ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ:
СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Magomadov E.M., Reshiev S.S.

**SOCIO-ECONOMIC SPHERE OF THE CHECHEN REPUBLIC:
OF STATES, PROBLEMS AND DEVELOPMENT PRESPEKTIVY**

Аннотация. Предлагаемая статья характеризует сложившуюся ситуацию в социально-экономической сфере Чеченской Республики. Выделены основные проблемы устойчивого социально-экономического развития Чеченской Республики и показаны перспективы роста.

Abstract. The proposed article describes the current situation in the socio-economic sphere of the Chechen Republic. Highlights the major challenges of sustainable socio-economic development of the Chechen Republic and the prospects for growth.

Ключевые слова: Чеченская Республика, социально-экономическая сфера, социально-экономическое развитие, проблемы и перспективы развития.

Key words: The Chechen Republic, the socio-economic sphere, the socio-economic development, problems and prospects.

**I. Состояние социально-экономической
сферы Чеченской Республики**

Социальная сфера. В последние годы в социальной сфере Чеченской Республики происходят существенные позитивные изменения. Демографическое развитие в республике имеет устойчивую динамику роста. Численность постоянного населения Чеченской Республики на 1 января 2011 года составила 1 275,8 тыс. человек. В 2010 году, как и за последние годы в целом, наблюдался значительный естественный прирост населения республики. Показатель естественного прироста населения республики за период январь-декабрь 2010 года составил 29,8 тыс. человек. Следует подчеркнуть, что в последнее время прирост населения наблюдается во всех районах республики.

В целом за последние годы демографическая ситуация в республике является наилучшей среди субъектов Российской Федерации [1, с. 82–83]. Нынешняя динамика демографического развития республики может стать одним из основных факторов, позволяющих ей выйти на путь синергетического развития, при условии развития в подрастающем поколении трудолюбия и интеллекта с учетом позитивного мирового опыта.

Рынок труда. Сегодняшний рынок труда республики не отвечает современным вызовам и оптимальному разделению труда при межрегиональном сотрудничестве. Основные показатели показывают, что Чеченская Респу-

блика находится перед необходимостью создания форсированными темпами современного рынка труда. Численность экономически активного населения в Чеченской Республике в декабре 2010 года составила 565,1 тыс. человек или 43,6% от общей численности населения республики. Из них были заняты в экономике 320,5 тыс. человек или 56,7% экономически активного населения. Уровень безработных составил 43,3%. Уровень официально зарегистрированных безработных составил 41,1% [2, с. 86]. Участие организаций производственного сектора экономики в создании рабочих мест на территории Чеченской Республики находится на недопустимо низком уровне. Удельный вес их на рынке труда республики в конце 2010 года составил 4,6%.

Республика по показателям занятости в производственном секторе экономики и доле производственного сектора экономики на рынке труда значительно уступает другим субъектам Российской Федерации в составе Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). В нашем анализе мы сравниваем показатели Чеченской Республики с аналогичными показателями РФ в целом, Юга России (ЮФО и СКФО вместе взятые), республик – Дагестан, Кабардино-Балкария, Северной Осетия – Алания.

В таблице 1 приведены показатели занятости в производственном секторе экономики в рассматриваемых регионах в 2009 году¹.

¹ Здесь и далее при сравнении показателей регионов СКФО ссылки сделаны на данные «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010», из-за отсутствия информации за 2010 г. по другим регионам.

Таблица 1

Занятость в производственном секторе экономики

Регион	Занятость в производственном секторе экономики (тыс. человек)	Доля производственного сектора экономики на рынке труда (%)
Российская Федерация	23 369	35
Юг России (ЮФО и СКФО)	3 523	38
Чеченская Республика	76	30
Республика Дагестан	382	41
Кабардино-Балкарская Республика	134	43
Республика Северная Осетия – Алания	113	38

Источник: расчеты авторов.

Таблица 2

Обеспеченность врачами

Регион	Численность врачей, тыс. человек	Численность врачей на 10 000 человек населения	Численность среднего медицинского персонала, тыс. человек	Численность среднего медицинского персонала на 10 000 человек населения
Российская Федерация	711	50,1	1 518	107
Юг России (ЮФО и СКФО)	101	43,9	216	94
Чеченская Республика	3	27	9	69
Республика Дагестан	11	39	23	84
Кабардино-Балкарская Республика	4	43	10	107
Республика Северная Осетия – Алания	5	72	7	105

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010.

Здравоохранение. За последние 5 лет инфраструктура системы здравоохранения республики была практически заново восстановлена, а также существенно модернизирована.

С 2003 года и по настоящее время наблюдается устойчивый рост численности врачей и среднего медицинского персонала в республике. Вместе с тем, республика по этим показателям на душу населения значительно уступает другим субъектам Российской Федерации в составе СКФО, при этом по численности врачей – многократно абсолютно-му большинству из этих регионов (табл. 2).

По показателям «численность врачей на 10 000 человек населения» и «численность среднего медицинского персонала на 10 00 человек населения» Чеченская Республика занимает предпоследнее место среди субъектов Российской Федерации (82), на последнем месте – Республика Ингушетия (83) [1, с. 308–317].

Следует заметить, что Чеченская Республика до сих пор попадает в число аутсайдеров среди субъектов РФ по показателю «число больничных коек на 10 000 человек населения» (81-е место), позади лишь республики Дагестан (82-е место) и Ингушетия (83-е место) [2, с. 300].

Образование. За последние годы в республике проводится масштабная работа по восстановлению и техническому переоснащению объектов учреждений системы образования.

На 1 января 2011 года на территории республики функционировали 146 детских садов, из которых в сельской местности – 93. Начиная с 2003 года, число дошкольных образовательных учреждений в республике устойчиво растет. На 1 января 2011 года это число выросло по сравнению с 2003 годом более чем 2 раза. За этот период многократно увеличилась также численность воспитан-

ников этих учреждений (от 4 645 до 20 548 человек). Позитивная динамика этих показателей в последние годы обусловлена, прежде всего, активным восстановительным процессом в социальной сфере республики, в рамках действовавших и ныне действующих ФЦП на территории региона.

Однако республика до сих пор по этим показателям существенно отстает от других субъектов РФ [2, с. 230–231]. В 2009 году по показателю «охват детей дошкольными образовательными учреждениями» Юг России в целом (ЮФО и СКФО) занимал последнее место среди других федеральных округов РФ, а Чеченская Республика и Республика Ингушетия – соответственно предпоследнее и последнее места среди субъектов Российской Федерации.

За последние годы работа общеобразовательных учреждений республики постепенно налаживается, приобретая системный характер. За период 2006–2010 гг. восстановлены и переоснащены многие объекты общеобразовательных и специальных учреждений республики. В период 2001–2010 годов численность учителей и учащихся выросла с 12,6 до 16,0 тыс. человек и с 193,9 до 212,3 тыс. человек соответственно.

Однако система общеобразовательных учреждений в республике не достигла оптимального уровня развития с учетом опыта регионов Юга России и Российской Федерации в целом. Подтверждением тому является удельный вес учащихся, занимающихся во вторую и третью смены. По этому показателю республика в 2009/10 учебном году занимает предпоследнее место среди субъектов Российской Федерации (39,8%) [2, с. 231], на последнем месте – Республика Ингушетия.

Производственная сфера. В последние годы динамика производства товаров и услуг формально была положительной. Вместе с тем, по показателю «оборот организаций в обрабатывающем производстве» республика до сих пор многократно отстает от сравниваемых нами регионов.

После двух военных кампаний республика почти полностью утратила свою промышленно-производственную базу. В 2010 году объем отгруженных товаров собственного производства обрабатывающих производств республики составил 802,7 млн.

Приведенные в таблице 3 показатели и их значения показывают, что в республике

практически отсутствует промышленность, сопоставимая с промышленностью других регионов Юга России (ЮФО и СКФО) и страны в целом. Как видим из таблицы 3, значение показателя «объем отгруженных товаров собственного производства обрабатывающих производств» Чеченской Республики многократно уступает аналогичным значениям этого показателя в других сравниваемых нами регионах.

Строительство. В последние годы строительство республики развивается устойчивыми темпами. В 2010 году выполненный объем строительных работ в республике составил 21 505,0 млн. рублей. В 2010 году общая площадь введенного в республике жилья за счет всех источников финансирования составила 81,6 тыс. кв. метров или увеличилась по сравнению с 2009 годом (71,6 тыс. кв. метров) на 14,0%. Следует подчеркнуть, что в последние четыре года объемы работ, выполненных по виду экономической деятельности «Строительство», выросли существенно. Однако общий объем площади введенных в эксплуатацию домов продолжает значительно отставать от аналогичных показателей в сравниваемых нами регионах. По этому показателю в 2009 году Чеченская Республика занимала предпоследнее место среди субъектов РФ (82).

Сельское хозяйство. Характер и уровень развития сельского хозяйства в республике показывает, что этот производственный сектор экономики сегодня нуждается в серьезном преобразовании, модернизации, как в технологическом плане, так и в организации управления производством с учетом опыта развитых стран и регионов России.

В 2010 году объем производства продукции сельского хозяйства республики составил 10 710,3 млн. рублей. Однако объем производства продукции сельского хозяйства в республике до сих пор сильно отстает от потенциальных возможностей этой отрасли с учетом опыта успешных аналогов из отечественной и мировой практики (табл. 4).

Торговля. Характер и уровень развития торговли Чеченской Республики в последние годы показывает, что и этот сектор экономики – барометр климата внутреннего рынка региона, нуждается в серьезном развитии.

Динамика показателя «оборот организаций оптовой и розничной торговли» в последние годы неустойчивая. Более того,

Таблица 3

Объем отгруженных товаров собственного производства обрабатывающих производств

Регион	Объем отгруженных товаров собственного производства обрабатывающих производств (млн. руб.)	Объем отгруженных товаров собственного производства обрабатывающих производств на душу населения (тыс. руб.)
Российская Федерация	3 049 610	22
Юг России (ЮФО и СКФО)	266 913	12
Чеченская Республика	504	0,4
Республика Дагестан	19 992	7
Кабардино-Балкарская Республика	17 841	20
Республика Северная Осетия – Алания	11 396	16

Источник: расчеты авторов.

Таблица 4

Объем производства продукции сельского хозяйства

Регион	Объем продукции с/х (млн. рублей)	Объем продукции с/х на душу населения (тыс. рублей)
Российская Федерация	2 515 941	18
Юг России (ЮФО и СКФО)	559 787	24
Чеченская Республика	8 555	7
Республика Дагестан	45 502	17
Кабардино-Балкарская Республика	20 505	23
Республика Северная Осетия – Алания	15 174	22

Источник: расчеты авторов.

относительное значение этого показателя является серьезным сигналом для беспокойства отвечающих за проведение экономической политики в республике, так как оно указывает, с одной стороны, на неконкурентоспособность организаций оптовой и розничной торговли республики по сравнению с аналогичными организациями сопредельных регионов, с другой стороны, на неблагоприятную атмосферу на этом сегменте внутреннего рынка (табл. 5). В результате этого граждане Чеченской Республики, ориентируясь на цены, преимущественно создают спрос на товары, реализуемые на территориях сопредельных регионов, то есть происходит вывоз львиной доли потребительских денег за пределы республики, а внутренний рынок не получает должного импульса для синергетического развития.

Приведенные в таблице агрегированные показатели также показывают слабость си-

стемы торговли республики, ее несопоставимость по оборачиваемости с торговлей на территории других рассматриваемых регионов. Как видим, значения этих показателей Чеченской Республики многократно ниже, чем у указанных регионов.

Финансовая деятельность. В последние годы финансовая деятельность республики носит неоднозначный характер. Республика до сих пор не вышла на траекторию устойчивого финансового развития. Работа по институциональному обеспечению финансовой системы идет крайне тяжело, до сих пор полноценно не работает Национальный Банк Чеченской Республики, что определенно мешает открытию на территории республики банков второго уровня. Сегодня в республике реально действует лишь филиал ОАО «Россельхозбанк», в то время как в других регионах Юга России имеются десятки банков и филиалов.

Таблица 5

Оборот организаций оптовой и розничной торговли

Регион	Оборот оптовой торговли (млн. руб.)	Оборот оптовой торговли на душу населения (тыс. руб.)	Оборот розничной торговли (млн. руб.)	Оборот розничной торговли на душу населения (тыс. руб.)
Российская Федерация	28 072 900	198	14 602 500	103
Юг России (ЮФО и СКФО)	1 783 323	78	1 941 916	85
Чеченская Республика	2 100	2	31 142	25
Республика Дагестан	23 537	9	275 129	101
Кабардино-Балкарская Республика	9 973	11	54 901	61
Республика Северная Осетия – Алания	24 668	35	44 691	64

Источник: расчеты авторов.

Государственные финансы, то есть консолидированный бюджет республики, пока еще остаются очень слабыми в плане их формирования за счет собственных доходов региона.

Консолидированный бюджет Чеченской Республики в 2010 году исполнен по доходной части на 99,6% (64 832,8 млн. рублей) и на 97,3% (65 719,6 млн. рублей) по расходной части от плана. Сегодня республика находится в числе высокودотационных регионов страны, по отношению к которым действуют ограничения, оговоренные пунктом 4 статьи 130 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

Согласно бюджетному кодексу РФ, в субъектах Российской Федерации, в бюджетах которых доля межбюджетных трансфертов (за исключением субвенций) из федерального бюджета в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет превышала 60% объема собственных доходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации, осуществляется ряд мер, направленных на эффективное использование бюджетных средств.

Проведенный выше анализ показал характер и особенности социально-экономического развития Чеченской Республики в последние годы, выявил основные проблемы социально-экономической сферы республики.

II. Проблемы социально-экономической сферы Чеченской Республики

На сегодняшний день серьезными проблемами на пути социально-экономического развития республики являются:

1. Отсутствие современных конкурентных элементов социальной инфраструктуры

в республике и невысокий уровень качества услуг, оказываемых социальной сферой.

2. Недостаточное институциональное обеспечение экономики республики (конкурентоспособная банковская система, конкурентоспособная таможня, биржа: товаров, фондов, труда и т.д.).

3. Отсутствие административной реформы.

4. Отсутствие современного рынка труда, неоптимальная структура занятости в экономике и высокая безработица.

5. Отсутствие конкурентоспособной промышленности.

6. Отставание процессов приватизации государственного и муниципального имущества в республике в рамках закона с учетом интересов всего населения.

7. Слабая организация сельского хозяйства республики и отсутствие его модернизации.

8. Отсутствие разработки и реализации стратегических планов развития городов, районов и сельских поселений.

9. Недостаточно благоприятные условия для развития внутреннего потребительского рынка.

III. Перспективы социально-экономического развития Чеченской Республики

При сохранении нынешней динамики естественного прироста населения крайне необходимо создание опережающими темпами современных конкурентных элементов социальной инфраструктуры в республике.

Республике следует обоснованно отстаивать необходимый объем финансирования строительства (модернизации) объектов образования и увеличения штатной численности этой системы перед федеральными органами

власти, чтобы обеспечить республике в обозримом будущем среднероссийский уровень системы образования. Решение этих вопросов позволит значительно увеличить количество рабочих мест в этой бюджетной сфере и заметно улучшить качество образования.

Необходимо наращивать техническую базу здравоохранения республики, продолжить опережающими темпами строительство новых объектов в этой сфере с учетом вектора демографического развития региона. Далее, необходимо также увеличить штатную численность работников системы здравоохранения республики, чтобы достичь по этому показателю среднероссийского уровня. В условиях республики решать эти задачи можно лишь через обоснование выделения необходимых финансовых ресурсов перед Федеральным центром. Решение этих вопросов позволит многократно увеличить количество рабочих мест в этой бюджетной сфере и существенно улучшить качество оказываемых медицинских услуг на территории республики. С учетом опыта сопредельных регионов и тенденции развития демографической ситуации в республике необходимо открыть на территории республики государственный медицинский вуз с современной технической базой.

Сегодня и в перспективе особый акцент следует сделать на повышении качества услуг, оказываемых социальной сферой. Ориентиром при решении этой задачи должен стать опыт успешных аналогов из отечественной и мировой практики.

Главным лейтмотивом решения вышеперечисленных задач социальной сферы республики должно стать всестороннее развитие человеческого капитала на ее территории как одно из необходимых условий для полноценной интеграции ЧР в единое социально-экономическое пространство Российской Федерации и мирохозяйственные процессы.

Для обеспечения конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности республики необходимо ускорить процесс институционального обеспечения экономики республики. Национальный банк Чеченской Республики должен за короткие сроки реально выйти на уровень полноценного выполнения своих функций, создавая вокруг себя банки второго уровня, в том числе с частным капиталом².

После выхода традиционной банковской системы республики на уровень наиболее развитых регионов следует параллельно с ней внедрить на территории региона исламскую банковскую систему с учетом его специфики и международного опыта.

Сегодня крайне важно создать полноценную таможенную службу на территории республики и организовать ее работу на уровне успешных аналогов из отечественной практики, чтобы полноценно наладить международное сотрудничество, увеличить долю ее внешнеэкономической деятельности в ВРП и придать мощный импульс развитию инновационной деятельности. В настоящее время удельный вес региона в общем объеме внешнеэкономической деятельности Российской Федерации находится фактически на нулевой отметке [2].

После принятия и начала реализации основополагающих республиканских законов (нормативных актов) по переводу республики на рельсы социально-ориентированной рыночной экономики возникнет реальная необходимость в создании современного фондового рынка с учетом мирового и отечественного опыта.

В настоящее время крайне важной задачей для республики, с прицелом на будущее, является поэтапное проведение кардинальной административной реформы, стандартизация и регламентация государственных услуг, внедрение принципов программно-целевого управления бюджетными средствами и системы Докладов о результатах и основных направлениях деятельности (ДРОНД) в ЧР, разработка механизмов внедрения бюджета, ориентированного на результат (БОР) с учетом опыта успешных аналогов из отечественной и мировой практики [3]. Решение этой задачи будет способствовать: сокращению числа бюрократических и коррупционных препятствий на пути развития бизнеса; обеспечению социальной справедливости при оказании государственных услуг населению; обеспечению социальной справедливости при устройстве на работу в бюджетной сфере, в том числе росту общей грамотности и культуры общества в целом.

Сегодня крайне важно создать в республике транспарентную (прозрачную), охватывающую все отрасли экономики, систему

² В 1993–1996 гг. в республике функционировали 18 коммерческих банков, а сегодня – реально лишь 1.

базы данных о рынке труда региона, доступную как для работодателей, так и для ищущих работу. Ключом к решению проблемы безработицы в республике должны стать, на наш взгляд, действенные меры Федерального центра по созданию на территории Чеченской Республики современной конкурентоспособной экономики с учетом успешного мирового опыта и особенностей региона.

Реальный сектор экономики Чеченской Республики до сих пор остается в плачевном состоянии. Состояние «промышленности» республики за последние годы обязывает, на наш взгляд, ответственных за проведение экономической политики в республике генерировать конкретные и действенные алгоритмы по созданию современной конкурентной экономики. Более того, они должны их обоснованно защищать перед федеральными органами власти и федеральным бюджетом, так как республика, будучи на протяжении последних лет высокودотационным регионом (более 90%) [4], не будет в состоянии в обозримом будущем самостоятельно решать подобные задачи. Однако нужно начать с создания максимально благоприятного инвестиционного климата в республике через ликвидацию искусственных барьеров на пути предпринимательства, как коррупционных, так и бюрократических.

В настоящее время существует реальная необходимость в разработке и реализации стратегии развития основных отраслей экономики, действительно поддерживаемая Федеральным центром. Без этого невозможно полноценно интегрировать экономику республики в единое социально-экономическое пространство страны, а значит, и успешно решить проблему долгосрочной стабилизации социально-политической обстановки в регионе.

Республике сегодня крайне важно принять закон о приватизации государственной и муниципальной собственности в качестве фундаментальной основы становления частной собственности и ее неприкосновенности. При этом при выборе методов и способов приватизации необходимо учесть успешный мировой опыт. Пока Чеченская Республика является единственным субъектом Российской Федерации, где отсутствует подобный закон на региональном уровне, а приватизационный процесс идет в рамках Закона «Об управлении и распоряжении государственным имуществом» [5]. Закон о приватизации

государственной и муниципальной собственности Чеченской Республики станет системообразующим инструментом при переходе к подлинно рыночной экономике.

Сегодня и в обозримом будущем двигателем экономики Чеченской Республики может и должна стать ее нефтяная отрасль. В этой связи необходимо конкретизировать статус нефтяной отрасли, без которой полноценно восстановить промышленность республики невозможно, как невозможно в обозримом будущем вывести республику из высокودотационного состояния. Это позволит сделать регион привлекательным для инвестиций.

В стабильный период развития республики (советский период) ее экономика базировалась главным образом на нефтехимическом комплексе, и в обозримом будущем успех ее развития объективно всецело будет зависеть от положения дел в данной отрасли. Разведанные запасы нефти достаточны для ее добычи на уровне 1990 г. более чем на 100 лет [6, с. 6-28]. В этой связи полагаем целесообразным создание Чеченской нефтяной корпорации (ЧНК), что будет способствовать обеспечению действенной координации работы всех предприятий, вовлеченных в нефтяную отрасль. Это должно привести к централизации продажи нефти и, с другой стороны, улучшить рыночную конкурентоспособность республики. В числе первоочередных задач ЧНК становится расширение и модернизация производства нефтепродуктов в рамках реконструкции и определения стратегии развития нефтяной промышленности. ЧНК способна создать собственную сеть распространения, маркетинга и розничной продажи очищенных нефтепродуктов как по российским регионам, так и по странам СНГ.

В случае успешного начала реализации стратегии развития и модернизации нефтяной отрасли республики и установления устойчивых связей с другими субъектами РФ Правительству Чеченской Республики следует также обосновать перед Федеральным центром возможность и необходимость развития в ЧР некоторых наукоемких видов промышленного производства. Целесообразность такого шага может быть обоснована геополитическим положением, природно-климатическими условиями, а также наличием здесь емкого внутреннего рынка.

Республике нужна продуманная аграрная реформа. Ее цель не только в обеспечении

внутренней потребности в сельскохозяйственных продуктах, но и в возможностях поставки части производимой продукции в другие регионы России и страны СНГ. Необходимость в реформировании сельского хозяйства продиктована крайней неэффективностью ныне существующей модели управления и организации аграрного сектора. Сельское хозяйство региона до сих пор зиждется в основном на государственных унитарных предприятиях (ГУП), которые изжили себя как эффективные институты хозяйствования в условиях перехода экономики на рыночные отношения. Практически все ГУПы за последние годы являются убыточными, и основные показатели, характеризующие их финансово-экономическую деятельность, также отрицательны [7]. По нашему мнению, целевой функцией аграрной реформы должны стать:

- модернизация сельского хозяйства
- освоение земель сельскохозяйственного назначения в полном объеме
- многократное увеличение производства сельскохозяйственной продукции
- многократное увеличение доходов реально занятых в сельском хозяйстве
- достижение самодостаточности республики по основным видам потребляемой сельхозпродукции, а также возможности их экспорта в другие регионы.

Нынешнюю структуру производства сельскохозяйственной продукции в республике следует оптимизировать в сторону увеличения доли в ней животноводства.

Решение этой задачи будет способствовать достижению самодостаточности и динамичности в развитии мясомолочного рынка республики. На важность этого направления указывает также позитивный опыт развитых стран, в частности, опыт Федеративной Республики Германии. В структуре сельского хозяйства Германии животноводство занимает 75% или 3/4 всего объема производимой продукции в этой отрасли экономики страны [8, с. 150–165].

Сегодня республике крайне необходимы, с прицелом на будущее, разработка и реализация стратегических планов развития городов, районов и сельских поселений.

Для разработки и реализации стратегических планов развития городов и населенных пунктов, на наш взгляд, необходимо создать профессиональный Совет Чеченской Респу-

блики по стратегическому планированию развития городов, районов и сельских поселений республики. В его задачи входила бы, во-первых, выработка методики разработки стратегических планов развития населенных пунктов республики с учетом ее специфики, во-вторых, организация мониторинга, результаты которого Совет должен докладывать Правительству Чеченской Республики.

Приоритетной задачей ответственных за проведение экономической политики в республике сегодня должно стать создание необходимых условий для более быстрого развития внутреннего рынка республики, чтобы он реально мог составить конкуренцию рынкам сопредельных регионов. В число первоочередных мер, безусловно, входят создание форсированными темпами институтов рыночной инфраструктуры и снятие искусственных барьеров на пути развития внутреннего рынка (прежде всего, следует существенно снизить арендную плату на территории республики, обеспечить альтернативность в выборе торговых площадок, снизить административное давление на бизнес) с учетом опыта успешных аналогов.

По нашему мнению, решение перечисленных задач перспективного развития республики станет возможным только при одном условии: если республика будет постоянно уделять самое серьезное внимание политике, направленной на повышение качества человеческого капитала. Речь, прежде всего, идет о повышении уровня квалификации трудовых ресурсов ЧР. Уровень подготовки трудоспособного населения должен соответствовать происходящим в стране и мире трансформациям. А это, в свою очередь, невозможно вне продуманной демографической и образовательной политики, политики в области повышения уровня здоровья населения (в т.ч. в области развития спорта).

Решение обозначенных выше задач позволит республике выйти на путь диверсифицированного развития. В перспективе особый акцент следует сделать на развитие сферы услуг в широком смысле, с учетом конкурентных преимуществ региона, что позволит республике последовательно интегрироваться в туристско-рекреационную систему Юга России, национальные и мировые хозяйственные процессы на взаимовыгодной основе в условиях глобализации и регионализации мира, следовательно, выйти на путь постиндустриального развития.

Библиографический список

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010.
2. Стат. сборник Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чеченской Республике «О социально-экономическом положении в Чеченской Республике за январь-декабрь 2010 года».
3. Разработки Секретариата доноров по реформе государственной службы в России/ Министерство международного развития Великобритании, Всемирный банк.
4. Решиев С.С. Характер формирования и исполнения консолидированного бюджета Чеченской Республики с 2006 по 2010 год // Финансы и кредит. – 2010. – № 45 (429).
5. Закон Чеченской Республики от 7 июля 2006 г. № 13-рз «Об управлении и распоряжении государственным имуществом Чеченской Республики».
6. Минерально-сырьевые ресурсы Чечено-Ингушского экономического административного района по состоянию на 1 января 1960 года. – Ессентуки: Северо-Кавказское геологическое управление, 1960.
7. Решиев С.С., Осмаев Я.Н. Финансово-экономическая деятельность государственных унитарных предприятий производственного сектора экономики Чеченской Республики в 2009 году // Финансы и кредит. – 2010. – № 19 (403).
8. Vanhove N. Regional policy: A European approach. – Aldershot etc.: Ashgate, 1999.

Д.В. Никитас (Смоленск)

ИЗУЧЕНИЕ ВНЕШНЕГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
БИЗНЕСА В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Nikitas D.V.

STUDYING OF THE EXTERNAL SUPPLY WITH INFORMATION
OF BUSINESS IN SMOLENSK AREA

Аннотация. Статья раскрывает состояние сферы информационного обслуживания бизнеса Смоленской области, анализируются потребности бизнеса в информации, уровень обеспечения смоленского бизнеса персональными компьютерами и доступом в Интернет, даются характеристика источникам внешней информации и статистический анализ источников внешней информации в Смоленской области, даётся характеристика государственному видению проблемы информационного обеспечения бизнеса.

Abstract. Article opens a condition of sphere of information service of business of Smolensk area, requirements of business for the information, level of supply of Smolensk business of personal computers and access to the Internet are analyzed, given the characteristic to sources of the external information and the statistical analysis of sources of the external information in Smolensk area, the characteristic is given to the state vision of a problem of a supply with information of business.

Ключевые слова: бизнес, информационное обеспечение, Смоленская область, информация, источники информации.

Key words: business, information supply, Smolensk area, information, information source.

Информация в современной экономике востребована и как экономический ресурс, и как товар, удовлетворяющий человеческие потребности. Информация рассматривается как составная часть экономики знаний, которая может влиять на прибыль фирм, и умелое использование которой может вывести фирму в лидеры рынка. «Необработанная бессистемная информация ценится дёшево и не обладает большой практической пользой. Управление знаниями придаёт ценность информации с помощью её фильтрации, синтеза и обобщения, что приводит к выявлению

скрытых ресурсов роста бизнеса» [5]. Особым направлением использования информации в экономической деятельности является обеспечение эффективного функционирования организаций за счёт качественного обращения информации и знаний. По словам М. Кастельса, «в мире появилась экономика нового типа, которую я называю информационной и глобальной... информационная – так как производительность и конкурентоспособность факторов или агентов в этой экономике (будь то фирма, регион или нация) зависят в первую очередь от их спо-

способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях» [3].

С целью выяснения современных информационных потребностей смоленского бизнеса и источников получения информации был проведён ряд социологических исследований, объектом которых явились информационные предпочтения смоленских бизнесменов.

65% смоленских бизнесменов либо не испытывают дефицита информации вовсе, либо скорее не испытывают. 17% опрошенных испытывают, либо скорее испытывают дефицит информации. Среди наиболее дефицитных видов информации «маркетинговая информация» (о тенденциях рынка, предпочтениях потребителей и т.п.), 41% опрошенных отметил эту категорию. Смежная информация – коммерческая – нужна 19% опрошенных. Высокий уровень потребности в нормативно-правовой информации (32%), где имеется в виду обеспечение бизнеса информацией о законах, инструкциях, нормах, правилах, устанавливаемых государством, либо нормоустанавливающими организациями. Здесь же нужно добавить, что 22% опрошенных нуждаются в официальной информации от федеральных и региональных властей.

Кроме того, 23% руководителей нужна статистическая информация, которая предоставляется государственными органами статистики. Она имеет косвенное отношение к бизнесу и касается экономической, демографической, социальной ситуации в стране и регионе, позволяет строить различные прогнозы. Достаточно велика потребность в получении руководителями образования: 19%. Что характерно, бизнес аполитичен: и никто из опрошенных не нуждается в политических новостях, которые чаще всего, действительно, не имеют никакого отношения к созданию добавочного продукта.

Наиболее востребованными источниками информации являются электронная почта и интернет-сайты (62%), деловые порталы (62%). 50% пользуются электронными деловыми СМИ. Т.о., три первых места занимают источники, доступные при помощи выхода в Интернет. С большим отрывом, имея 30%, далее идут «интернет-реклама», из которой руководители также черпают информацию о конкурентах, и различные «базы данных» (фирм, товаров, партнёров и т.п.). Следует добавить, что современная тенденция – организация за абонентскую плату удалённого он-лайн доступа к таким базам данных. Прогрессируют пятёрке электронных источников печатные источники информации: «печатные деловые журналы» (26%), «печатные газеты» (19%), «рекламные издания» (19%), «деловые справочники» (18%). Выставками, ярмарками и конференциями, семинарами пользуются 26% и 10% соответственно. Невозможно не отметить высокий уровень доверия и надёжности того, что говорят коллеги, друзья, знакомые: необходимую информацию от них получают 28% опрошенных.

К предоставляемой информации смоленские бизнесмены предъявляют определённые требования, главные из которых: «актуальность (новизна)», «оперативность подачи», «достоверность», «доступность», «удобство предоставления (подачи)». При этом бизнесмены готовы платить за получение информации (43%), но в зависимости от качества и полноты услуги по предоставлению информации, 29% скорее не готовы платить, «но всё будет зависеть от предложенной информации».

Так как наиболее востребованными источниками информации являются Интернет-источники, представляет интерес вопрос доступа в Интернет. Организация выхода во всемирную сеть в Смоленской области уступает среднецентральному и среднероссийскому уровням (табл. 1) [8].

Таблица 1

Число персональных компьютеров на 100 работников

	персональных компьютеров – всего			в том числе с доступом к Интернет		
	2005	2007	2009	2005	2007	2009
Российская Федерация	23	29	35	7	11	15
Центральный федеральный округ	26	33	40	9	15	20
Смоленская область	17	22	28	3	5	8

Источник: Росстат

Таблица 2

**Удельный вес организаций, использовавших информационные
и коммуникационные технологии**

	Организации(% от обследованных), использовавшие						Организации, имевшие веб-сайт (% от обследованных)		
	персональные компьютеры			из них – Интернет					
	2005	2007	2009	2005	2007	2009	2005	2007	2009
Российская Федерация	91,1	93,3	93,7	53,3	67,8	78,3	14,8	19,8	24,1
Центральный федеральный округ	91,0	94,4	93,9	52,7	67,7	75,5	18,0	23,8	27,7
Смоленская область	75,4	94,4	97,2	33,5	47,7	61,2	8,8	15,7	20,8

Источник: Росстат, расчёты автора

Низкая доля обеспеченности компьютерами связана с низким уровнем автоматизации и информатизации производства. Многие трудовые процессы не механизированы. Такое явление будет присутствовать в экономике региона, пока совокупная стоимость труда человека будет ниже затрат на информатизацию предприятия. Низкий уровень доступа в Интернет ограничивает возможности поиска, сбора и анализа информации. При этом растут доли организаций, в принципе имеющих доступ в Интернет, и создавших свой собственный сайт (табл. 2) [8].

Как видно из таблицы, предприятия Смоленской области совершили прорыв в вопросе коммуникационного обеспечения с 2005 года. Рабочие места снабжены компьютерами, но доля обеспеченности выходом в Интернет остаётся ниже и среднероссийского и среднецентрального уровня.

Предприниматели Смоленской области среди ограничителей для развития предпринимательства выделяют «недостаток образования» и «нехватку информации»: предприниматели в возрасте до 20 лет – 8% («недостаток образования») и 9% («недостаток информации»), 20–25 лет – 6% и 10%, 26–30 лет – 5% и 12%, 31–35 лет – 5% и 11% [6]. При этом, с возрастом степень «необразованности» снижается, а степень «неинформированности» (неопределённости и риска) возрастает.

Выявлена зависимость необходимости проведения исследования и уменьшения тем самым неопределённости о состоянии рынка от возраста: с повышением возраста, доля тех, кто не проводил исследование рынка перед открытием бизнеса, а довольствовался другими источниками информацией, увеличивается.

Среди видов поддержки для развития бизнеса 74% предпринимателей как принципиально важный, либо с высокой степенью важностью отметили «помощь в получении информации, организации деловых контактов», это 6-е место после различных видов налоговой, финансовой, финансово-имущественной поддержки [2]. Среди желаемых видов поддержки от уполномоченных органов для предпринимателей на первом месте – финансовая (34,0%), на втором – представление и защита интересов (16,5%) и на третьем – информационная (13,9%) [1]. Государственной информационной поддержкой удовлетворены – 13%, скорее удовлетворены – 20%, скорее не удовлетворены – 27%, не удовлетворены – 19% [6]. Совокупно удовлетворённых – 33%, неудовлетворённых – 46%. Информацию о государственной поддержке малого бизнеса получают: через интернет-ресурсы 54%, через Смоленскую ТПП – 8% опрошенных, от партнёров, друзей, коллег – 22%, через СМИ – 10% [6].

Среди основных проблем ведения бизнеса выделяются 4: недостаток стартового капитала, недостаточное информационное обеспечение, сильный уровень конкуренции и ограниченный рынок сбыта [2]. Как «высокую степень влияния» на ведение бизнеса «недостаток информации» отметили 38% опрошенных. Это самый большой результат по градации «высокая степень влияния».

Предприниматели постоянно пользуются определённым набором услуг: финансовые, правовые, консалтинговые и т.д. 71% опрошенных пользовались информационными услугами, из них 43% эффективность этих услуг оценили как «ниже средней». По дан-

Классификация внешних источников информации

Таблица 3

государственные	негосударственные					
	периодические	непериодические	коммерческие	некоммерческие	полиграфические	внепечатные
издания государственных учреждений (статистические справочники, ведомости, известия, материалы пресс-служб),	журналы научные, реферативные, специализированные и др.,	книги, монографии, учебники,	маркетинговые исследовательские организации,	университеты, научно-исследовательские организации,	издательства, редакции, другие элементы распространения печатной продукции,	компьютерные базы данных,
государственные акты (законы, постановления)	отчёты торговых промышленных ассоциаций, бюллетени общества потребителей, информационные бюллетени предприятий, обзоры	материалы совещаний, конференций, деловых встреч,	другие специализированные агентства (службы газетных вырезок, службы расклейки объявлений и др.)	общества потребителей.		мировые, региональные и отраслевые информационные сети

ной градации именно у информационных услуг самый худший результат [2].

Для изучения системы информационного обеспечения бизнеса в регионе предложена классификация внешних источников информации (табл. 3).

На основании предложенной классификации проанализирована статистика внешних источников информации в Смоленской области (табл. 4). В таблице учитывается количество источников, но не объёмы информации.

Как видно из таблицы, государственная, в том числе статистическая информация представлена всего несколькими источниками, что говорит об информационной закрытости власти и повышает ценность (в виду редкости) любой государственной информации. Сайты печатных СМИ в Интернете не являются самостоятельными средствами массо-

вой информации, а только их электронной версией. Печатные СМИ в районах Смоленской области представлены чаще в единичном количестве, как издание местной администрации. Необходимо отметить низкое количество организаций, выполнявших исследования и разработки, куда входят, как научно-исследовательские институты, так и вузы, так и предприятия. Велико число организаций, представляющих доступ к Интернет (провайдеров). И объёмы этой услуги будут расти.

Одним из факторов развития предпринимательства на Смоленщине является создание информационной инфраструктуры. Вот что в частности сказано в «Рекомендациях по стимулированию спроса на продукцию малого и среднего предпринимательства (МСП), содействию продвижению товаров и

Таблица 4

*Статистический анализ источников внешней информации
в Смоленской области*

Источники	2010 г.
Государственные	
Печатные с нормативно-правовой информацией	2
Электронные с нормативно-правовой информацией	2
Печатные с официальной информацией от региональных властей	1
Электронные с официальной информацией от региональных властей	1
Печатные со статистической информацией	1
Электронные со статистической информацией	1
Негосударственные	
<i>Периодические</i>	
Печатные СМИ	43
Электронные СМИ	22
Информационные агентства и их представительства	3
Рекламно-информационные справочники	3
<i>Непериодические</i>	...
<i>Коммерческие</i>	
Учреждения, занимающиеся социологическими, маркетинговыми, конъюнктурными исследованиями	6
Специализированные агентства по расклейке объявлений	1
<i>Некоммерческие</i>	
Организации, выполнявшие исследования и разработки (в 2009 году)	16
<i>Полиграфические</i>	
издательства	11
полиграфические предприятия, выпускающие бланочную, газетную, книжно-журнальную, изобразительно-этикеточную продукцию	11
<i>Внепечатные</i>	
Провайдеры Интернет	32
Организации по предоставлению доступа к базам данных на электронных носителях, в том числе к справочно-правовым системам	5

услуг МСП на российском и международном рынках»: «усилить информационные мероприятия по продвижению продукции МСП на региональные рынки», «сформировать с целью преодоления существующего информационного вакуума механизмы регулярного обмена информацией между малыми, средними и крупными предприятиями, организациями науки, профильными организациями инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, органами власти» [4, с. 8–9].

Кроме того, в проект Программы социально-экономического развития Смоленской области на среднесрочную перспективу (на 2008-2012 годы) включена Задача 1.3. «Развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства в Смоленской области». Она выполняется в том числе за счёт: «информационного обеспечения субъектов малого и среднего предпринимательства на

территории Смоленской области» [7]. Там же отмечается, что в регионе «отсутствует организованный доступ к информации о рынках товаров и услуг, а также о рынках капитала». Данная проблема, в том числе, обусловливает то, что «существующая институциональная среда недостаточно стимулирует развитие бизнес-активности на территории области». Другой проблемой, которая называется в этой же программе, является «недостаточная информационная открытость смоленских предприятий», а, по сути, отсутствие публичности.

Низкая доля обеспеченности работников компьютерами в Смоленской области связана с низким уровнем автоматизации и информатизации производства. Низкий уровень доступа в Интернет ограничивает возможности поиска, сбора и анализа информации. При этом растут доли организаций, в принципе имеющих доступ в Интернет, и создавших

свой собственный сайт. Наличие собственного сайта позволяет более эффективно проводить маркетинговую политику предприятия. Государственная, в том числе статистическая информация, являются редким товаром на информационном рынке. Рынок Интернет-СМИ в Смоленской области фактически пуст. Печатные СМИ в районах Смоленской области представлены чаще в единичном количестве, как издание местной администрации. Высокий уровень организаций, представляющих доступ к Интернет (провайдеров). Все источники внешней информации могут быть использованы в различных направлениях маркетинга предприятия, особенно в исследовании каналов и форм сбыта, рекламе, PR.

Обобщая изученное внешнее информационное обеспечение бизнеса в Смоленской области, следует сказать, что бизнес испытывает наибольшие потребности в маркетингово-коммерческой информации (о тенденциях рынка, предпочтениях потребителей и т.п., в сведениях о товарах, услугах, адресах компа-

ний-конкурентов, -партнёров и т.п.), а также в информации о новинках законодательства. Наибольшим успехом пользуются электронные источники информации, различные сервисы Интернета. Успехом должны пользоваться рассылки на электронную почту, деловые интернет-сайты. Бизнес испытывает перманентную потребность в информации, но не дефицит (информации достаточно), особенно предприниматели с меньшим жизненным и деловым опытом (до 35 лет). Современными ни уровнем, ни качеством информационных услуг предприниматели крайне неудовлетворены, стараются нужную информацию добывать самостоятельно, используя при этом в первую очередь Интернет-ресурсы. В тройке видов поддержки от соответствующих уполномоченных органов бизнес ждёт информационной помощи. Бизнес готов заплатить за доступ к информации, главное, чтобы она была актуальна, оперативна, достоверна, доступна (по цене) и удобна для восприятия.

Библиографический список

1. Анализ состояния малого бизнеса, включая молодёжное предпринимательство в 2009–2010 годах и его вклад в социально-экономическое развитие Смоленской области: Материалы проведения социологического исследования // Администрация Смоленской области, Смоленская ТПП, НОУ ВПО «СГУ». – Смоленск, 2010.
2. Инфраструктура поддержки молодёжного предпринимательства Смоленской области: Результаты социологического исследования // Администрация Смоленской области, Смоленская ТПП, СМРО МОО «АМПР». – Смоленск, 2010.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М., 2000.
4. Малый и средний бизнес как важнейший фактор обеспечения социальной стабильности и экономического развития в кризисных условиях // «Ведомости Смоленской торгово-промышленной палаты». – №31. – сентябрь 2009.
5. Мильнер Б.З., Румянцев З.П., Смирнова В.Г., Блиникова А.В. Управление знаниями в корпорациях / Под ред. Б.З. Мильнера. – М., 2006.
6. Молодёжное предпринимательство: мнения, оценки, проблемы: Материалы проведения социологического исследования // Администрация Смоленской области, Смоленская ТПП, НОУ ВПО «СГУ». – Смоленск, 2010.
7. Программа социально-экономического развития Смоленской области на среднесрочную перспективу (на 2008-2012 годы) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// admin-smolensk.ru/](http://admin-smolensk.ru/)
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2011.

С. Синиченкова (Смоленск)

ОЦЕНКА ПОТРЕБНОСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ТЕХНИКЕ

Sinichenkova S.

ESTIMATION OF REQUIREMENT OF MACHINERY IN AGRICULTURE
OF SMOLENSK REGION

Аннотация. На основании научно разработанных нормативов потребности в основных видах сельскохозяйственной техники проведена оценка оснащенности сельскохозяйственных организаций Смоленской области, показана необходимость увеличения государственной поддержки в части технической и технологической модернизации производства.

Abstract. On the basis of scientifically developed specifications of requirement for agricultural machinery principal views the estimation of equipment of the agricultural organizations of the Smolensk region is organized, necessity of increase in the state support for a part of technical and technological modernization of manufacture is shown.

Ключевые слова: тракторный парк, нормативы потребности в сельскохозяйственной технике, обеспеченность сельскохозяйственных организаций тракторами и комбайнами, региональная программа развития.

Key words: tractor park, specifications of requirement for agricultural machinery, provision of the agricultural organizations tractors and combines, the regional program of development.

Общепризнан тот факт, что на текущем этапе функционирования национальное сельское хозяйство использует в основном агротехнологии с невысокими выходными параметрами, экстенсивные по вложению и отдаче знаний, капитала и материальных ресурсов, что не позволяет ему быть конкурентоспособным на рынке продовольствия [4]. Анализ тенденций развития АПК России позволяет говорить о том, что среди множества факторов, сдерживающих выход сельскохозяйственного производства из кризиса, главным остается продолжающееся ослабление материально-технической базы аграрной сферы.

Особенно ярко это видно на примере депрессивных регионов, к которым относится и Смоленская область. Обновление техники здесь осуществляется крайне медленными темпами; выбытие многократно превышает ввод, то есть нарушены все принципы воспроизводственного процесса.

Расширенное воспроизводство по существу невозможно из-за низкой платежеспособности: доля хозяйств, не приносящих прибыли, превышает 30%, а средний уровень убыточности реализуемой продукции достиг в последние годы 7%. В результате обеспеченность техникой и оборудованием продолжает снижаться, происходит не только техническое, но и моральное старение машинно-тракторного парка; за пределами

сроков амортизации эксплуатируется до 80% техники и оборудования. Анализ состояния технической обеспеченности сельскохозяйственных организаций Смоленской области показал неуклонное снижение их оснащенности техникой и оборудованием (рис. 1). Количество тракторов, зерноуборочных и кормоуборочных комбайнов составило в 2010 г. к 2009 г. соответственно 94,5%, 92,0% и 95,2%, т.е. только за один год произошло сокращение их числа на 5–8%.

Одним из важнейших инструментов, позволяющим рационально формировать машинно-тракторный парк на уровне хозяйства, региона и страны в целом, является разработка и применение научно обоснованных нормативов потребности в сельскохозяйственной технике.

Методической базой разработки нормативов при рыночных отношениях служат условные коэффициенты применительно к основным типам техники. В настоящее время эти коэффициенты определены «Методикой использования условных коэффициентов перевода тракторов, зерноуборочных и кормоуборочных комбайнов в эталонные единицы при определении нормативов их потребности» (далее – Методика), утвержденной Министерством сельского хозяйства в 2009 г. [2]. По сравнению с ранее разработанным документом (Нормативы потребности АПК в технике для растениеводства и животноводства)

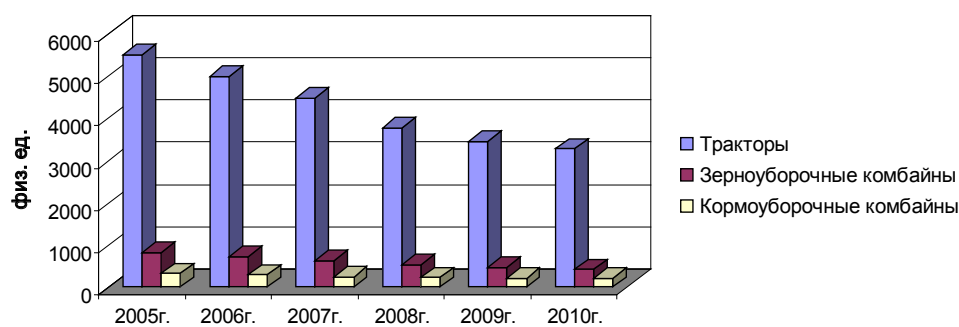

Рис. 1. Динамика наличия основных видов техники в сельскохозяйственных организациях Смоленской области

условные коэффициенты были существенно доработаны, а также установлены новые эталонные единицы, которые будут применяться начиная с 2012 г. Это было вызвано, в первую очередь, тем, что структурно изменились рынок сельскохозяйственной техники и машинно-тракторный парк хозяйств, появилась новая техника, в том числе машины из дальнего зарубежья, и новые технологии. Исходными данными для определения потребности в основных видах техники является количество свободных тракторов и комбайнов, а также площадь пашни и посевов зерновых и кормовых культур. Расчеты показали, что при фактическом наличии тракторов в сельскохозяйственных организациях 3,3 тыс. ед. технологическая потребность составляет 7,5 тыс. ед., т.е., оснащенность сельскохозяйственных организаций Смоленской области данным видом техники составляет всего 44%.

Изменить тенденцию резкого сокращения количества техники и ее старения возможно путем государственного регулирования, изменения объема инвестиционных ресурсов и возрастной структуры машинно-тракторного парка. Однако бюджетная поддержка сельскохозяйственного производства остается неадекватной вкладу этой отрасли в форми-

рование внутреннего регионального продукта области. На региональном уровне в настоящее время реализуется «Стратегия развития агропромышленного комплекса Смоленской области до 2015 г.», а также долгосрочная областная целевая программа «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Смоленской области на 2009–2012 гг.». Программой определены качественные показатели эффективности ее реализации, в том числе в направлении технической модернизации, но в соответствии с докладом отраслевого департамента [1], реализация данной программы неэффективна. Так, в 2009 г. план по приобретению тракторов был выполнен на 16,6%, комбайнов – на 25%, а в 2010 г. – на 24,1% и 44,2% соответственно (табл. 1).

Как следует из данных таблицы, среднесрочный пятилетний план по повышению технической оснащенности сельского хозяйства Смоленской области предполагает приобретение сельскохозяйственными товаропроизводителями всех форм собственности немногим более 2 тыс. тракторов, в то время как дефицит только по сельскохозяйственным организациям составляет 4,2 тыс. ед.

Таблица 1

Основные показатели технической и технологической модернизации сельского хозяйства Смоленской области

Приобретение с.-х. организациями, К(Ф)Х, включая ИП, с.-х. техники, ед.	Фактические показатели		Плановые показатели					
	2009	2010	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Тракторы	38	72	229	299	357	514	550	550
Зерноуборочные комбайны	12	23	48	52	65	73	75	75

Следует обратить внимание и на то, что большая часть техники в настоящее время работает сверх нормативного срока эксплуатации, поэтому при оценке потребности необходимо учесть ее ежегодное выбытие. В соответствии с п. 3 ст. 258 Налогового Кодекса РФ и «Классификацией основных средств, включаемых в амортизационные группы», трактора и комбайны включены в пятую группу, к которой относится имущество со сроком полезного использования от 7 до 10 лет [3]. Поэтому ежегодное выбытие данных видов техники должно быть предусмотрено на уровне 10–14%, что практически соответствует сложившемуся в последние годы уровню.

Таким образом, использование нормативов позволяет объективно оценить потребность сельского хозяйства в основных видах техни-

ки. Расчеты, проведенные на примере сельскохозяйственных организаций Смоленской области, показали, что региональная потребность в тракторах составляет 7,5 тыс. ед. при фактическом наличии 3,3 тыс. ед. Стабилизация ситуации требует существенного усиления мер государственного регулирования, многократного увеличения объема инвестиционных ресурсов и изменения их структуры. Необходимо увеличивать государственную поддержку процесса обновления техники через предоставление субсидий на возмещение части затрат на уплату процентов по инвестиционным кредитам, части затрат на приобретение современной высокотехнологичной ресурсосберегающей техники и оборудования, а также ориентироваться на достижение ключевых показателей региональных целевых программ.

Библиографический список

1. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Департамента Смоленской области по сельскому хозяйству и продовольствию за отчетный период 2009–2011 годы и на плановый период 2012–2014 годы // URL: <http://www.admin-smolensk.ru/~selhoz/index.php>.
2. Методика использования условных коэффициентов перевода тракторов, зерноуборочных и кормоуборочных комбайнов в эталонные единицы при определении нормативов их потребности: инструктивно-методическое издание. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2009. – 56 с.
3. О Классификации основных средств, включаемых в амортизационные группы: Постановление Правительства РФ от 01.01. 2002 №1 (ред. от 10.12.2010).
4. Стратегия машинно-технологической модернизации сельского хозяйства России на период до 2020 года / РАСХН, МСХ РФ, МПИТ РФ. – М., 2009.

А.С. Фалевич (Смоленск)

ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ УТИЛИЗАЦИЕЙ ОТХОДОВ (на примере Смоленской области)

Falevich A.S.

ECOLOGICAL AND ECONOMIC PROBLEMS IN THE PROCESS OF WASTE MANAGEMENT (the example of the Smolensk region)

Аннотация. В статье дается характеристика процесса управления утилизацией отходов в Смоленской области. Определены проблемы, влияющие на управление потоками отходов, разработаны основные пути их решения.

Abstract. The article describes the process of waste management in the Smolensk region. The problems affecting the management of waste streams, developed the basic solutions.

Ключевые слова: Смоленская область, утилизация и переработка отходов.

Keywords: Smolensk region, recycling and waste management.

Необходимость пополнения энергоресурсов привела к разработке технологий по переработке отходов в энергоносители. Российская Федерация в настоящее время отстала в технологиях по переработке и утилизации отходов, что в свою очередь ведет к неэффективному использованию энергоресурсов. Одной из причин данной отсталости является малая активность регионов в данном вопросе [1].

Исходя из выступления Президента РФ Д.А. Медведева на заседании президиума Госсовета по экологии, которое состоялась 9 июня 2011 года в Москве, можно говорить о том, что среди приоритетных задач, стоящих перед государством, на первое место сегодня выходит сохранение окружающей среды, разработка и внедрение новых технологий позволяющих рационально и эффективно добывать и использовать не только первичные, но и вторичные ресурсы [4].

В Смоленской области в целях анализа исходного состояния и выработки плана действий в сфере управления отходами проведена инвентаризация объектов размещения и захоронения отходов производства и потребления, размещаемых и утилизируемых на объектах Смоленской области. Инвентаризация данных объектов показала, что Главы сельских административных округов, Главы муниципальных образований допускают нарушения при размещении свалок ТБО, отсутствует контроль с их стороны за эксплуатацией объектов, допускаются нарушения при размещении отходов.

На территории Смоленской области преобладают отходы 4 и 5 класса опасности, особенно в районах, где имеются промышленные центры. Данная ситуация создает серьезные экологические угрозы не только для Смоленской области, но и для соседних территорий [3]. Инвентаризация отходов показала, что до 60% отходов, размещаемых на свалках (полигонах) ТБО является ценным вторичным сырьем, которое необходимо собирать и перерабатывать [3]. На территории области отсутствуют специализированные объекты по размещению отходов производства. Поэтому эти отходы предприятия вынуждены хранить на собственной территории. Зачастую накопление таких отходов приводит к переполнению имеющихся на предприятии хранилищ и к несанкционированному их размещению в окружающей среде. Наибольшую экологическую опасность представляет размещение отходов производства 3-5 классов опасности. Они размещаются на 5 полигонах, 109 санкционированных и 12 несанкционированных свалках ТБО. Свалки ТБО в Смоленской области не обеспечивают должную защиту поверхностных и подземных вод, атмосферного воздуха, почв, на них зачастую не соблюдается технология захоронения отходов, отсутствует мониторинг состояния окружающей среды в районе размещения.

Необходимо отметить, что согласно Федеральному законодательству «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к пол-

номочиям органов местного самоуправления относится организация мероприятий по охране окружающей среды в границах городского округа и организация сбора, вывоза, утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов. Территории муниципальных образований подлежат регулярной очистке от отходов в соответствии с экологическими, санитарными и иными требованиями [6].

К настоящему времени сложились следующие основные предпосылки для решения проблемы сбора и переработки отходов:

1. Действующие инструменты государственного управления уже не могут обеспечить существенное повышение уровня сбора и переработки основной массы отходов;

2. Имеется зарубежный опыт создания централизованно-управляемых систем сбора и переработки отходов, функционирующих за счет экологических платежей, т.е. без целевого бюджетного финансирования (за исключением специальных государственных программ);

3. Имеется отечественный опыт 1970–1980 годов по организации сбора и переработки традиционных видов вторичного сырья на территории РФ по территориальному принципу. Отдельные элементы этой системы продолжают функционировать;

4. Имеется отечественный опыт создания в последние годы локальных систем сбора и переработки отходов в рамках крупных российских городов (Москвы, Санкт-Петербурга и др.), работающих при финансовой поддержке администраций.

В целях совершенствования и оптимизации деятельности по организации сбора, вывоза, утилизации и переработки бытовых отходов по заказу Администрации города Смоленска ООО «Экопромсертифика» в 2009 разработала проект санитарной очистки города Смоленска на период 20 лет с мероприятиями 1-ой очереди на 5 лет [5].

Существующая схема в недостаточном объеме определяет очередность осуществления мероприятий и объемы работ по всем видам очистки и уборки; систему и методы сбора, удаления, обезвреживания и переработки отходов; необходимое количество уборочных машин, механизмов, оборудования и инвентаря; целесообразность проектирования, строительства, реконструкции или расширения объектов

системы санитарной очистки, их основные параметры и размещение; ориентировочные капиталовложения на строительство и приобретение технических средств.

Работа по ее усовершенствованию должна быть ориентирована на выработку конкретных эколого-экономических, организационно-финансовых и инженерно-технических решений в сфере обращения с коммунальными отходами в Смоленске. Результатом интенсивного развития мощностей промышленной переработки должно стать сокращение объема коммунальных отходов, подлежащих захоронению. Однако схема очистки города не должна быть типовой и носить характер научного труда, который не будет востребован в жизнедеятельности города. В связи с этим необходимо внедрять существующие новейшие технологии, в том числе с использованием картографических ресурсов возможностей ГИС и спутниковой системы наблюдения ГЛОНАСС, создать эффективную централизованную систему управления отходами (программное обеспечение), т.е. определить объект и субъект управления для осознания и овладения механизмами, сопутствующими управлению, включая наблюдение, контроль, которые в настоящее время по инерции расплывлены между различными структурами города и по-разному регулируются. Необходимо создать, в том числе, регламенты взаимодействия с госучреждениями, с другими субъектами.

Доработанная и исправленная схема очистки города должна охватывать следующие виды отходов:

- твердые бытовые отходы (ТБО), крупногабаритный мусор (КГМ) из жилого и нежилого секторов
- отходы лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ)
- биологические отходы животного происхождения
- отходы строительства и сноса
- отходы дорожного-строительного происхождения
- отходы автотранспортных средств, в т.ч. резинотехнические
- электронный и электротехнический лом
- ртутьсодержащие и другие опасные отходы
- бытовые осадки сточных вод
- смет с уборки городских территорий

- сезонного характера (обрезки ветвей и стволы деревьев, опавшая листва, снег)
- осадок из отстойников мойки автотранспорта.

Одной из актуальных проблем, связанных с ухудшением состояния окружающей природной среды, является нерациональное, неорганизованное и экологически опасное размещение отходов, образующихся в процессе хозяйственной и иной деятельности человека. Несмотря на значительные усилия городских властей по ликвидации несанкционированных свалок, санитарной очистке городской территории, положительной динамики по сокращению количества таких свалок не наблюдается, что связано с низким уровнем ответственности собственников отходов.

В соответствии с Федеральным законом «Об основах регулирования тарифов организаций коммунального комплекса» услуги по сбору и вывозу ТБО, а также услуги по выгребу (откачке) жидких отходов не относятся к числу услуг организаций коммунального комплекса, подлежащих государственному регулированию. Эти услуги являются конкурентными, и их стоимость устанавливается организацией, оказывающей данные виды деятельности, на основании договора с потребителем. Существующий в настоящее время размер платы населения многоквартирного жилищного фонда за вывоз и утилизацию ТБО, в соответствии с п.1. «Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме», определяется исходя из занимаемой общей площади жилого помещения, то есть из расчета стоимости 1 кв.м [7].

Исходя из норм действующего законодательства, владелец частного домовладения несет расходы по его содержанию и ремонту и должен заключить договор на оказание услуг по сбору и вывозу ТБО с организацией, оказывающей данные услуги. Условия договора и их стоимость по данному договору определяются двумя сторонами и регулированию не подлежат, но имеющаяся тенденция уклонения частных домовладельцев от заключения договоров на вывоз ТБО свидетельствует о недостаточной проработке этого вопроса на местном уровне [5]. На сегодняшний день реальным выходом из сложившейся ситуации является создание ТСЖ на территориях индивидуальной жилой застройки и заключение договоров на вывоз бытовых отходов

с руководителями ТСЖ от лица населения, проживающего на территории ТСЖ. Органы ТСЖ, на основании договоров с органами местного самоуправления Смоленска, могут осуществлять хозяйственную деятельность по благоустройству территории (в том числе обустройство контейнерных площадок, приобретение контейнеров) с использованием средств бюджета города Смоленска.

Для сбора ТБО в Смоленске используется одноступенчатая схема, т.е. отходы с территорий собираются в специальные контейнеры, расположенные в местах временного хранения (контейнерные площадки) и затем доставляются спецавтотранспортом на полигон и санкционированные свалки ТБО. По ситуации на август 2009 года, в городе существует 12 организаций, ответственных за санитарную очистку города. Сложившаяся в Смоленске система обезвреживания ТБО основана на захоронении подавляющего большинства отходов (около 98%) на полигонах и санкционированных свалках. Из-за отсутствия отдельного сбора ТБО в общий контейнер вместе с бумагой, полимерной, стеклянной и металлической тарой, пищевыми отходами выбрасываются лекарства с просроченным сроком годности, разбитые ртутьсодержащие термометры и люминесцентные лампы, тара с остатками ядохимикатов, лаков, красок, автомобильные аккумуляторы и т.д. Все это под видом малоопасных ТБО вывозится на свалки, что недопустимо с эколого-гигиенических позиций [5].

Анализ сложившейся на территории Смоленска ситуации позволяет определить ряд проблем, влияющих на управление потоками всех видов отходов производства и потребления в Смоленске и требующих неотложного решения.

Одна из наиболее важных проблем – формирование рынков отходов и рынков продукции, изготовленной из вторичного сырья. Отсутствие таких рынков является основным сдерживающим фактором развития вовлечения отходов в хозяйственный оборот и соответственно материализации идеи отдельного сбора отходов. При отсутствии рынка вторичного сырья и материалов не будет развиваться и система отдельного сбора, а мусорные свалки будут и дальше располагаться в окрестностях Смоленска.

Ключевыми проблемами, влияющими на управление потоками всех видов отходов

производства и потребления в Смоленске, являются:

1. Отсутствие утилизации отходов, в которых содержатся коммерчески привлекательные фракции;

2. Отсутствие предприятий по переработке отходов производства и как следствие, отсутствие экономической заинтересованности в сборе и переработке отходов производства и потребления, включая опасные;

3. Слабая конкурентная среда, недостаточное участие в этой сфере субъектов малого предпринимательства;

4. Несовершенство системы оплаты услуг по вывозу бытовых отходов, отсутствие механизма взимания платежей с населения частного жилого сектора.

5. Нерешение вопроса с вывозом органических отходов (веток, стволов спиленных деревьев, листьев и других отходов, образующихся в результате проведения ухаживающих работ по содержанию зеленых насаждений), смета, собираемого уборщиками территорий с внутридворовых территорий, строительных отходов, поступающих от населения на контейнерные площадки;

6. Ежегодное увеличение объемов отходов потребления, обусловленное приростом населения и изменением морфологического состава указанных отходов, вызванного широким использованием новых упаковочных материалов разового пользования.

Первоочередными мерами должны стать меры по резервированию земельных участков для государственных и муниципальных нужд под объекты захоронения отходов и проработка вопросов строительства объектов размещения отходов для использования их несколькими муниципальными образованияами, строительство мусоросортировочных станций и мусороперерабатывающих комплексов. Внедрение мусороперерабатывающих комплексов с технологией глубокого прессования не утилизируемых фракций позволит существенно, на 40%, снизить объемы и себестоимость захоронения отходов. Однако полностью решить проблему безотходного обращения при существующих технологиях переработки отходов и усложнении состава отходов не удастся.

В соответствии с Федеральным законом «Об отходах производства и потребления» запрещается захоронение отходов в границах населенных пунктов. Совпадение границ го-

родского округа город-герой Смоленск с границами населенного пункта город Смоленск, исключает возможность размещения в нем объектов захоронения отходов [5]. С учетом изложенного, Администрации Смоленской области необходимо решить вопрос о возможности резервирования для муниципальных нужд Смоленска нескольких земельных участков под объекты захоронения отходов, в том числе промышленных, на территории МО «Смоленский район».

Необходимо организовать информационную поддержку деятельности по коммерческому обращению отходов между промышленными предприятиями, в том числе с привлечением к этому близлежащих регионов. Создание информационной базы данных по отходам, образующимся на предприятиях и являющихся потенциальным сырьем для других производств, могло бы способствовать решению проблемы промышленных отходов не только с позиций санитарно-гигиенических, но и с позиций ресурсосбережения. В целях привлечения субъектов среднего и малого бизнеса к вопросу переработки отходов необходимо осуществлять экономическое стимулирование инвестиционной деятельности.

Необходимо разработать и предусмотреть муниципальную поддержку в форме прямого участия Администрации Смоленска в инвестиционной деятельности, а также с использованием иных форм в соответствии с действующим законодательством. Основными финансовыми формами муниципальной поддержки являются:

1. Применение пониженных налоговых ставок, предоставление инвестиционных налоговых кредитов;

2. Предоставление льгот по аренде помещений и земельных участков, находящихся в муниципальной собственности;

3. Предоставление муниципальных гарантий;

4. Предоставление субсидий за счет средств бюджета Смоленска для возмещения части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным для реализации инвестиционных проектов [5].

В рамках приоритетных направлений необходимо предусмотреть мероприятия по модернизации системы сбора и транспортировки отходов, организацию пунктов приема вторсырья, строительство мусоро-

перегрузочных пунктов и мусоросортировочных комплексов. Внедрение технологии сортировки и глубокого прессования отходов даст значительную экономию финансовых средств за счет снижения загрязнения окружающей среды, сокращения площади полигонов, продления сроков их эксплуатации, сокращения потребности в мусоровозах, сокращения транспортных расходов по сбору мусора и доставке его на полигон, снижения себестоимости захоронения отходов, расширения рынка вторичного сырья.

В результате реализации данных мероприятий будут достигнуты основные требования природоохранного законодательства, а именно:

1. Минимизация влияния размещаемого отхода на природную среду;
2. Недопустимость риска возникновения опасности для здоровья людей как в результате локального влияния отходов с высокой степенью токсичности, так и в плане возможного ухудшения санитарно-эпидемиологической и экологической обстановки за счет неправильного обращения с малотоксичными отходами органического происхождения;
3. Сведение к минимуму риска возгорания отходов;
4. Несанкционированное размещение отходов на территориях общего пользования;

5. Удобство проведения инвентаризации отходов и осуществления контроля обращения с отходами;

6. Возвращение вторичных материальных ресурсов в сферу производства и потребления с рыночной реализацией вторсырья и компенсация тем самым части бюджетных затрат на создание сортировочного производства,

7. Удобство вывоза отходов (отсутствие факторов, делающих невозможным соблюдение требований к графику вывоза, погружно-разгрузочным работам).

8. Экономия сырья, материальных и топливно-энергетических ресурсов за счет вовлечения отходов в хозяйственный цикл;

9. Более рациональное использование пространства полигона за счет упорядоченного размещения в нем компактных прессованных брикетов «неделовой» части отходов после сортировки;

10. Сокращение затрат города на вывоз и обезвреживание ТБО.

Подводя итоги вышесказанному, считаю, что решать проблему необходимо комплексно. Субботники, месячники, акции – одnorазовые меры, не способные принципиально изменить ситуацию. Надо объединить усилия для использования всех рычагов управления ТБО: технических, экономических, нормативных, правовых и информационных.

Библиографический список

1. Анискин Ю.П. Организация и управление в малом бизнесе. – М.: Финансы и статистика, 2001. – 256 с.
2. Генкин Б.М. Экономика и социология труда. Учебное пособие для ВУЗов. – М.: НОРМА, 2010. – 448 с.
3. Доклад о состоянии окружающей природной среды Смоленской области в 2010 году. Главное Управление природных ресурсов и охраны окружающей среды МПР России по Смоленской области. – Смоленск, 2011.
4. В.Кузьмин Экология без политики // Российская газета. – 2011. – № 5499 (123).
5. Тодаро М. Экономическое развитие. – М.: Экономический Факультет МГУ, ЮНИТИ, 2009. – 256 с.
6. Экология. Юридический энциклопедический словарь. – М.:Норма, 2009. – 448 с.
7. www.admin.smolensk.ru/smol-business.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА

П.В. Зюзин (Москва)

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕТЕЙ ГОРОДСКОГО ПАССАЖИРСКОГО ТРАНСПОРТА В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ЦВЕ И БЫВШЕГО СССР

Zyuzin P.V.

THE SPATIAL TRANSFORMATION OF URBAN TRANSPORT NETWORKS IN THE POST-SOCIALIST COUNTRIES OF CENTRAL-EASTERN EUROPE AND THE FORMER USSR

Аннотация. Рассматриваются типы пространственной трансформации сетей пассажирского транспорта в городах постсоциалистических стран с 1989 г. по 2009 г., на примере стран ЦВЕ и бывшего СССР.

Abstract. The article deals with the types of spatial transformation of urban public transport networks in post-communist countries of CEC and the former Soviet Union from 1989 to 2009.

Ключевые слова: пространственная трансформация, топология, транспортная сеть.

Kew words: spatial transformation, the topology, the transport network.

В статье проанализированы особенности изменения топологии сетей общественного транспорта городов бывших социалистических стран Центрально-Восточной Европы и стран постсоветского пространства. Нашим исследованием охвачены транспортные сети больших городов стран бывшего СССР, бывшей Югославии, Венгрии, Чехии, Словакии, Польши, Болгарии, Румынии и бывшей ГДР в период с 1989 г. по 2009–2011 гг.

В анализ включены 200 городов (315 сетей), которые были отобраны по следующим критериям:

- с численностью населения более 500 тыс. жит.
- с численностью населения менее 500 тыс. жит., в которых действовали сети трех и более видов транспорта (трамвай, троллейбус, автобус, маршрутные такси). Минимальная численность населения для городов этой группы составляла 169,1 тыс. жит. (Краматорск)
- столичные города с численностью населения более 250 тыс. жит., в которых имелась сеть только одного вида транспорта (автобуса): Скопье, Любляна

- города с численностью населения менее 100 тыс. жит., в которых действовали один вид городского электропассажирского транспорта (трамвай или троллейбус) и автобус.

Информация о сетях городского транспорта в 1989 г. и конце 2000-х гг. собрана автором как по национальным статистическим справочникам и справочнику Евростата, так и с использованием планов (или картосхем маршрутов городского общественного транспорта) самих городов на эти даты, а также их космических снимков (система Google Earth).

Общественный транспорт (главным образом, электрический) традиционно являлся основным перевозчиком пассажиров в больших и средних городах социалистических стран, а легковой автотранспорт играл подчиненную роль. Причинами доминирования первого были крупные пассажиропотоки между перенаселенными селитебными зонами и сильно удаленными от них промышленно-складскими зонами. В условиях социализма и идеологии максимального обобществления всех сторон жизни в горо-

дах наблюдался процесс пространственного сжатия (уплотнения) их территорий, что способствовало появлению здесь кластеров с высокой концентрацией населения, как правило, сильно удаленных от кластеров мест приложения труда. Микрорайоны, состоящие из многоквартирных домов, и предприятия сверхкрупных размеров стали в этих странах неотъемлемыми элементами урбанизированного пространства.

В этих условиях развитие общественного транспорта стало приоритетным. Особенно широкое распространение получили сети пассажирского электротранспорта (ГЭТ): в условиях режима экономии топлива и обострения экологической ситуации в период Первого (1973–1974 гг.) и Второго энергетических кризисов (1979–1981 гг.) они стали интенсивно расти во всех крупнейших городах с численностью населения более 250 тыс. жит. (за исключением Сочи, Семипалатинска, Скопье, Сургута и Петропавловска-Камчатского, где планировалось, но так и не состоялось открытие троллейбусного сообщения), в отдельных из них вытеснив полностью автобусное сообщение (как например, в румынском Галаце) (табл. 1). Рост уровня автомобилизации в социалистических странах проявлялся не столько в увеличении числа личных автомобилей, который был незначительным вплоть до начала 1980-х гг., сколько в расширении сетей автобусного транспорта и широким использованием легковых такси.

С начала 1990-х гг. городской пассажирский транспорт (ГПТ) в постсоциалистических странах подвергся радикальным преобразованиям, вызванным их переходом к рыночной экономике. Рост уровня автомобилизации населения привёл к возникновению альтернативы поездкам на общественном транспорте, что привело к резкому сокращению объёмов перевозок на нем [1]. Произошло резкое изменение десятилетиями складывавшихся транспортных схем и направлений пассажиропотоков. Наиболее важными последствиями адаптации общественного транспорта к новым реалиям стали процессы пространственной трансформации его сетей, в т.ч. изменения модальной структуры (т.е. соотношения роли сетей разных видов транспорта в транспортной системе в целом).

Для изучения изменений в сетях отдельных видов городского пассажирского транспорта нами использована методика анализа

топологии транспортных сетей, разработанная С.А.Тарховым [4]. Нами выделены следующие основные типы пространственной трансформации сетей:

А – рост сети

А1 – увеличение общей протяжённости сети с увеличением уровня её топологической сложности

А2 – увеличение общей протяжённости сети без изменения уровня её топологической сложности

А3 – увеличение общей протяжённости сети с понижением уровня её топологической сложности

В – стагнация сети (количественные и качественные изменения отсутствуют)

С – сокращение сети

С1 – уменьшение общей протяжённости сети с понижением уровня её топологической сложности

С2 – уменьшение общей протяжённости сети без изменения уровня её топологической сложности

С3 – уменьшение общей протяжённости сети, с увеличением уровня её топологической сложности

К – консервация сети (сеть не функционирует, но и не ликвидирована)

Д – ликвидация сети (полный топологический распад)

При анализе модальной структуры сетей общественного транспорта в постсоциалистических городах выявлены существенные различия в доминирующих типах их пространственной трансформации для разных видов транспорта, что обусловлено их технологическими различиями. Ниже эти различия описаны по каждому виду городского транспорта отдельно: метрополитенам, городскому наземному электротранспорту (ГЭТ), автобусу и маршрутным такси.

Сети метрополитенов. К концу 1980-х гг. в крупнейших городах изученных нами стран эксплуатировалось 15 сетей метрополитена (в С.-Петербурге, Киеве, Тбилиси, Баку, Будапеште, Праге, Харькове, Ташкенте, Бухаресте, Ереване, Минске, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Самаре и Екатеринбурге (открыт в 1991 г.)). Ещё 4 метрополитена были достроены позже: в Варшаве и Днепропетровске (оба открыты в 1995 г.), Софии (открыт в 1998 г.) и Алма-Ате (будет открыт в конце 2011 г.). В 2 городах СССР

Таблица 1

Качественные и количественные характеристики систем общественного транспорта в городах постсоциалистических стран ЦВЕ и бывшего СССР в 1989–2011 гг.

Общее число сетей ГЭТ ²									
метрополитен		троллейбус		трамвай		всего сетей			
1989г.	2011г. ¹	1989г.	2011г. ¹	1989г.	2011г. ¹	1989г.	2011г.	1989г.	2011г. ¹
17	22	225	207	183	178	425		425	407
Страны с наибольшим числом сетей ГЭТ									
1990г.					2010г.				
трамвай		троллейбус			трамвай		троллейбус		
страна	число сетей	страна	число сетей		страна	число сетей	страна	число сетей	
РСФСР	70	РСФСР	85		Россия	64	Россия	84	
ГДР	27	УССР	46		Германия	27	Украина	46	
УССР	25	ЧССР	14		Украина	23	Болгария	14	
Польша	14	Болгария	14		Польша	14	Чехия	13	
Румыния	14	ГрузССР	12		Румыния	13	Румыния	11	
Число городов с различными типами систем ГПТ									
год	А	А-Т	А-Тр	Т-Тр	А-Т-Тр	А-Т-Тр-М	М-А	М-Т-А	М-Тр-А
1989г.	3276 ³	151	91	1	77	13	–	–	2
2011г.	2896 ³	167	90	–	63	13	2	1	3

¹ для Германии только в пределах территории бывшей ГДР

² трамвайные сети между городами Верхнесилезской агломерации, между Мостом и Литвиновым; троллейбусные сети Симферополя, Алушты и Ялты, Ургенча и Хивы, Хомутова и Юркова рассматриваются как единые сети

³ оценочно

А – автобус, ГПТ – городской пассажирский транспорт, ГЭТ – городской электрический транспорт, М – метрополитен, Т – троллейбус, Тр – трамвай

Составлено автором по [5-10].

(Волгограде и Кривом Роге) были построены также линии скоростного трамвая по стандартам метрополитена. В Казани метрополитен сооружен в 2000-е гг. Большинство систем метрополитена перешло после 1989г. в состояние стагнации сетевого роста (тип В). Наблюдалось «затухание» как волн дендритизации в сетях-деревах, так и процессов циклообразования, назревших к концу 1980-х гг. в сетях Санкт-Петербурга, Бухареста, Харькова и Ташкента.

В Берлине пространственная трансформация системы метрополитена заключалась в объединении двух сетей в единое целое: топология объединённой сети метро претерпела одномоментное усложнение (тип А1) с образованием 3-го топологического яруса. В этой сети возник внутриостовный автономный компонент (линия U55; ранее подобные явления в сетях метрополитена не встречались). Таким образом, сеть метро Восточного Берлина консолидировалась с циклическим остовом сети Западного Берлина, прекратив

свое обособленное существование (поэтому эту сеть мы рассматриваем как исключение).

К концу 2000-х гг., по мере улучшения экономической ситуации в изученных нами странах, в сетях метрополитена стал преобладать рост (тип А, подтип А2) (табл. 3), сменивший затяжную стагнацию. В сетях-деревах этот подтип характеризовался дендритизацией и ветвлением линий: например, открытие участка к станции Чарбах в Ереване, ответвления Филёвской линии в Москве, появление Автозаводской линии Минского метрополитена. Удлинения возобновились почти во всех сетях, независимо от их исходного уровня сложности в 1989г.: в сетях-деревах в Тбилиси на Сабурталинской линии (с открытием станции Важа Пшавела; 2000г.), в Баку (с открытием участка Насими – Дюрнагюль; 2011г.), в Варшаве (с достройкой линии 1 на север от центра города), Софии, Самаре, Екатеринбурге, Праге, Нижнем Новгороде. В 8 сетях ветвление сменилось циклообразованием (переход к подтипу А1), как напри-

мер, в сети метрополитена Харькова после достройки Алексеевской линии (1995 г.), а также первой очереди Юнусабадской линии метрополитена Ташкента (2001 г.). Усложнение топологии сети метрополитена произошло также в Москве с открытием в 1995 г. Люблинской линии, что привело к дроблению ею циклов в северо-восточной части циклического остова. Новой фазой усложнения станет удлинение этой линии на юг, что приведёт к расширению границ остова на юго-восток (после открытия в 2011 г. пересадочного узла станций Зябликово и Красногвардейская). В Санкт-Петербурге после выделения в 2008 г. из состава Правобережной новой Фрунзенско-Приморской линии образовалось 2 новых цикла сети (табл. 2). В Бухаресте, после достройки линий М3 и М4, топология сети усложнилась, перейдя сразу из класса дерева в циклическую сеть 0 класса сложности, минуя фазу безостовный циклической сети. К концу 2011 г. 6 сетей-деревьев достигли пределов возможного пространственного роста: Будапешт, Варшава, Минск, София, Новосибирск, Екатеринбург (после ввода участка «Геологическая – Ботаническая» в конце 2011 г.). В этих городах (кроме Новосибирска) начато строительство новых линий; в Минске и Будапеште их сооружение приведёт к образованию первого цикла в топологии сети.

Тип В (стагнация) наблюдается только в сети метро Днепропетровска и на участке скоростного трамвая в Волгограде, здесь линии ни разу не удлинялись.

Тип С в 2011 г. зафиксирован не был; само по себе закрытие линий метрополитена – чрезвычайно редкое явление. В изученных нами городах после 1945 г. имели место только 3 таких случая: в сети Московского метрополитена (в 1953–1958 гг. был закрыт участок Калининская (Александровский Сад) – Киевская ныне Филёвской линии), в 1961 г. в Берлине – в результате разделения города на Восточный и Западный; в Санкт-Петербурге – из-за размыва плывуном туннеля на Кировско-Выборгской линии в 1995–2005 гг., в результате чего её часть была закрыта, а сама линия распалась на 2 участка. Тип D вообще не встречался.

Помимо изменений в модальной структуре, колебались и объёмы пассажироперевозок. В некоторых городах они сократились, что явилось следствием бурной автомобилизации (Москва, Санкт-Петербург, Харьков,

Бухарест). Ликвидированные полностью (Тбилиси) или частично (Ташкент, Ереван) сети наземного электрического транспорта перестали обеспечивать прежний объём подвижных пассажиров к станциям метрополитена, что привело к падению пассажиропотоков на метрополитенах Еревана на 54%, Тбилиси на 52% по сравнению с 1989 г. Для Бухарестского метрополитена так же было характерно снижение пассажиропотоков, даже после ввода в эксплуатацию линий М3 и М4 (их объём упал с 272 до 181 млн. пасс. в год). В Самаре и Днепропетровске единственные линии метро должны были связать промышленные зоны с жилыми районами и центром города, но из-за экономического кризиса 1990-х гг. их строительство было приостановлено (до сих пор они не доходят даже до центра города). После значительного снижения объёмов производства пассажиропотоки здесь резко сократились и стабилизировались на очень низком уровне (в Днепропетровске в 2010 г. было перевезено всего 9 млн. пасс.), что привело к «выпадению» в этих городах сетей метрополитена из транспортной системы. В Баку сети трамвайных и троллейбусных линий были ликвидированы полностью, однако сеть метрополитена была доведена до наиболее крупных селитебных зон города: северных микрорайонов, 8-го км, Ахмедлов, что привело к росту пассажиропотоков.

Таким образом, у сетей метрополитена в 1990–2000 гг. доминировала сетевая стагнация. В начале 2000-х гг. она сменилась ростом (происходили в основном за счёт достройки участков, законсервированных в конце 1980-х гг.). 8 сетей за 20 лет не претерпели существенных усложнений топологии и по-прежнему имеют невысокий уровень топологической сложности, состоя из единственной линии (Варшава, София, Днепропетровск, Казань, Волгоград, Кривой Рог, Екатеринбург, Самара). В Кривом Роге и Волгограде ввиду вытянутости конфигурации городской территории транспортные проблемы способна решить и эта единственная линия, однако, в Волгограде продление линии от центра на юг до Ельшанки отложено на неопределённый срок. В Кривом Роге к 2001 г. линия скоростного трамвая была продлена на север, однако этим видом транспорта по-прежнему не обслуживаются отдалённые районы ЮГОКа и СевГОКа, что так же влияет на её низкую эффективность.

Таблица 2

*Некоторые показатели роста сетей метрополитенов,
в городах стран бывшего СССР и ЦВЕ в 1989-2011гг.*

№	Город	Число станций		Число пересадочных узлов из: 2/3/4 станций		Изменение класса топологической сложности						Число линий	
		1989 г.	2011 г.	1989 г.	2011 г.	1989 г.			2011 г.			1989 г.	2008 г.
						Я	μ	К	Я	μ	К		
Страны ЦВЕ													
1	Берлин	31 ^{1, 7, 15}	173 (34) ^{1, 2, 15}	1/0/0	9/3/0	Д	-	2	Д	-	2	2 ⁷	9(2) ^{2, 7}
2	Будапешт	40	48	0/1/0	0/1/0	Д	-	3	Д	-	3	3	3
3	Бухарест	35	40	6/1/0	7/2/0	Д	-	3	1	2	-	3	4
4	Варшава	-	21	-	-	-	-	-	Д	-	1	-	1
5	Прага	36	57	3/0/0	3/0/0	0	1	-	0	1	-	3	3
6	София	-	14 (16) ¹⁰	-	-	-	-	-	Д	-	1	-	1
Страны бывшего СССР													
7	Баку	16	22	1/0/0	1/0/0	Д	-	3	Д	-	3	2 ^{4, 5}	2 ^{4, 5}
8	Волгоград ^{8, 9}	3	3	-	-	Д	-	1	Д	-	1	1	1
9	Днепропетровск	-	6	-	-	-	-	-	Д	-	1	1	1
10	Екатеринбург	-	7	-	-	Д	-	1	Д	-	1	1	1
11	Ереван	8	10	-	-	Д	-	1	Д	-	2	1	1 ³
12	Казань	-	7	-	-	-	-	-	Д	-	1	1	1
13	Киев	31	49	1/0/0	3/0/0	0	1	-	0	1	-	2	3
14	Кривой Рог ⁹	5	11 ¹⁴	-	-	Д	-	1	Д	-	1	1	2
15	Минск	9	25	-	1/0/0	Д	-	1	Д	-	2	1	2
16	Москва ⁷	136	182 ⁷	14/5/1 ⁷	18/7/1 ⁷	2	22	-	2	28	-	10 ^{6, 7}	12 ^{6, 7}
17	Нижегород Новгород	10	13	-	1 ¹² /0/0	Д	-	1	Д	-	2	1	2 ⁵
18	Новосибирск	7	13	1/0/0	1/0/0	Д	-	2	Д	-	2	2	2
19	Самара	4	9	-	-	Д	-	1	Д	-	1	1	1
20	Санкт-Петербург	51	63	4/0/0	6/1/0	0	1	-	1	5	-	4	5
21	Ташкент	19	29	1/0/0	3/0/0	Д	-	2	0	1	-	2	3
22	Тбилиси	19	22	1/0/0	1/0/0	Д	-	2	Д	-	2	2	2

¹ после открытия ст. Хёнов 30.06.1989 г., но до объединения с сетью Западного Берлина 11.11.1989 г.

² для части современной объединённой сети метро Берлина, которая с 13.08.1961 г. по 11.11.1989 г. являлась самостоятельной сетью метро Берлина - столицы ГДР, с учётом открытой в ней после объединения станции «Панков» и перегонов к ней

³ без учёта вилочного движения к ст. «Чарбах»

⁴ без учёта вилочного движения к ст. «Бакмил»

⁵ особенности путевого развития и сложная организация движения приравнены к работе по двум линиям

⁶ без учёта вилочного движения на Филёвской линии к станциям «Выставочная» и «Международная»

⁷ линии, станции и пересадочные узлы общего пользования

⁸ только с учётом участка сети скоростного трамвая, построенного по стандартам метрополитена: от портала 2-й очереди, до ответвления на кольцо «ул. 7-й Гвардейской дивизии»

⁹ сеть, построенная по стандартам метрополитена, но обслуживаемая трамваями (скоростной трамвай)

¹⁰ с учётом законсервированного перегона 2-й очереди «Святой Наум - Национальный дворец культуры» линии 2, построенного к 1982 г.

¹² ст. «Московская» Нижегородского метрополитена с 1993 г. функционирует как пересадочная

¹³ пусковой комплекс первой линии из 7 станций будет открыт 16 декабря 2011 г.

¹⁴ без законсервированной станции. «Шерстопрядильная фабрика»

¹⁵ с учётом станций Варшавский мост, Яновцбрюкке и Панков

¹⁶ нет данных

Я – число ярусов, μ – число циклов, К – число ярусов разветвления

Составлено автором по [5-10].

Сети трамвайных и троллейбусных линий (городского электротранспорта). Сразу после 1989–1991 гг. в условиях радикальной перестройки экономики многие города были вынуждены решить вопрос о целесообразности дальнейшей эксплуатации сетей городского электротранспорта (ГЭТ) ввиду их убыточности и помех на городских магистралях для автомобилей, создаваемых рельсовыми путями (табл. 4). На тот или иной тип пространственной трансформаций этих сетей повлияли следующие факторы: а) различия в политике местных властей в области городского транспорта; б) исходный уровень топологической сложности сети; в) пространственная локализация сети на территории города.

В разных странах и отдельных городах к проблеме сохранения сетей ГЭТ подошли по-разному. Общая политика по отношению к ГЭТ в конкретной стране иногда не согласовывалась с транспортной стратегией, реализовавшейся в конкретном городе (или характеризовалась её полным отсутствием). Также не было обнаружено прямой взаимосвязи выявленных типов пространственной трансформации сетей ГЭТ с уровнем экономического развития (ВРП) конкретного города или страны. В Чехии, Словакии, Польше, городах бывшей ГДР, Венгрии и Хорватии сети развивали как инструмент сдерживания бурной автомобилизации. В городах же Молдавии, ПМР, Киргизии и Таджикистана ГЭТ был сохранен, поскольку альтернативных видов транспорта ему в этих странах просто не было. Эти страны можно отнести к группе транспортно-поддерживающих стран.

В большинстве городов на территории бывшего СССР, Румынии, Болгарии, Боснии предпочли финансировать ГЭТ по остаточному принципу и заменять ликвидируемые линии трамвая и троллейбуса системами дешевых маршрутных такси путём привлечения на рынок транспортных услуг сторонних частных перевозчиков. Эти страны включим в группу транспортно-замещаемых стран. При этом в обеих группах стран бывали исключения из общего правила.

В сетях ГЭТ зафиксированы все 9 типов пространственной трансформации (табл. 3).

В 58 городах (37% выборки) сети пассажирского электротранспорта испытывали рост (тип А) и в новых экономических условиях. Большинство таких городов со-

средоточено в Чехии, Словакии, Польше. К этому типу также относятся отдельные города транспортно-замещающей группы стран: троллейбусные сети Казани, Краснодара, Киева, где они расширялись в 1990–2000-е гг.

Подтип А1 наблюдался преимущественно в городах, где трамвайные и троллейбусные сети начали сооружаться или были открыты в конце 1980-х и начале 1990-х гг. (здесь было решено развивать эти виды транспорта и далее). Последовательно усложнялись (увеличивалось число ярусов разветвления) троллейбусные сети-деревья (Перник, Габрово). Ряд сетей-деревьев усложнился до циклических сетей 0 класса сложности (Ческе-Будеёвице, Усти-над-Лабем).

Рост наблюдался и в некоторых крупных сетях, что было обусловлено началом освоения транспортными сетями новых городских пространств, которое долгое время сдерживалось природными и техногенными барьерами. Так усложнение сети троллейбусных линий Киева с появлением 3-го топологического яруса произошло после значительного расширения циклического остова, чему предшествовали процессы ветвления сети в левобережной части Днепра, на Борщаговке и Оболони. В 2009г. произошло поглощение автономного компонента основной сетью трамвайных линий в Орске, появился новый автономный компонент в районе Бекетовки в троллейбусной сети Волгограда и в районе Карловой Вси в Братиславе.

Подтип А2 имел место, например, в сети троллейбусных линий Сегеда, трамвайных сетях Осиека и Братиславы. Здесь развитие сетей шло путём периферийной дендритизации и ветвления. Всего этот тип зафиксирован в 25 сетях (8,6% выборки).

Подтип А3 наблюдался в сетях, испытывавших на протяжении последних 20 лет распад ее центральных сегментов наряду с ростом на периферии. Такая трансформация произошла в 2 случаях: в сети троллейбусных линий Минска (после ликвидации большого числа линий в центре города, вдоль проспекта Ф. Скорины с одновременным ростом остова за МКАД (в Уручье)) и Запорожья, (после ликвидации участка в центре города через остров Хортица и распада 2 циклов в центре города с одновременным процессом дендритизации на периферии).

В 50,4% сетей отмечены случаи закрытия линий, которые в 31,1% привели к снижению

Таблица 3

Типы пространственной трансформации сетей ГПТ в городах выборки (1989–2011 гг.)

Экспликацию типов и подтипов см. также в конце первого раздела статьи

Тип трансформации			Трамвай		Троллейбус		ГЭТ всего		Метрополитен		Автобус	
№	Тип	Подтип	Частота встречаемости типа	% ¹	Частота встречаемости типа	%	Частота встречаемости типа	%	Частота встречаемости типа	%	Частота встречаемости типа	%
1	А	А1	7	5,2	42	27,1	49	16,9	8	34,8	1	50
2		А2	11	8,1	14	9	25	8,6	13 ²	56,5	-	-
3		А3	-	-	2	1,3	2	0,7	-	-	-	-
4			18	13,9	58	37,4	76	26,2				
5	В		54	40	16	10,3	70	24,1	2	8,7	-	-
6	С	С1	32	23,7	30	19,5	62	21,4	-	-	-	-
7		С2	12	8,9	14	9	26	9	-	-	1	50
8		С3	2	1,5	-	-	2	0,7	-	-	-	-
9			46	34,1	46	28,5	90	31,1				
10	К		-	-	1	0,6	1	0,3	-	-	-	-
11	D		17	12,6	36	23,2	53	18,3	-	-	-	-
12	всего сетей по виду транспорта		135	100	155	100	290	100	23	100	2	100
13	всего сетей		315									

¹ % от суммы по этому столбцу² для части современной объединённой сети метро Берлина, которая с 13.08.1961 г. по 11.11.1989 г. являлась самостоятельной сетью метро Берлина – столицы ГДР, с учётом открытой в ней после объединения станции «Панков» и перегонов к ней

Составлено автором по [5–10].

уровня топологической сложности (тип С), а в 18,3% случаев – к полному распаду сетей (тип D). К 2011 г. были полностью ликвидированы 54 троллейбусных и 18 трамвайных сетей, ещё 5 сетей находилось в состоянии консервации, три из них (троллейбусные в Казанлыке, Сызрани и Кустанае) законсервированы до сих пор. При этом в 8 городах полностью были закрыты как трамвайные сети, так и троллейбусные.

В сетях ГЭТ, в которых зарегистрирован тип С, преобладало упрощение сетей со снижением уровня их топологической сложности (подтип С1) (табл. 3). Подтип С1 встречался в основном в городах, в которых сети ГЭТ находятся в состоянии распада. Так, в Ростове-на-Дону было закрыто множество троллейбусных линий (в Мясникован, к северу от Сельмаша, в районе Военведа) и отдельные участки в центре города (через Будёновский просп.), в результате чего разомкнулся общегородской цикл, и трол-

лейбусная сеть перешла из 2-го в 1-й класс сложности, то есть упростилась. В городах, где встречался подтип С2, произошло закрытие отдельных внешних дендритов сетей, в большинстве случаев к промышленным предприятиям (трамвайных линий на химкомплексы в Плоешти и Перми, на завод «Орбита» в Саранске) или в пригородные населённые пункты (трамвайная линия Тула – Косая Гора, отдельные линии трамвайной сети в Верхне-Силезской агломерации). Подтип С3 трансформации был присущ сложным сетям, очаг роста которых вновь сместился в центр сети (или внутрь остова) с сопутствующим процессом адендритизации на периферии. Зафиксированы 2 таких случая: трансформация сети трамвайных линий в Брно, где после 1989 г. было закрыто и открыто по 1 небольшой линии, трансформировавшей сеть именно таким образом, и трамвайной сети Софии, где так же произошло усложнение сети.

Ликвидация сети (тип D) имела место в городах, где трамвай или троллейбус выполняли вспомогательные функции в транспортной системе, обслуживая либо потребности отдельных промышленных предприятий, либо отдельные окраинные районы.

Как правило, тип D был зафиксирован в сетях-деревьях с низким уровнем топологической сложности, чаще всего представлявшие собой единственную линию, не интегрированную в общегородскую транспортную систему. К 2011 г. были ликвидированы трамвайные сети-деревья, состоявшие из одной линии: в Сумгаите (обслуживала химкомплекс), Брашове (северную промзону), Рязани (южный промузел), Караганде (связывала угольные шахты с отдалённым городским районом Майкудук).

Небольшие сети троллейбусных линий были закрыты в Варшаве, Атырау, Потсдаме, Брэиле. 18 сетей пассажирского электротранспорта было ликвидировано после 1991 г. в небольших городах (от 10 до 100 тыс. жит.), где они возникли в период Второго энергетического кризиса начала 1980-х гг., или благодаря инициативе местных властей, промышленных предприятий и даже вопреки экономической целесообразности.

Так было с троллейбусными сетями в небольших городах Польши (Дембица, Слупск), Грузии (Озургети, Самтредиа), Азербайджана (Мингечаур, Нахичевань), на территории бывшей ГДР (Веймар, Хойерсверда, Биттерфельд.). В городах, где градобразующую базу составляла крупная промышленность, упадок последней сделал невозможным дальнейшую эксплуатацию сетей, и они были ликвидированы (Стаханов, Шахты, Макеевка, Карпинск).

В крупных городах ликвидация сложных трамвайных и троллейбусных сетей явилась следствием некомпетентности местных властей в сфере транспортной политики или лоббирования ими интересов частных перевозчиков. К 2011 г. были полностью ликвидированы сложные троллейбусные сети-деревья (в Тбилиси, Архангельске (+трамвайная сеть), Макеевке, Тюмени); циклические сети (в Воронеже, Владикавказе, Констанце, Астрахани, Баку, Иванове, Ереване, Чимкенте, Ташкенте, Гяндже, Сумгаите, Сибии). Эти сети постепенно упрощались, переходя сначала в класс сетей-деревьев, а уже затем исчезали полностью. В ряде стран

были закрыты почти все сети пассажирского электротранспорта: Армения (кроме троллейбуса в Ереване), Азербайджан, Грузия, Узбекистан (кроме троллейбусной линии Ургенч – Хива и трамвая в Ташкенте).

Таким образом, для сетей ГЭТ наблюдалось большое разнообразие в динамике изменений и многообразие типов трансформации. Среди этих сетей гораздо чаще встречались деструктивные типы C и D (144 случая, т.е. 49,7% выборки), а общая протяжённость линий сократилась (см. табл. 4). Несмотря на то, что в большинстве городов стран Центрально-Восточной Европы отмечен рост сетей, в некоторых странах СНГ и Балтии сети не изменяли своей топологии (тип B; Молдавия, Таджикистан, Киргизия, Латвия). Помимо этого, почти четверть (24,1%) всех рассмотренных сетей (всего 70) находятся в состоянии стагнации, и изменений в них в какую-либо сторону не зафиксировано. Однако в большинстве городов России и Украины наблюдалось падение объёмов пассажирских перевозок и числа единиц подвижного состава. Например, общее число трамваев и троллейбусов на Украине и в России с 1990 г. по 2010 г. сократилось на 48,8% и 29,1% соответственно, то есть с маршрутов выбыло 14.415 вагонов трамвая и троллейбусов. Это привело к закрытию ряда линий из-за нехватки подвижного состава, что стимулировало, в конце концов, распад этих сетей и доминирование деструктивной тенденции (типов C). Ввиду нехватки подвижного состава уже упростились сети в Пловдиве, Славянске, Русе.

Автобусы и маршрутные такси. Изменения в сетях автобусных линий, так же как и в сетях пассажирского электротранспорта сильно зависели от конкретной страны.

В городах, где сети пассажирского электротранспорта были сохранены (типы пространственной трансформации C, K и D на автобусном транспорте не наблюдались), сети автобусных линий в большинстве случаев стагнировали (тип B). Так, например, в Словении и Македонии протяжённость городских автобусных линий в отдельных городах даже сократилась (тип D). В Словении общая протяжённость внутригородских маршрутов уменьшилась с 1989 г. по 2009 г. с 191 км до 165 км, а в Македонии общее число внутригородских маршрутов сократи-

Таблица 4

Уровень автомобилизации и изменения протяжённостей сети городского электротранспорта в странах ЦВЕ и бывшего СССР в 1989–2008 гг.

Число личных автомобилей (тыс.)				Протяжённость линий (км в двухпутном исчислении)			
				Трамвай		Троллейбус	
№	страна	1989г.	2009г.	1989г.	2009г.	1989г.	2009г.
1	Азербайджан	246	725,8	46,3	-	267,5	-
2	Армения	240,8	574	45,2	-	145,3	34,6
3	Белоруссия	604,5	2242	101,7	93,7	385,7	468,8
4	Болгария	1.277	2.502	201	154	265,5	313,5 ^{4,9}
5	Венгрия	1.944,6	3.013,7	196	187 ⁴	95	105 ⁴
6	ГДР	3.898,9	7.561,4 ²	1.124,5	1.187,6 ^{1,2}	25	9,6
	ГрузССР	471,3	-	47,5	-	255,8	-
7	Грузия	-	466,94	-	-	-	9 ⁷
8	Абхазия	...	...	-	-	20,2	20,1 ⁸
9	Казахстан	809,7	2.656,8	131,6	115,3	305,5	115,3
10	Киргизия	194,5	317	-	-	104,5	131,6
11	Латвия	282,7	904,3	81	83	107,7	105
12	Литва	493	1.695,3	-	-	121	133,1
13	Молдавия	158,4	386,4	-	-	153,2	153,2
14	ПМР	50,6	...	-	-	24,3	44,1
15	Польша	5.261	16.495	...	922,5	122,21	96,7 ¹
16	Россия	8.963,9	32.021	3.310,3	2.669,9 ⁴	4.597,7	4.884,2 ⁴
17	Румыния	1.292,3	4245	498,9	428	325	295
18	Босния и Герцеговина	408,7	457,3	22,5	22,5	30,9	21
19	Македония	323,3	282,2	-	-	-	-
20	Сербия	1.405,5	1.641,4	45,3	45,3	26,3	25,2
21	Словения	578,3	1.058,9	-	-	-	-
22	Хорватия	795	1541	64,3	69,7	-	-
23	Чехия	2.366,7	4.435	328,7	367,9 ¹	298,9	384,9 ¹
24	Словакия	875,6	1.589	70,9	72,9	60,9	116,5 ¹
25	Таджикистан	224,7	123 ³	-	-	87,3	67,2
26	Туркмения	187	...	-	-	30,7	11,4
27	Узбекистан	837,4	1.104,2 ¹⁰	135,2	79,1	294,9	40,5
28	Украина	3.362,4	6.394	1.069,4	991,5	1.997,3	2.232,9
29	Эстония	240,9	545,7	19,5	19,5	38,9	38,3

Составлено автором по [5–9].

¹ оценочно (рассчитано по спутниковым снимкам в программе Google Earth)

² для земель Германии: Берлин, Бранденбург, Мекленбург - Передняя Померания, Саксония, Саксония - Анхальт,

Тюрингия

³ 2001г.

⁴ 2008г.

⁵ 2009г.

⁶ 2010г.

⁷ в 03.2010г. была закрыта последняя троллейбусная сеть протяжённостью 9 км в г. Гори

⁸ с учётом законсервированной сети троллейбуса в Кустанае

⁹ в 1998 г. – 364,1 км

... – нет данных

¹⁰ 2005 г.

Составлено автором по [5–10].

лось с 230 (1998 г.) до 136 (2009 г.). В городах, где шёл распад сетей пассажирского электротранспорта и коммерциализация рынка транспортных услуг, традиционные автобусные сети так же сокращались, однако сети маршрутных такси росли чрезвычайно

быстро (тип А, подтип А1), достигая высоких уровней топологической сложности.

Как показало наше специальное исследование по Санкт-Петербургу, сеть линий маршрутных такси за 20 лет трансформировалась здесь из сети-дерева в сеть 5 уровня

топологической сложности (с 5 топологическими ярусами в остане). В результате этой сетью было покрыто около 63% протяженности всей улично-дорожной сети города, а число маршрутов увеличилось с 12 до 363. Чрезвычайно интенсивный рост сетей линий маршрутных такси наблюдался во всех странах бывшего СССР (кроме Молдавии и ПМР, где сохраняется дефицит топлива), а также в Болгарии, Румынии и странах бывшей Югославии, где они активно заменяли сети ГЭТ. При этом объём перевозок пассажиров автобусами за исследуемый период снижался во всех странах изученного нами макрорегиона.

В наиболее экономически развитых странах ЦВЕ это падение объясняется ростом уровня автомобилизации населения; в странах бывшего СССР снижение объема перевозок пассажиров автобусным транспортом явилось скорее следствием бурного развития сетей маршрутных такси – альтернативы личного автомобиля (табл. 5). Статистические наблюдения по маршрутным такси (taxi-taxi) ведутся только в Румынии, где объёмы перевозок на них возросли с 1989 г. по 2006 г. на 39%. В России в 1989–2009 гг. число населённых пунктов с автобусным сообщением сократилось с 1378 до 1014, однако маршрутные такси, по нашей оценке, работают во всех городах с населением более 10 тыс. жит.

Таким образом, в сетях автобусных линий городов большинства стран преобладал общий сетевой рост (подтип А1), в т.ч. в странах СНГ, обеспечиваемый появлением обширных сетей маршрутных такси, что свидетельствует о чрезмерной коммерциализации рынка транспортных услуг в этих странах.

Заключение. В статье проанализированы процессы пространственной трансформации сетей отдельных видов городского пассажирского транспорта, являющиеся одним из отражений перехода постсоциалистических стран к новым моделям экономического развития.

Нами выявлено, что для сетей метрополитенов, городского электротранспорта и автобуса в городах нашей выборки (315 сетей) были характерны разные доминирующие типы такой трансформации (табл. 3).

Переход к новой модели экономического развития в отдельных городах привёл к полному замещению сетей одних видов транс-

порта сетями других. В роли первых чаще всего выступали сети пассажирского электротранспорта (в 18,3% всех сетей этих видов транспорта). При этом почти четверть всех рассмотренных сетей находится в состоянии стагнации (40% всех трамвайных сетей), что свидетельствует об их эффективности как в прежних, так и нынешних условиях. Для сетей линий трамвая и троллейбуса характерна их деструкция в центрах городов, приводившая к пространственному разрыву сетей и образованию автономных компонентов (трамвайные сети Санкт-Петербурга, Тбилиси), либо к пространственному смещению всей сети на городские окраины относительно центров городов (трамвайные сети Ярославля и Усолья-Сибирского, троллейбусная сеть Владивостока). 90 сетей трамвайных и троллейбусных линий (31,1% выборки) подверглись пространственному распаду.

Сети метрополитена продолжали диаметрально освоение городских пространств, и только 2 из них находятся в состоянии стагнации; 34,8% сетей усложнили конфигурацию линий и перешли в новый класс топологической сложности.

Сети маршрутных такси освоили большую часть улично-дорожной сети городов бывшего СССР, став доминирующим видом городского транспорта почти во всех городах: для них характерен подтип А1 (интенсивный повсеместный рост сети, процессы циклообразования и ветвления).

Тип С (доминирует в сетях пассажирского электротранспорта) преобладал в России, Украине, Болгарии, Румынии, Сербии, странах Средней Азии и Казахстана. Тип А наиболее характерен для сетей трамвайных и троллейбусных линий городов Чехии и некоторых других стран ЦВЕ (Хорватии, Белоруссии, Польши, бывшей ГДР).

В сетях метрополитенов преобладал подтип А2, на что повлиял исходный низкий класс их топологической сложности (16 из 23 это сети-деревья) и высокая капиталоемкость их расширения. В автобусных сетях преобладал подтип А1 (быстрый рост сетей). В странах бывшего СССР, Румынии, Болгарии, Черногории, Албании доминировал рост сетей маршрутных такси. В странах ЦВЕ автобусные сети топологически стагнировали (тип В), поскольку баланс с сетями других видов транспорта сохранился (города бывшей ГДР, Польши, Чехии, Словакии,

Таблица 5

Автобусный транспорт в городах стран ЦВЕ и бывшего СССР (выборочно)

№	Город	Число маршрутов		Объёмы пассажирских перевозок автобусами во внутригородском сообщении (млн. пасс. в год)			
		1989 г.	2010 г.	№	страна	1989 г.	2008 г.
1	Киев	30	275	1	Болгария	1.384,8	448,5
2	Харьков	13	92	2	Венгрия	2.066,7	1.258,4
3	Санкт-Петербург	12	363	3	Румыния	1.541,2	1.268,9
4	Ташкент	35	328	4	Хорватия	252	201
5	Скопье	230	136	5	Азербайджан	696,9	1.000,2
				6	Латвия	575,1	183,6
				7	Таджикистан	411,3	58,1
				8	Россия	28.625,9	12.112
				9	Украина	8.382,9	4.417
				10	Словения	171,9	90
				11	Македония	160,8	65,2 ¹

¹ – 2009 г.

Составлено автором по [5–7, 9, 10].

Хорватии). Тип К встречался только 1 раз в сети троллейбусных линий. Подтипы АЗ и СЗ встречались дважды (в сетях ГЭТ) и являются чрезвычайно редкими явлениями.

Тип D был характерен только для сетей пассажирского электротранспорта, а в сетях автобусных линий встречался крайне редко и вообще не встречался в сетях метрополитена.

Таким образом, в период перехода социалистической экономики к рыночной в странах Центрально-Восточной Европы и б.СССР сети одних видов транспорта оказались более гибкими, чем сети других в условиях увеличения в пассажирских перевозках роли индивидуального автотранспорта и конкуренции с его стороны. В странах бывшего СССР, Болгарии, Сербии, Румынии по мере коммерци-

ализации рынка транспортных услуг общественный транспорт (прежде всего городской электротранспорт) стал вытесняться с рынка перевозок (поскольку его сети менее гибкие) сетями маршрутных такси. В странах ЦВЕ рост этого сегмента рынка транспортных услуг обеспечивался за счет увеличения числа личных автомобилей, давших большую степень свободы в выборе маршрута. Однако, этот рост в ряде стран стал ограничиваться городскими властями путем реализации ими транспортной стратегии развития общественного транспорта, чтобы сделать экономически невыгодными поездки на личном автотранспорте, что позволило сохранить и даже расширять в этих странах городской общественный транспорт.

Библиографический список

1. Вукан Р. Вучик. Транспорт в городах, удобных для жизни. – М.: Территория будущего, 2011. – 576 с.
2. Гольц Г.А. Принципы обоснования развития дорожного и уличного строительства в условиях взрывной автомобилизации // Экономика строительства. – 2002. – № 2. – С. 33–44.
3. Казанский Н.Н. и др. Экономическая география транспорта. – М.: Транспорт, 1991. – 276 с.
4. Тархов С.А. Эволюционная морфология транспортных сетей. – Смоленск: Универсум, 2005. – 384 с.
5. Совмещённый Трамвайно-троллейбусный сайт (СТТС): www.transphoto.ru
6. Электронная база данных Межгосударственного статистического комитета стран СНГ: www.cisstat.com.
7. Europe in figures – Eurostat yearbook 2010: Transport.
8. Google Earth- интерактивная база спутниковых снимков 2006–2011гг.
9. Panorama of Transport 1990–2006, sixth edition. Eurostat Statistical books.
10. Panorama of Transport, 2009 edition.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Т.И. Горкина (Москва)

ФОРМИРОВАНИЕ АЗИАТСКОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО РЫНКА

Gorkina T.I.

THE FORMATION OF ENERGY MARKET OF ASIA

Аннотация. Статья посвящена формированию энергетического рынка Азии на основе интеграции и развития межсистемных связей. Проанализированы региональные диспропорции. Также рассматривается роль международных объединений для развития энергетического рынка Азии.

Abstract. The article is devoted to the formation of the energy market of Asia based on the integration and developing intersystem connections. The regional disproportions have been analyzed. The part of international unions in the development of Asia's energy market is also in consideration.

Ключевые слова: энергетический рынок, энергетические ресурсы, потребление энергии, международные объединения, экономическое развитие.

Key words: energy market, energy resource, consumption of energy, international unifications, economic development.

Азия – один из наименее интегрированных континентов, где слабо развито межгосударственное сотрудничество. На долю внутренней торговли приходится всего четверть внешнеэкономического оборота азиатских стран. В условиях глобализации региональное экономическое сотрудничество стало важным механизмом для реализации потенциала отдельных стран. Особое место в региональной политике, как в мире в целом, так и в Азии, отводится энергетической стратегии, в основе которой лежит политика, координирующая связи между отдельными государствами, районами и группировками. Энергетический фактор уже второе столетие во многом определяет характер межгосударственных связей, а многие военные и политические конфликты порождены борьбой за контроль над энергоресурсами. Большое значение в Азии имеют такие крупные региональные группировки как АСЕАН, АТЭС и ШОС, куда входят в основном страны Юго-Восточной Азии (ЮВА), Китай, страны Центральной Азии (ЦАР), Россия и ряд государств из других регионов мира. По мнению ученого из Великобритании Б. Эммонта рост азиатских экономик «связывают Азию в единый, живой рынок товаров, услуг и ка-

питалов, который простирается на всем пространстве от Токио до Тегерана». Однако, по его мнению, преждевременно считать Азию единым регионом несмотря на все растущую интеграцию, т.к. то, что ее разделяет в политическом плане, важнее, чем то, что ее объединяет, поскольку имеется много «тлеющих» конфликтов [4].

В Азии проживает 56% мирового населения, на ее долю приходится 35% мирового ВВП и 34% мирового потребления энергии, но потребности в энергии удовлетворяются за свой счет на 86% [5]. При этом на континенте имеются в достаточном количестве собственные уникальные энергоресурсы – ближневосточная нефть и газовые месторождения Ирана и Катара, разнообразные энергоресурсы ЦАР и др. Причина – слабая интеграция и отсутствие развитого энергетического рынка, подобного североамериканскому или западноевропейскому.

В данной статье будут рассмотрены энергетические проблемы зарубежной Азии, на долю которой приходится 62,5% мировых запасов нефти, 55,1% – газа и 25,8% – угля, данные по отдельным странам представлены в таблице 1. Такие запасы позволяют полностью удовлетворять потребности в энергии

Таблица 1

Ископаемые энергетические ресурсы Азии на начало 2010 г.

Страна	Нефть			Природный газ			Уголь		
	млрд. т	Доля от итога по миру, %	Доля от итога по Азии, %	трлн. м ³	Доля от итога по миру, %	Доля от итога по миру, %	млрд. т	Доля от итога по миру, %	Доля от итога по миру, %
МИР, всего	181,7	100,0		187,5	100,0		826,0	100,0	
Азия	113,6	62,5	100,0	103,4	55,1	100,0	213,2	25,8	100,0
Азербайджан	1,0	0,5	0,9	1,3	0,7	1,3	-	-	-
Страны ЦАР	5,5	3,2	4,8	11,6	6,2	11,2	31,3	3,8	14,7
Бл. Восток	102,0	56,1	89,8	76,2	40,6	73,7	1,4	0,2	0,7
Китай	2,0	1,1	1,8	2,4	1,3	2,3	114,5	13,9	53,7
Индия	0,8	0,4	0,7	1,1	0,6	1,1	58,6	7,1	27,5
Индонезия	0,6	0,3	1,0	3,2	1,7	3,1	4,3	0,5	2,0

Составлено по [3]

Таблица 2

Коэффициент самообеспеченности энергией в 2009 г.

Азербайджан 5,2	Саудовская Аравия 2,9	Япония 0,2
Казахстан 2,1	ОАЭ 2,4	Малайзия 1,7
Турция 0,3	Бангладеш 0,9	Пакистан 1,0
Узбекистан 1,2	Китай 0,8	Филиппины 0,9
Иран 1,6	Гонконг х)	Республика Корея 0,1
Кувейт 4,7	Индия 1,0	Таиланд 0,6
Катар 3,8	Индонезия 2, 6	АЗИЯ, всего 1,0

Х) менее 0,1.

Рассчитано по [3, 6]

за счет местных ресурсов. Коэффициент самообеспеченности (отношение производства к потреблению) очень отличается по странам. Он варьируется в диапазоне от 0 (Гонконг) до 5,2 (Азербайджан), при этом надо учитывать, что, например, в Азербайджане такой высокий коэффициент в какой-то мере обусловлен низким уровнем потребления из-за кризисного состояния экономики. Более точно сложившуюся ситуацию отражают коэффициенты для Кувейта (4,7), Катара (3,8) и Саудовской Аравии (2,9). Показатели для ряда других азиатских стран, по которым есть данные для расчета, представлены в таблице 2. Азия, согласно изученным на настоящее время энергоресурсам, обеспечена в среднем на 46 лет нефтью, 63 года – природным газом и 119 лет – углем.

На основании приведенных выше данных, в Азии по степени обеспеченности энергетическими запасами можно выделить четыре типа стран. К первой группе относятся страны с коэффициентом выше 1,5: Азербайджан, страны ЦАР и Ближнего Востока,

Индонезия и Малайзия. Эти страны имеют возможности развивать экспорт энергии.

Ко второй группе с коэффициентом 1–1,4 можно отнести страны, способные в принципе обеспечивать полностью свои потребности: Индия, Пакистан. В третью группу вошли страны, которые на 20–30% зависят от импорта энергии: Бангладеш, Китай, Филиппины, Таиланд. В четвертую группу вошли страны, полностью лишенные энергоресурсов, или имеющие их незначительно, все эти страны сильно зависят от импорта: Гонконг, Япония, Сингапур, Республика Корея и др.

Зависимость от импорта энергии ряда стран часто объясняется тем, что их ТЭБ в значительной степени ориентирован на нефть и нефтепродукты, имеющиеся в недостаточном количестве или вообще отсутствующие. В целом по Азии структура ТЭБ выглядит следующим образом (%): нефть и нефтепродукты – 38,4; уголь – 20,1; электроэнергия – 18,3; ПГ – 8,5; геотермальная энергия – 2,5; биомасса – 1,2; прочие – 11,0. Ази-

атские страны потребляют 59% угля, нефти – 28% и 19% ПГ от итога по миру. Несмотря на собственные значительные энергоресурсы объемы импорта из внешних источников достаточно велики из-за неразвитости азиатского энергетического рынка [5]. Если в структуре нефтяного импорта велика доля стран Ближнего Востока, которого можно рассматривать как внутреннего поставщика, то импорт ПГ очень диверсифицирован, особенно после появления на рынке сжиженного газа (СПГ), основные поставщики которого находятся в африканских странах. Главными экспортерами энергетического угля в страны ЮВА стали США и Канада. В число 10 крупнейших импортеров мира входят Япония (410 млн. т н. э.) и Республика Корея (150 млн. т н. э.).

Как правило, единый энергорынок формируется на основе страновых и региональных рынков. Азия очень полицентрична. Здесь сохраняется множество противоречий между столь разными по численности населения, весу экономик, культуре, политическому устройству государствами. Разброс между ними очень велик – от высокоразвитой Японии до находящегося на одном из последних мест в мире по ВВП Афганистану.

На наш взгляд можно выделить следующие крупные региональные группы: 1. Китай, ЮВА, включая Японию; 2. Южная Азия; 3. Ближний Восток; 4. ЦАР. Такие страны, как, Афганистан и Монголия, практически не интегрированы в экономику Азии.

Не во всех странах континента сформировался хорошо функционирующий энергетический рынок, не говоря уж о локальных региональных рынках. Один из таких локальных рынков практически создан на основе зоны свободной торговли АСЕАН и Китая. В то же время очень проблематично создание здесь единой интеграционной системы, по примеру Европейского Союза, из-за отсутствия здесь региональной резервной валюты. Китай, как один из ведущих игроков на этом рынке, считает, что такой валютой должен стать юань. Против этого выступают США, Япония и Австралия.

В создании такого регионального рынка очень заинтересована Россия. Она готова участвовать в формировании новой энергетической конфигурации в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и Восточной Азии

путем создания системы газо- и нефтепроводов, поставок СПГ и электроэнергии из восточных районов России. Д. Медведев на саммите в Лиме в 2008 г. заявил о намерении своей страны «содействовать созданию такой системы энергообеспечения в АТР, которая позволит потребителям энергоресурсов диверсифицировать географию импорта, обеспечить надежные и бесперебойные поставки».

Бывший премьер-министр Японии Хатояма считает, что в интересах своей страны нужно создать региональный рынок «Восточно-Азиатское партнерство», чтобы помочь Японии сохранить политическую и экономическую независимость и защитить интересы страны, зажатой между США, которые пытаются удержать свое лидерство в мире и Китаем, стремящимся занять их место. Японии он отводит роль моста между азиатскими странами при создании многополярного мира.

Учитывая опыт Европы и Северной Америки при создании энергетического рынка, можно выделить три этапа в его становлении. На первом этапе должны быть созданы необходимые условия и сняты основные барьеры как на внутреннем рынке, так и с зарубежными партнерами. На втором этапе происходит формирование единой инфраструктуры, что позволит повысить энергоэффективность основных отраслей ТЭК. На третьем этапе, который пока еще только начинается, происходит развитие инновационных отраслей энергетики с постепенным переходом к энергетике будущего с принципиально иными технологическими возможностями дальнейшего развития с опорой на высокоэффективное использование традиционных энергоресурсов и новых неуглеродных источников энергии и технологий ее получения.

В Азии на пути к созданию единого энергорынка существует много препятствий, основные из них следующие. Во-первых, в большинстве стран функционируют ТЭК, несоответствующие мировому научно-техническому уровню и не соблюдающие экологические стандарты. Во-вторых, слабо развита не только межстрановая инфраструктура, но и внутренние пути доставки энергии. В-третьих, ТЭК большинства стран не имеет необходимой устойчивости к внешним и внутренним экономическим, техногенным и

природным угрозам надежному энергообеспечению. В-четвертых, во многих странах уровень геолого-разведочных работ очень низок, что затрудняет оценку существующих и перспективных энергоресурсов для будущего развития энергетики.

В ведущих азиатских странах в настоящее время происходит трансформация ТЭК, обусловленная стремлением к энергетической безопасности как на основе собственных ресурсов, так и созданием надежных диверсифицированных маршрутов импорта.

Быстрый рост промышленного производства в ЮВА и Китае, достаточно энергетически затратного, привел к увеличению объемов потребляемой энергии до 5 млрд. т нефтяного эквивалента (н.э). Эти страны стали потреблять энергии столько же, сколько потребляют ее экономически развитые страны (ЭРС). Экономический кризис 2008–2010 гг. усилил инфляционные и спекулятивные процессы, прежде всего отразившиеся на цене на нефть. Кризис по-разному повлиял на отдельные страны. Если в ЭРС он привел к усилению энергосбережения и росту энергоэффективности, то в Азии за счет роста экономик Китая, Индии и Индонезии возросло потребление энергии из-за значительного населения, роста промышленного производства и значительных строительных проектов.

Более подробно рассмотрим энергетику Китая и его энергетическую политику. Китай менее всего затронул кризис, что и послужило одной из причин его выхода на второе место в мире по ВВП. В период мирового кризиса китайская экономика была стабилизирующим фактором как в мировом хозяйстве в целом, так и на энергетическом рынке. В последнее десятилетие Китай более чем в два раза увеличил собственное производство энергии. Во-первых, он стал мировым лидером в добыче угля, добывая его более чем в три раза больше США (45,6% мирового производства). Во-вторых, в производстве электроэнергии на ГЭС (18,8%), где его показатели более чем в 2 раза превосходят США и более чем в 1,5 раза – Канаду и Бразилию. Потребление энергии за этот же период также увеличилось вдвое, что вызвало недостаток в 200 млн. т н. э. Такой рост импорта оказал давление на мировой энергетический рынок, что стало одной из причин роста цен на энергоносители.

Энергетическая политика отражена в «Средне- и долгосрочной стратегии Китая до 2020 г.», основными целями которой стали развитие собственной энергетической базы, энергосбережение, обеспечение внешней энергобезопасности и активизация участия в международном энергетическом сотрудничестве, создание стратегических запасов для противостояния военным, экономическим и политическим кризисам. Китай проводит масштабные структурные преобразования в экономике, т.к. по энергоемкости его промышленность в 5 раз превышает японскую, а по выбросам серы – в 20 раз. В результате реструктуризации сокращается удельный вес энергоемких отраслей, что благоприятно влияет на экономический рост.

Основными направлениями в энергетической стратегии стали: 1) изменение структуры ТЭБ в сторону увеличения углеводородов; 2) увеличение инвестиций в разведку, добычу и переработку нефти и газа как в самом Китае, так и за рубежом; 3) внедрение мероприятий по энергосбережению; 4) интенсивное использование альтернативных источников энергии; 5) развитие технологий «чистого угля»; 6) создание стратегических запасов нефти.

Структура энергетических ресурсов такова (%): уголь 87,4; ГЭС 9,5; нефть 2,8; ПГ 0,3. Собственная добыча углеводородов не может удовлетворить постоянно растущий спрос на них. Так, потребление нефти ежегодно увеличивается на 20 млн. т. Поэтому Китай активно инвестирует и/или участвует в разработке энергетических ресурсов за рубежом. Основными партнерами и поставщиками стали прежде всего его соседи. С Россией сотрудничество осуществляется практически во всех отраслях энергетики. Китай предоставляет кредиты, в счет которых Россия строит новые трубопроводы и поставляет энергоносители – уголь, нефть, ПГ и электроэнергию, а также сотрудничает в сфере атомной энергетики – строительство второй очереди АЭС Тянь-Вань, завода по обогащению урана и т.п. Для упрочения энергетических связей создается инфраструктура, состоящая из трубопроводов и морских маршрутов с портами-терминалами.

Основным импортируемым энергоносителем является нефть, которую Китай получает с Ближнего Востока (45,2% всего импор-

та), Африки (31,5%), России (11%), Норвегии и Казахстана (8,7%), из других стран Азии и Австралии (3,6%) [1]. Трубопроводы соединяют Китай с Россией и ЦАР, в последнее время усилилось значение Мьянмы как поставщика углеводородов по трубопроводам, благодаря чему поставки будут идти в обход перегруженного Малаккского пролива. Для большей надежности снабжения нефтью Китай обустроивает за свой счет порты в приморских странах. Так был реконструирован порт Гвадар на побережье Индийского океана в Пакистане. Теперь Китай собирается связать его шоссе и трубопроводом с Синьцзяном, получив таким образом сухопутные пути доставки в обход Ормузского пролива, контролируемого США.

Для снижения импорта энергии в Китае действует долгосрочная программа по развитию сети АЭС. К 2020 г. планируется построить 32 АЭС, для которых придется завозить уран из Австралии, России, Казахстана и, возможно, из Нигера, т.к. собственные ресурсы только наполовину смогут обеспечить эти станции. Землетрясение в Японии, разрушившее АЭС Фукусима и вызвавшее радиоактивное загрязнение, может повлиять на планы по развитию АЭС. Поэтому Китай сейчас приостановил развертывание плана по строительству атомных станций. Если программа будет все же реализоваться, то АЭС станут важным звеном в создающейся Единой энергетической системы страны, которая должна быть сформирована к 2020 г. Эта система позволит оптимизировать региональную структуру снабжения, разделить импортные поставки углеводородов по следующим основным маршрутам: в районы, расположенные севернее р. Хуанхэ, поставки будут идти из России и ЦАР, в остальные – из Африки, Ближнего Востока, АТР и ЮВА.

Зависимость китайской экономики от импорта энергии будет расти, поэтому сейчас Китай ведет экспансионистскую политику по приобретению активов во многих энергопоставляющих странах, зачастую на двухсторонней основе, что негативно сказывается на мировых ценах на энергию. Еще одно направление – активное проникновение в экономику отдельных стран, особенно латиноамериканских. Пекин становится их стратегическим партнером не только в энергетике, он преследует и политико-стратегические цели. Инвестиции в этот регион

из Китая пошли с 2004 г., сейчас на него приходится треть всех китайских зарубежных инвестиций. Другую политику, причем отличную от мировых ТНК, Китай проводит в Африке, где он получает энергосырье не по долгосрочным контрактам, а в обмен на прямые инвестиции или на поставки товаров широкого потребления. В счет этого китайские компании получили доли в разработке месторождений во многих районах Африки. Тем не менее, наиболее предпочтительными экспортерами углеводородов считают Ближний Восток, ЦАР и Россию, поставки из которых должны быть равны между собой.

ЮВА, где есть страны, практически лишенные собственных энергоресурсов, наиболее тесно связана как с мировым энергетическим рынком, так и во внутрирегиональной торговле. Наиболее гибкую энергетическую политику проводит Япония. В основе ее национальной стратегии лежат как повышение энергобезопасности за счет собственных источников (АЭС и ВИЭ), так и диверсификация поставок. Как и Китай, она активно участвует в создании и модернизации ТЭК многих стран в счет получения энергоносителей. За счет ЮВА возросла роль поставок энергоносителей через Тихий океан, он опередил по этому показателю Атлантический океан. С 1986 г. поставки энергетического угля через Тихий океан возросли в 6 раз, а через Атлантический – в 3 раза.

Большинство стран этого региона находятся в стадии активной индустриализации, для которой требуется все в больших объемах энергия. Поэтому здесь развита внутрирегиональная интеграция, особенно в области энергетики. Важными игроками в этой сфере стали Индонезия, Китай и Вьетнам, который не только экспортирует нефть и уголь, но также и электроэнергию с ТЭС, построенных на месторождениях угля, и ГЭС в сопредельные страны через систему высоковольтных ЛЭП. Создана объединенная система ЛЭП Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и Китая, благодаря которой Вьетнам может обмениваться электроэнергией через Лаос и Камбоджу со странами АСЕАН, такими как Таиланд и Малайзия. Индонезия и Малайзия стали крупными экспортерами биотоплива на основе пальмового масла.

Предполагается, что в течение ближайших 25 лет экономический рост в ЮВА составит порядка 3,5%/год при сниже-

нии темпов роста населения до 1%. Такой сценарий предусматривает рост не только энергопотребления в целом, но и увеличение душевого потребления – одного из самых низких в мире. Наиболее быстрыми темпами будут расти мощности АЭС (2,7%/год), ПГ и ВИЭ – по 1,7%/год.

И все же больших изменений в ТЭБ региона не будет – основными энергоносителями останутся уголь, ПГ и нефть. Интеграционные процессы между странами усилятся, т.к. на развитие инфраструктуры планируется отчислять 0,6–1,2% ВВП, независимо от экономического уровня страны [2].

Большие надежды азиатские страны возлагают на страны ЦАР, на долю которых приходится 8% мировых запасов ПГ, 4% – угля, 3% – нефти, 20% – урана. Географическое положение ЦАР, с одной стороны, очень благоприятно, т.к. он расположен относительно близко к Китаю, Индии и другим крупным азиатским странам, но, с другой стороны, он не имеет прямого выхода к Мировому океану, из-за чего сильно зависит от стран-транзитеров. ЦАР рассматривают в качестве своей энергетической базы ведущие азиатские страны, скупая здесь активы и участвуя в создании современной энергетической инфраструктуры. Япония предложила создать новые транспортные маршруты для нефти через Афганистан с выходом к Индийскому океану. Китай, стремясь избежать критической зависимости от какой-либо одной страны, увеличивает число поставщиков из ЦАР, причем в этом регионе он заинтересован больше, чем в России, по следующим причинам: цены на энергоносители здесь ниже, поскольку транспортировка их осуществляется по относительно коротким маршрутам, часто минуя страны-транзитеры; инвестиционные вложения в строительство энергетических объектов меньше.

После распада СССР ТЭК бывших среднеазиатских республик перестал быть единым комплексом. С начала 1990-х гг. энергетика развивается исходя из интересов каждой страны, причем темпы и векторы развития значительно отличаются друг от друга. Объединяет их прежде всего геополитическая ориентация, в основе которой лежат прагматические соображения по получению иностранных инвестиций для разработки своих ТЭР. Для дальнейшего развития ЦАР как нового энергетического центра мирового зна-

чения требуются значительные инвестиции, которые готовы предоставить ведущие страны Европы и Америки и крупные азиатские державы. Рост энергетики ЦАР сталкивается с комплексными внешними и внутренними политическими рисками. К тому же ее невозможно развивать без модернизации всей экономики. Для вхождения в число ведущих стран-поставщиков и стран-транзитеров им необходимы внешние инвестиции в очень крупных размерах. Контроль над энергоресурсами получит та сторона, которая будет осуществлять наибольшие вложения в комплексное развитие региона.

Схожая ситуация сложилась в Азербайджане, который хочет стать крупным поставщиком углеводородов не только для Европы, но и Азии. В качестве потребителя и транзитной страны в обоих случаях выступает Турция, 98% территории которой лежит в Азии. ЭРС рассматривают Азербайджан не только как поставщика, но и транзитную страну для углеводородов из ЦАР. Однако этот проект сопряжен с большими трудностями, т.к. до сих пор не урегулированы вопросы по статусу и разделу Каспийского моря между прикаспийскими государствами.

В Южной Азии за чертой бедности проживает более 500 млн. чел., а потребление энергии на душу населения составляет всего 5% от аналогичного показателя по ЭРС. Интеграция энергосистем этого региона могла бы улучшить положение в энергетической сфере, но этому препятствуют не только множество экономических и политических причин, но и физико-географические, т.к. большая часть территории Южной Азии находится в гористой местности с высокими горными хребтами.

В качестве примера рассмотрим энергетику Индии – страны, которая из-за своего огромного населения не может справиться с энергетической бедностью, хотя и прилагает значительные усилия. До сих пор 40% жилых домов не электрифицированы, при этом Индия производит электроэнергии столько же, сколько Германия. Собственные энергоресурсы не позволяют ей в полной мере обеспечить свою растущую экономику энергией. Так, в стране предполагается к 2030 г. увеличить потребление энергии в 3,6 раза – это самый высокий рост в мире, выше, чем в Китае – 3,2 раза. Сейчас энергобаланс страны выглядит следующим образом (%): уголь

– 54; нефть – 30; ГЭС – 6; АЭС – 1; ВИЭ – 1, прочие – 8. Высокая доля угля объясняется достаточной собственной добычей, использование же нефти непропорционально возможностям ее добычи.

Индия занимает 6 место в мире по потреблению нефти и 7 место по объемам ее импорта. Импорт нефти значительно диверсифицирован, крупнейшими поставщиками стали (%): Саудовская Аравия – 23; Иран – 17; Нигерия – 11; Ирак – 10; Кувейт – 9. На территории Индии открыто 26 нефтесодержащих бассейнов, но лишь в шести установлены промышленные запасы углеводородов. Более половины перспективных на углеводороды площадей относятся к морским акваториям, причем значительная часть – к глубоководному сектору. Основная часть нефтяной промышленности (80%) сосредоточена в руках государственной нефтяной корпорации ONGC, которая не только развивает добычу территории страны, но и проводит политику внедрения в нефтяной сектор многих государств. Она участвует в 38 проектах в 18 странах. В России ONGC стала участником проектов на Сахалине, а в 2008 г. она приобрела нефтяные активы в Томской области. Индия намерена стать крупнейшим импортером нефти в своем регионе за счет ее поставок из соседних стран. Для этого предполагается строительство нефтепроводов Иран – Пакистан – Индия и Туркмения – Афганистан – Пакистан – Индия, а также очень проблематичного из-за противоречий с Бангладеш маршрута Мьянма – Индия. Кроме нефти, будут импортировать сжиженный природный газ через строящиеся СПГ-терминалы в Dahe и Hazira.

Если сейчас в Индии, особенно в сельских районах, в значительной степени сохраняется архаичная энергетика, где высока доля дров и сухого навоза, то в будущем предполагается получать энергию из следующих источников: 1) метан из угольных пластов; 2) подземная газификация угля; 3) энергия ветра; 4) газогидраты в Бенгальском заливе и около Андаманских о-вов; 5) водородная энергетика; 6) солнечная энергетика; 7) энергия приливов и подводных течений; 8) биомасса и сельскохозяйственные отходы.

Ближний Восток наиболее интегрированный в мировую энергетику регион Азии. Благодаря своим уникальным углеводород-

ным ресурсам он на протяжении многих десятилетий остается крупнейшим поставщиком нефти в большинство энергозависимых стран. Потенциальные возможности региона далеки от истощения. Центром экономической стабильности в регионе стала Саудовская Аравия – основной поставщик углеводородов. Она обладает почти четвертью мировых нефтяных запасов, имеющих в основном самотечные характеристики, т.е. для извлечения нефти на поверхность не требуются насосы. Поэтому себестоимость добычи здесь является одной из самых низких в мире – 1–3 долл. за баррель. Помимо нефти все большее значение приобретают газовые ресурсы. Здесь находятся две крупнейшие по запасам ПГ страны – Катар и Иран, которые наряду с Россией (первое место по запасам ПГ), образуют своеобразную газовую вертикаль, имеющую большое значение для мировой энергетики.

Высокие цены на нефть оказывают значительное влияние на макроэкономические показатели. На Ближнем Востоке были осуществлены дорогостоящие проекты по созданию современной специализированной транспортной инфраструктуры с портами-терминалами, многие из которых стали крупнейшими в мире по приему танкеров любых размеров. Самый крупный в мире нефтяной терминал находится в порту Рас-Таннура в Саудовской Аравии. Разветвленная сеть трубопроводов связывает между собой месторождения с портами Красного и Средиземного моря. Однако из-за политических конфликтов часть из них периодически закрывается. Крупнейший из постоянно действующих – нефтепровод между месторождениями в районе г. Абкайк и портом Ямбу на побережье Красного моря. Для прохода крупнотоннажных танкеров был углублен Суэцкий канал.

Накопленные капиталы способствовали развитию таких энергозатратных отраслей обрабатывающей промышленности как нефтепереработка и нефтехимия. В Саудовской Аравии, помимо существующих, к 2010 г. было введено в строй пять новых крупных промышленных комплексов по переработке нефти, мощность каждого из них составляет 40–55 тыс. т/год. Кроме развития нефтепереработки на своей территории, Саудовская Аравия владеет рядом НПЗ в других странах – США, Германии, Греции,

Японии, Республике Корея и Филиппинах. Таким образом, она, замещая поставки сырой нефти нефтепродуктами, увеличивает свои доходы, значительная часть которых идет на социальные нужды.

ПГ приобретает все большее значение для экспортеров Ближнего Востока. Наибольшее значение он приобрел в Катаре, где имеются крупные месторождения мирового значения («Северное поле» и др.), также ПГ присутствует практически на всех нефтяных месторождениях. Катар стал не только крупным поставщиком СПГ на мировой рынок, но и инициировал создание объединенной системы газопроводов на Аравийском полуострове для поставок своего ПГ в сопредельные страны. Большое значение в газовой добыче имеют иностранные фирмы (Total, Royal Dutch/Shell и др.), что позволяет увеличивать добычу и создавать новые рабочие места.

Особое место на Ближнем Востоке занимает Йемен, который, в силу своего географического положения, контролирует Баб-эль-Мандебский пролив – главный маршрут танкерных перевозок нефти и СПГ из стран Персидского залива в Европу и Северную Америку. Гражданская война, которая продолжалась 12 лет, разрушила экономику и вызвала многолетний застой в добыче углеводородного сырья. Йемен входит в число беднейших государств мира, но при этом обладает углеводородными ресурсами, привлекательными для иностранных инвесторов, несмотря на повышенные инвестиционные риски. Восстановление в отрасли началось в середине 1990-х гг. силами в основном иностранных компаний. За это время добыча нефти увеличилась в 4 раза. При поддержке саудовских банков была создана нефтеперерабатывающая промышленность, разработаны планы по производству СПГ, который первоначально должен пойти в Индию, а по мере роста мощностей по СПГ поставки будут осуществляться в другие азиатские страны и Европу. Этим планам может помешать нестабильная внутривластная обстановка, связанная с межплеменными разногласиями и противоречиями между северной и южной частями страны.

Иран и Ирак не играют пока той роли в мировой энергетике, как могли бы, по таким причинам, как эмбарго (Иран) и послевоенная разруха (Ирак). Однако их энергетиче-

ские ресурсы и хорошо развитая инфраструктура имеют все основания стать составной частью создаваемой в Азии интегрированной системы поставок энергии. В современных условиях Иран стремится к сотрудничеству с Китаем. Уже сейчас треть его торгового оборота приходится на Китай. Иран обладает уникальным политико-географическим положением. Он имеет сухопутные и морские границы с 15 государствами и расположен в центре региона с населением более чем 400 млн. чел. Поэтому Иран, как и Турция, хочет стать транзитной страной, связав через свою инфраструктуру энергетические потоки, в первую очередь электрические, по осям восток – запад и север – юг континента. Для этого есть веские причины, т.к. экономическая политика страны направлена на достижение к 2020 г. экономической самодостаточности и лидирующей роли в НИОКР среди стран Ближнего Востока.

После распада социалистической системы Монголия оказалась практически экономически обособленной, т.к. ее традиционные связи с Россией и другими социалистическими связями доведены до минимума. Очень ограниченно она сотрудничает с Китаем, КНДР, Республикой Корея и Японией, поставляя им энергетический уголь, запасы которого огромны и отличаются высоким качеством. Монголия стремится расширять сотрудничество в энергетической сфере прежде всего с Россией и Китаем, как своими давними партнерами. С 2005 г. ведутся переговоры с Китаем о строительстве в Гобийской зоне на угольных месторождениях крупных ТЭС, для дальнейшего экспорта их электроэнергии в Китай. Монголия также хочет стать транзитной страной между Россией и Китаем, т.к. через нее можно проложить кратчайшие маршруты, особенно ЛЭП, между этими странами.

Геолого-разведочные работы в Афганистане были начаты во времена пребывания войск СССР. Советские геологи собрали уникальный материал о наличии здесь большого числа полезных ископаемых. На основе этих материалов американские геологи продолжили изучение недр страны, подтвердив наличие там самых разнообразных природных богатств. Афганистан даже в настоящее время, когда еще не полностью обследована его территория, обладает всеми видами энергетических ресурсов – тради-

ционных и альтернативных. Особенно благоприятные условия имеются для развития гидроэнергетики, использования солнечной и ветровой энергии.

Как и все хозяйство страны, энергетика находится в глубоком упадке. Действуют две электростанции – ГЭС Нагму и Кабульская ТЭЦ, построенные при помощи СССР. О создании здесь современной энергетики пока не может идти речи, т.к. ни один инвестор не будет вкладывать деньги в условиях нестабильности и непредсказуемости, даже при гарантиях Кабула. В Афганистане разработка энергоресурсов, с учетом рельефа страны и практически полного отсутствия инфраструктуры и местных кадров, потребует инвестиций в десятки, если не сотни миллиардов долларов. При таком положении дел Китай проявляет активность, которая соответствует его энергетической политике за рубежом. В 2010 г. было подписано соглашение между Китаем и правительством Афганистана, в котором обозначены главные сферы приложения китайского капитала: строительство железных дорог, геологоразведка, добыча полезных ископаемых, энергетика и строительство.

В настоящее время Афганистан из-за своего географического положения рассматривается как транзитная территория для связи азиатских стран. Через Афганистан предполагается проложить экспортные маршруты углеводородов и электроэнергии из ЦАР в Южную Азию. Когда может начаться осуществление этих планов – неизвестно.

В последнее десятилетие возросла роль стран-транзитеров энергии. В эту категорию прежде всего стремятся войти страны, имеющие выгодное географическое положение, но не имеющие собственных значимых энергоресурсов. Помимо упомянутых выше государств, Израиль также имеет планы стать такой страной для Азии. Он в альянсе с США стремится получить доступ к каспийской нефти, но не столько для своих нужд, сколько в качестве страны-транзитера, играющей ключевую роль в реэкспорте каспийской нефти обратно на азиатский рынок через порты на Красном море. Для этого предполагается соединить нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан с трансираильским нефтепроводом Ашкелон–Эйлат танкерными перевозками или подводным нефтепроводом. Это очень выгодный маршрут

протяженностью всего 400 км. Еще одна возможность для реэкспорта – из Ашкелона в Индию и ЮВА танкерами. В союзе с Турцией, уже ставшей крупным транзитным узлом, намерен создать сеть подводных трубопроводов для прокачки через них не только нефти и ПГ, но также воды. В этом проекте предполагается задействовать также территории Сирии и Ливана [7].

По мнению ряда экспертов, проекты Израиля подрывают развитие внутреннего азиатского рынка, для которого необходимы прямые трубопроводы между странами-поставщиками энергии (ЦАР, Россия, Иран) и потребителями. Если планы Израиля будут осуществлены, то произойдет ослабление роли России и стран ЦАР, а также усилится изоляция Ирана. Однако этому масштабному проекту могут помешать такие причины, как ограниченность поставок Израилю каспийской нефти, на которую претендует также Европа, нерешенные до конца вопросы о статусе Каспийского моря, нестабильность политической обстановки и многие другие. Политика Израиля не способствует формированию рациональной конфигурации внутреннего рынка на основе национальных рынков с учетом диверсификации отраслевой и территориальной структуры размещения энергоресурсов, оптимального энергоснабжения и трансграничной торговли. Расширение взаимодействия остается основой для формирования новых интеграционных объединений на субрегиональном уровне.

Трудно предположить, как в дальнейшем будут развиваться интеграционные процессы в Азии. По словам главы Международного энергетического агентства (МЭА) Нобуа Танака мировой энергорынок вошел в фазу своего развития, которая отличается «беспрецедентной непредсказуемостью».

Возмущающим фактором на рынке нефти и ПГ станет огромный прогнозируемый рост на энергию в ближайшие 25 лет со стороны Азии. Такое нарастание неопределенностей может привести к разбалансировке мирового энергетического рынка [9].

Спрос на энергию в Азии предположительно возрастет к 2030 г. до 7 млрд. т н. э., который на 80% будет обеспечиваться ископаемыми видами энергоресурсов. Рост ВВП прогнозируется в 3,5%/год при среднем уровне в 1,5%. Такой стремительный

рост потребует к 2030 г. инвестиций в размере 7–10 млрд. долл., что возможно только при кооперации азиатских стран и внешних вложений из ЭРС.[5]. В Азии будут действовать разноректорные факторы развития энергетики. Энергопоставляющие страны будут увеличивать свой экспорт. ЦАР, например, увеличит его до 232 млн. т н. э., в то же время Восточная Азия усилит свою зависимость от импорта, доведя его до 970 млн. т н. э.

Созданию общего энергетического рынка в Азии будут способствовать как существующие региональные образования, так и те, которые могут возникнуть в процессе объединения рынков отдельных стран.

В 2005 г. Мани Шанкар Айяр, который в это время был министром энергетики в Индии, поднял вопрос о создании Паназийской энергосистемы, цель которой – собрать воедино основных производителей энергии на континенте (Иран, Ближний Восток, Россия, ЦАР) и основных потребителей (Индия, Китай, Япония, Республика Корея) для обсуждения масштабных инфраструктурных программ. Пути доставки энергии должны были идти на восток от Ирана и ЦАР, на юг – от Сибири до Индии, Китая и восточного побережья Тихого океана. Этот проект так и не получил своего завершения при согласии всех сторон о его необходимости.

Сезонные различия в энергопотреблении стран Азии способствуют расширению энергетических связей. Эти страны являются взаимодополняемыми друг друга по технологическим, финансовым, трудовым и др. ресурсам. Межгосударственная инфраструктура будет способствовать снижению стоимости энергии для потребителей, повышению надежности энергоснабжения, а также облегчит решение экологических проблем. Поэтому в Азии наблюдается интенсификация формирования крупных государственных и межгосударственных объединений, а развитие энергетики сопровождается трансформацией энергетического рынка. Наиболее важные проблемы связаны с возможностями и перспективами межгосударственной кооперации на взаимовыгодной основе.

Большая роль при создании азиатского рынка отводится ШОС, т.к. она обладает реальными возможностями и способна координировать действия всех его участников.

ШОС включает в себя 3/5 территории Евразии, ее можно рассматривать как часть АТР, где рост потребления энергии будет значительно выше среднемирового. В 2010 г. в рамках ШОС был создан Энергетический клуб, который должен способствовать углублению взаимодействия между странами-поставщиками и странами-потребителями энергии. Реализация планов клуба будет способствовать созданию самодостаточной энергосистемы. Однако среди членов клуба нет единого подхода к пониманию его деятельности по таким проблемам как недостаток инвестиций на фоне постоянно растущих потребностей в энергии, что особенно необходимо при увеличении доли месторождений, находящихся на стадии истощения, а также растущая конкуренция за энергоресурсы между ЭРС и остальным миром.

Возможности ШОС по развитию энергетического взаимодействия используются пока недостаточно эффективно, не отвечают в полной мере тем целям и задачам, которые были изначально заложены государствами-учредителями. Роль ШОС должна возрасти, т.к. межправительственные организации в современном мире занимают особое положение. Использование их возможностей помогает государствам быстрее находить согласованные решения по широкому кругу вопросов, а также совместно противодействовать различным кризисам и развивать торгово-экономическое сотрудничество со странами в других регионах мира. Так, Индия, будучи всего наблюдателем в ШОС, получила геостратегический выход в Европу и АТР.

В рамках создания азиатского рынка работает также программа South Asia Regional Initiative for Energy, целями которой стали: диалог между странами для обмена информацией и поиска инвесторов, расширение доступа к энергоисточникам отдельных стран для эффективного их использования, создание инфраструктуры и др. По мере осуществления этих целей предполагается, что будет рационально диверсифицирован импорт энергии, на который приходится 2/3 потребностей Южной Азии в углеводородах.

В настоящее время в Азии действуют такие крупные системообразующие нефтепроводы как:

1. Middle East Pipelines, проходящий по территории Ирана, Ирака, Израиля, Иордании,

Кувейта, Омана, Катара, Саудовской Аравии, Сирии, ОАЭ, Йемена, Бахрейна и Ливана.

2. Southeast Asia Pipelines, связывающий Бруней, Индонезию, Малайзию, Мьянму, Таиланд и Сингапур.

3. South Asia Pipelines – через Афганистан, Бангладеш, Индию, Мьянму и Пакистан.

4. East Asia Pipelines – Китай, Республика Корея, Япония. Менее развита газовая инфраструктура, она имеет локальный характер. Наиболее значимые газопроводы следующие: ЦАР – Китай; транскитайский Запад – Восток (Шанхай-Синьцзян); Иран – Турция; система газопроводов АСЕАН; а также панарабский от Египта через Сирию, Иорданию, Ливан, Турцию, Ирак. Этот трубопровод построен пока частично, но имеет в будущем перспективы стать частью Средиземноморского газового кольца, объединяющего газотранспортные системы Африки, Западной Азии и Европы. В последнее время все чаще говорят о возможности соединения его с газопроводом Набукко, строительство которого еще не начато.

На настоящий момент разрабатываются и реализуются много совместных региональных энергетических проектов. Отметим некоторые из них.

1. Сотрудничество России и ЦАР с Китаем и странами ЮВА во всех сферах энергетики, важнейшие из них – газопровод «Алтай», ВСТО, а также газопровод Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия.

2. Электроэнергетический проект CASA-1000 (международный рынок торговли электроэнергией в Центральной и Южной Азии) – создание системы ЛЭП из Киргизии и Таджикистана в Афганистан и Пакистан.

3. Персидский газопровод – Иран-Турция-Греция-Италия-Швейцария-Австрия, а также трубопроводы в ЦАР, Армению, Каспийский регион и др.

4. Создание объединенной газопроводной системы АСЕАН с прокладкой трубы по дну Южно-Китайского моря.

Кроме этого, в рамках ШОС в противовес морским маршрутам предполагается создать транспортно-энергетический мост Ближний Восток – Иран – Россия – Китай – АТР. Еще один проект далекого будущего – создание транспортного коридора Узбекистан – Туркменистан – Иран – Оман – Катар – Персидский залив. Создание азиатского энергетического рынка невозможно без создания правовой базы и координирующих институтов наподобие Международного энергетического агентства, куда входят только ЭРС; Всемирной торговой организации, ОПЕК и др. Региональные союзы способствуют его развитию на основе взаимозависимости и интеграции в экономической и энергетической сфере.

Процесс формирования единого экономического и юридического пространства для энергетики затруднен как из-за диспропорций в развитии азиатских стран, так и из-за нестабильной политической обстановки.

Библиографический список

1. Ся-Ишань. Энергетическая стратегия Китая в новой ситуации и энергетическое сотрудничество Китая и России // Доклад на симпозиуме Института систем энергетики СО РАН – Иркутск: 2010.
2. APEC Energy Demand and Supply Outlook 2002. Tokyo: 2002.
3. BP Statistical Review of World Energy 2010.
4. Emmont B. Rivals: How the Power Struggle between China, India and Japan will shape our next decade. London: 2008 – 314 p.
5. Energy Statistics in Asia and Pacific 2010.
6. International Energy Statistics 2009.
7. The Jerusalem Post. – November 24 – 2010.
8. Key Indicators for Asia and Pacific 2010.
9. World Energy Outlook 2010.

А.Е. Борисенкова (Москва)

КЛАССИФИКАЦИЯ СТРАН ЕВРОСОЮЗА ПО СТЕПЕНИ ВОВЛЕЧЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРИЗМ

Borisenkova A.Y.

EU COUNTRIES CLASSIFICATION BY THE DEGREE OF THEIR INVOLVEMENT IN THE INTERNATIONAL TOURISM

Аннотация. В статье предлагается методика ранжирования стран по степени вовлеченности в международный туризм, проводится ранжирование стран ЕС, на основе ранжирования выделяются группы стран и дается характеристика групп.

Abstract. The author offers a new classification based on the degree of countries' involvement in the international tourism, arranges EU countries by their rating, divides the countries into classes and characterizes the classes.

Ключевые слова: международный туризм, классификация, ранжирование, рейтинги, степень вовлеченности в международный туризм, группы стран.

Keywords: international tourism, classification, ranking, ratings, degree of countries' involvement in the international tourism, country group.

Согласно определению Э.Б. Алаева, классификация – это «группировка изучаемых объектов по совокупностям (классам), различающимся между собой преимущественно количественными признаками, а наблюдаемое при этом качественное различие между соседними классами отражает, как правило, динамику развития объектов или их иерархический порядок» [1]. Этот метод исследования применяется в том числе и в географии туризма. Однако существующие классификации стран часто являются более экономическими, нежели туристскими.

А.Ю. Александрова в своей работе «Структура туристского рынка» [2] проводит классификацию стран мира по уровню развития в них международного туризма на основе 12 статистических показателей, выделяя в результате пять групп стран. Первую и вторую оценочные группы составили страны Центра мирового туристского пространства, третью – страны Полупериферии, четвертую и пятую – страны Периферии. Данное ранжирование отражает специфику туристского развития стран и регионов мира. Вместе с тем оно в основном совпадает с классификацией стран мира по уровню их социально-экономического развития.

Всемирная туристская организация ЮНВТО использует в своей работе классификацию стран по уровню экономического развития [4]. Эта же классификация используется и другими международными организациями, работающими в области туризма,

хотя она была разработана специалистами Всемирного банка не как туристская.

Мы попытались провести классификацию стран именно с точки зрения международного туризма. При классификации стран Евросоюза по степени вовлеченности в международный туризм мы решили опираться на рейтинги стран, полученные при помощи методики ранжирования. Рейтинги определяются на основе ряда статистических показателей.

При выборе показателей, по которым проводилось ранжирование, автор руководствовался принципами, изложенными в работе «География туризма» [3]:

- показатели должны отражать сущность исследуемого явления
- все показатели должны быть относительными (доля в процентах, душевые показатели или в расчете на единицу площади территории), поскольку только они позволяют проводить межстрановые сравнения
- показатели должны носить репрезентативный характер и поддаваться количественной обработке.

Показатели, по которым проводится ранжирование, охватывают различные аспекты туризма (экономический, инфраструктурный, численность и направление туристских потоков и др.), но все относятся именно к международному туризму. Показатели, относящиеся к уровню экономического развития стран, намеренно не включены в список. Все статистические данные взяты за 2009 г.

1. Доля страны от общего числа международных туристских прибытий по странам ЕС.
2. Отношение числа международных туристских прибытий к численности населения принимающей страны.
3. Доля страны от общего числа международных туристических поездок жителей стран ЕС.
4. Количество зарубежных туристических поездок на душу населения.
5. Доля страны в общем гостиничном фонде Евросоюза.
6. Количество мест в коллективных средствах размещения на 1 км².
7. Доля занятых в сфере размещения и общественного питания от общего числа экономически активного населения.
8. Доля доходов от международного туризма в ВВП страны.
9. Доля ночей, проведенных в стране иностранными туристами от общего количества туристских ночей в коллективных средствах размещения.

Методика расчета рейтингов

Для каждого показателя по каждой стране рейтинги рассчитывались по формуле:

$$A = (N_{\text{стр}} - N_{\text{мин}}) \div (N_{\text{макс}} - N_{\text{мин}}),$$

где $N_{\text{стр}}$ – показатель для данной страны;
 $N_{\text{мин}}$ – наихудший показатель из имеющихся по странам Евросоюза;

$N_{\text{макс}}$ – наилучший показатель из имеющихся по странам Евросоюза.

Исходные статистические данные были взяты из различных официальных источников (Европейское статистическое агентство Eurostat, Всемирный банк, Всемирная туристская организация UNWTO), остальные показатели рассчитаны автором. Полученные рейтинги по 9 показателям для каждой из стран были суммированы, а страны ранжированы по итоговому рейтингу.

На основании полученного ранжирования стран Евросоюза по степени вовлеченности в международный туризм были выделены 4 группы.

I группа. В первую группу вошли, главным образом, небольшие страны с небольшим абсолютным «туристооборотом», максимально вовлеченные в международный туризм. Соответственно, цифры, показывающие долю этих стран от Евросоюза в целом

по какому-либо показателю, весьма скромны. За исключением только Австрии – здесь доля от общего количества международных туристских прибытий и доля в общем гостиничном фонде ЕС, хоть и не велика, но все же выше среднего. Зато показатели, рассчитанные на душу населения или единицу площади страны, для стран первой группы максимальны. И это вполне понятно, учитывая небольшой размер этих стран. Также велика в странах, относящихся к первой группе, доля занятых в сфере размещения и общественного питания и доля доходов от международного туризма в ВВП. В жизни стран, относящихся к первой группе, международный туризм имеет очень большое значение.

Надо отметить, что эти страны сильно различаются по видам туризма, а также, хотя и в гораздо меньшей степени, по направлениям туристских потоков. Кипр и Мальта – южные островные государства, расположенные на побережье теплых морей. Здесь важную роль играет пляжный туризм. Специализация Австрии – горнолыжный туризм, зимние виды активного отдыха. В Люксембурге, в отличие от остальных стран первой группы, выездной туризм имеет большее значение, чем въездной. Впрочем, если рассматривать показатель доли ночей, проведенных в стране иностранными туристами от общего количества туристских ночей в коллективных средствах размещения, то в Люксембурге, как и во всех остальных странах первой группы, этот показатель значительно выше среднего. Въездной туристский поток с лихвой перекрывает количество внутренних туристов, поскольку на каждого жителя этих стран приходится в среднем от 1,7 до 2,9 прибытий иностранных туристов.

Тем не менее, несмотря на указанные различия, все эти страны имеют достаточно общих черт, чтобы их можно было отнести к одной группе.

II группа. За исключением Ирландии, это крупные страны с большим «туристооборотом», гиганты индустрии международного туризма, занимающие в ЕС лидирующее положение практически по всем абсолютным показателям, а по количеству международных туристских прибытий и доходам от международного туризма входящие в первую десятку стран мира.

В отличие от стран первой группы, в странах, относящихся ко второй группе (за

Таблица 1

*Классификация стран ЕС по степени вовлеченности
в международный туризм*

Группы	Страны	Общий рейтинг	Группы	Страны	Общий рейтинг
I	Мальта	4,90	IV	Дания	1,63
	Кипр	3,93		Латвия	1,44
	Люксембург	3,92		Бельгия	1,35
	Австрия	3,79		Швеция	1,22
II	Испания	3,18		Литва	1,09
	Великобритания	3,16		Финляндия	1,08
	Ирландия	3,06		Словакия	1,05
	Германия	3,04		Польша	0,65
	Франция	2,90		Румыния	0,44
	Италия	2,89			
III	Греция	2,59			
	Эстония	2,13			
	Болгария	2,08			
	Словения	1,95			
	Нидерланды	1,83			
	Португалия	1,80			
	Венгрия	1,76			
	Чехия	1,65			

исключением Ирландии), показатели доли от общего количества международных туристских прибытий, зарубежных туристических поездок и доли в общем гостиничном фонде ЕС выше среднего. А вот показатели, рассчитанные на душу населения или единицу площади страны, по сравнению со странами первой группы, ниже, поскольку почти все эти страны занимают в Евросоюзе лидирующие места по площади территории и по численности населения.

Это экономически высокоразвитые страны. За исключением Испании, годовой национальный доход на душу населения всех этих стран составил в 2009 г. от 20 до 25,5 тысяч евро. В Испании – 18,3 тысячи евро. При этом доля доходов от международного туризма в ВВП стран второй группы существенно ниже, чем стран первой группы. Доля занятых в сфере размещения и общественного питания во второй группе тоже несколько ниже, но не так значительно.

Входящие во вторую группу страны являются как поставщиками туристов, так и центрами их притяжения. В более северных и холодных Великобритании и Германии выездной туризм заметно преобладает над въездным (но тот и другой потоки велики – показатели выше среднего). А более южные и теплые Франция, Италия и Испания

принимают больше туристов, чем отправляют. Во всех странах второй группы, кроме Испании и Ирландии, доля ночей, проведенных в стране иностранными туристами от общего количества туристских ночей в коллективных средствах размещения сравнительно невелика. Только в Италии она достигает 43%, а в Германии не набирает и 20%. Несмотря на огромную численность иностранных туристов, внутренний туризм не сдает своих позиций. Большая численность населения этих стран и его активное участие в туристических поездках по своим странам позволяет внутреннему турпотоку преобладать над внешним.

III группа. Небольшие по размеру страны с уровнем экономического развития ниже среднего по Евросоюзу (за исключением экономически высокоразвитых Нидерландов), в основном страны бывшего соцлагеря, преимущественно без выхода к теплым морям (или вовсе не имеющие выхода к морю). За исключением Нидерландов и Чехии, здесь достаточно велика доля доходов от международного туризма в ВВП. Так, например, в Болгарии она достигает 8,8%, в Эстонии – 7,6% при среднем показателе для ЕС 4,3%. При этом доля занятых в сфере размещения и общественного питания от общего числа экономически активного населения выше

средних по ЕС значений поднимается только в Греции, Болгарии и Португалии.

Доли ночей, проведенных в стране иностранными туристами от общего количества туристских ночей в коллективных средствах размещения по сравнению со странами второй группы снова повышается до значений выше среднего. Здесь въездной турпоток не так велик, как в странах второй группы, а численность населения не так мала, как в странах первой группы. При этом доля туристов от общей численности населения этих стран невелика, за исключением Нидерландов, Словении и Чехии. В Словении и Чехии она выше 45%, в Нидерландах достигает 57%. Но зато в остальных странах третьей группы этот показатель не превышает 38%, в Португалии составляет лишь 21%, а в Болгарии и вовсе равен 7%. Это можно объяснить невысокими доходами населения указанных стран.

Все остальные показатели подавляющего большинства стран этой группы не превышают средних значений для ЕС, а по уровню доли от общего числа зарубежных туристических поездок, доли в общем гостиничном фонде ЕС и количеству мест в коллективных средствах размещения на 1 км² – сильно отстают от них.

IV группа. Страны ЕС, наименее вовлеченные в международный туризм: экономически менее развитые восточные либо высоко экономически развитые северные страны.

По сравнению со странами третьей группы, здесь ниже доля занятых в сфере размещения и общественного питания и доля доходов от международного туризма в ВВП. Это объясняется небольшим въездным потоком, в ряде стран этой группы сочетающимся с высоким уровнем экономического развития.

А большая доля доходов от туризма в ВВП, как правило, характерна для стран с невысоким уровнем экономического развития – стабильная экономика не может зависеть от поступлений от международного туризма.

Страны, входящие в четвертую группу, расположены преимущественно на севере и востоке Евросоюза и не имеют выхода к теплым морям. Единственное исключение – Румыния, но в этой стране пляжный туризм не получил большого развития.

Все эти страны, кроме Польши и Словакии, имеют отрицательное сальдо туристского баланса и, следовательно, являются преимущественно поставщиками туристов, а не реципиентами.

Следствием небольшого въездного турпотока является невысокая доля занятых в сфере размещения и общественного питания и доля в общем гостиничном фонде ЕС – невысокий спрос не способствует росту предложения. Отсюда же и невысокая доля доходов от международного туризма в ВВП даже тех стран, чей уровень экономического развития – один из самых низких в ЕС.

Необходимо отметить, что уровень экономического развития все же отчасти прослеживается в данном ранжировании, но, тем не менее, нельзя сказать, что оно полностью совпадает с делением стран по уровню экономического развития.

В целом, можно сказать, что туризм – одна из наиболее активно развивающихся отраслей современного мирового хозяйства, а Европа – тот регион, где она развита, как нигде в мире, а тенденции и закономерности проявляются, возможно, наиболее ярко. Поэтому исследование пространственной организации туризма в странах Европы представляет собой большое поле для деятельности.

Библиографический список

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983.
2. Александрова А.Ю. Структура туристского рынка. – М.: Пресс-Соло, 2002.
3. География туризма: учебник / кол. авторов; под ред. А.Ю. Александровой. – М.: КНОРУС, 2008.
4. Официальный сайт Всемирной туристской организации unwto.org.

Т.И. Потоцкая (Смоленск)

«ПОСРЕДНИКИ» НА МИРОВОМ АЛМАЗНО-БРИЛЛИАНТОВОМ РЫНКЕ: БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Pototskaya T.I.

«MEDIATORS» ON THE WORLD DIAMOND MARKET: MIDDLE EAST

Аннотация. В статье изложены результаты исследования роли посредников в мировом алмазно-бриллиантовом комплексе. Выявлена география посредничества. Показано место стран Ближнего Востока в посреднических операциях на мировом алмазно-бриллиантовом рынке.

Abstract. The article presents the results of research on the role of intermediaries in the global diamond complex. Spotted geography mediation. The place in the Middle East brokering transactions in the global diamond market.

Ключевые слова: алмазно-бриллиантовый комплекс, алмазно-бриллиантовый рынок, посредники, экономика стран Ближнего Востока.

Keywords: diamond complex, diamond market, intermediaries, the economy of the Middle East.

Изменение формы собственности на предприятия разных видов экономической деятельности в постсоветский период привело к значительным изменениям в научных подходах к отраслевым экономико-географическим исследованиям. В первую очередь это относится к изучению субъектов отрасли. Государственная форма собственности формировала в качестве основных субъектов отрасли компании – производителей и потребителей, и поэтому исследования рынков строились на выявлении географии их деятельности. После появления и, последующего доминирования в национальных экономиках частной формы собственности, стали возникать компании-посредники, играющие наряду с производителями и потребителями не просто значительную, но зачастую и определяющую роль в функционировании отрасли. Они образуют вторичный рынок, емкость которого может быть не только сопоставима с емкостью первичного рынка, но даже и превышать его.

При проведении отраслевых экономико-географических исследований невозможно не учитывать деятельность посредников, т.к. география посредничества значительно отличается от географии производства и географии потребления. Посреднические функции концентрируются в пределах тех

территорий, которые имеют режим льготного налогообложения и/или законодательства (в силу того, что товар проходит через территорию транзитом, она не должна увеличивать его стоимость) и квалифицированные кадры, способные осуществлять посреднические операции. Вместе с тем посреднические функции не возникают на пустом месте. Чаще всего они являются следствием или ранее существовавшей на данной территории производственной функции, или существующей ныне потребительской в рамках конкретной отрасли.

Наиболее существенна роль посредников в деятельности тех отраслей, которые, во-первых, формируют рынок B2B¹ (а это в основном межотраслевые комплексы), а во-вторых, производят так называемый «небиржевой товар»². Ярким примером такого комплекса можно считать алмазно-бриллиантовый комплекс (АБК). Он образует рынок B2B, на котором продаются алмазы и бриллианты, не являющиеся классическим биржевым товаром. Согласно общепринятой схеме отраслевой структуры АБК, называемой «алмазным трубопроводом» (рис. 1), в него входят: алмазная отрасль (добыча алмазов, торговля алмазами), гранильная отрасль (производство бриллиантов, торговля бриллиантами), ювелирная отрасль

¹ B2C (business-to-customer) – потребительский рынок, т.е. ориентированный на конечного потребителя; B2B (business-to-business) – промышленный рынок, т.е. ориентированный на промышленные предприятия.

² Биржевой товар – это товар массового производства, активно перепродаваемый на организованных рынках, обладающий качественной однородностью, сопоставимостью качественных характеристик, взаимозаменяемостью отдельных партий, что позволяет вести торговлю им по описаниям и образцам [7]. Соответственно «небиржевой товар» – товар, не соответствующий критериям «биржевого товара» (автор).

Рис. 1 Отраслевая структура алмазно-бриллиантового комплекса на основе «алмазного трубопровода» – 2009 г. Составлено по [8]

(производство ювелирных изделий с бриллиантами, торговля ювелирными изделиями с бриллиантами). Посредническая деятельность в АБК сконцентрирована в пределах алмазной и гранильной отраслей.

Остановимся на причинах, приводящих к её возникновению. Посредничество в алмазно-бриллиантовом комплексе имеет под собой как субъективные, так и объективные причины. К субъективным можно отнести процесс ценообразования на алмазы и бриллианты, которые будучи физически неоднородным товаром (каждый камень индивидуален по набору свойств – вес, цвет, чистота, форма, форма огранки, качество огранки) требуют к себе особого внимания оценщика (к каждому камню!). При этом только весовые характеристики алмаза и бриллианта измеряются абсолютно, остальные параметры определяются визуальным путем сравнения с образцом. Поэтому, разница в оценке стоимости камня разными экспертами может быть значительна. Отсюда и возможность спекуляции. Борьба с ней создает потребность в высококвалифицированных кадрах оценщиков товара и необходимость создания геммологических лабораторий, занимающихся оценкой и сертификацией алмазов и бриллиантов. Это начало цепочки посредников на алмазно-бриллиантовом рынке.

Объективные причины посредничества то же связаны с физической неоднородностью добываемых алмазов и, производимых из них бриллиантов. Более того посредники являются необходимым звеном, связывающим между собой алмазную, гранильную

и ювелирную отрасли в единый комплекс. Первая «посредническая» связка (между алмазной и гранильной отраслью) возникает в результате того, что гранильная компания производит только тот спектр бриллиантов, который рентабельно производить на данной территории. Предприятия, специализирующиеся на производстве бриллиантов идеальной и коммерческой огранок, испытывают потребность в высококачественном алмазном сырье. Предприятия, специализирующиеся на производстве бриллиантов индийской огранки испытывают потребность в алмазном сырье невысокого качества (околоювелирное сырьё). Поэтому возникает потребность в услугах посредников, занимающихся сортировкой и комплектацией алмазов в соответствии с условиями рентабельности ведения гранильного бизнеса в стране, на территории которой они будут обрабатываться. Традиционно эта функция в рамках мирового алмазного рынка выполнялась крупнейшей алмазодобывающей компанией мира – De Beers³. Сформировав одноканальную систему сбыта алмазного сырья, которое закупалось у основных алмазодобывающих компаний мира, она сконцентрировала в своих руках всю деятельность, связанную с дальнейшей сортировкой алмазного сырья и его комплектацией в соответствии с потребностями крупнейших гранильных компаний мира. Впоследствии (90-е годы XX века) эта система переросла в программу «Поставщик выбора», которая обеспечивает гарантированные поставки необходимого по ассортименту и качеству алмазного сырья, ведущим

³ De Beers – крупнейшая алмазодобывающая компания мира (36% мировой добычи алмазов, 50% мировой торговли алмазами), осуществляющая геологоразведочную и добывающую деятельность на территории 13 стран, торговую деятельность через дочерние компании DTC и Diamdel на территории 9 стран.

гранильным компаниям мира, что позволяет им эффективно развивать гранильный бизнес в границах своих государств.

Вторая «посредническая» связка (между гранильной и ювелирной отраслями) возникает в результате того, что гранильные компании не могут продать свой товар сразу конечному потребителю (ювелиру). Ювелиру, как правило, нужны камни со схожими характеристиками (например, если речь идет о производстве серег, ожерелий, браслетов и т.д.) и в достаточном количестве.

Поэтому необходимы услуги посредников, занимающихся комплектацией бриллиантов для будущих ювелирных изделий. Отсюда и длинная торговая цепочка посредников в продвижении бриллиантов. В начале – это крупные оптовики, хорошо знающие конъюнктуру мирового ювелирного рынка, его товарные и региональные предпочтения и умело комплекующие лоты бриллиантов для дальнейшей продажи. Затем – это средние и мелкие оптовики, работающие на конкретные ювелирные компании под определенные заказы. Завершают цепочку собственно ювелирные компании.

Изначально посреднические функции концентрировались в экономически развитых странах (Великобритания, Израиль, Бельгия, США), т.к. в них есть необходимая для этого высококвалифицированная рабочая сила. Однако, сегодня посреднические функции «уходят» из данной группы стран, в силу того, что они используют протекционистские меры для защиты своей «дорогой» экономики от иностранной конкуренции. Протекционизм и посредничество очень трудно совместимы. Поэтому посредничество мигрирует в государства, которые с одной стороны не применяют протекционизм или он незначителен, а с другой стороны есть развитая культура потребления алмазов/бриллиантов, а значит, есть база, на которой можно сформировать высококвалифицированные кадры для оценки и сертификации камней. Отсюда и появление новых посреднических центров в торговле с алмазами/бриллиантами. Самыми быстрыми темпами данный процесс происходит в ОАЭ, Бахрейне, Катаре. Из-за отсутствия в этих государствах многоотраслевой экономики, у них отсутствуют и элементы политики протекционизма в целом, что стимулирует формирование открытой экономики и как

следствие – посреднических функций. В зарубежной отраслевой литературе, направленной на исследование АБК, для обозначения названных государств используется общее название «Ближний Восток». При этом обычно под ним понимается только азиатская составляющая этого традиционного географического региона.

Если рассматривать Ближний Восток в таком контексте, то в него входит 14 стран Юго-Западной Азии. Единственная страна региона, которую мы не рассматриваем в его составе – это Израиль, т.к. во-первых, АБК данного государства представляет собой особый региональный сегмент, не сопоставимый по своим масштабам и отраслевой структуре с АБК остальных стран региона, а во-вторых, политические проблемы, связанные с вооруженной стадией развития арабо-израильского конфликта не позволяют рассматривать внутренний рынок страны, как часть единого регионального рынка.

В таком составе Ближний Восток как самостоятельный регион изучают и некоторые зарубежные отраслевые аналитики (Chaim Even-Zohar), формируя на этой основе отраслевую статистику, в частности, «алмазный трубопровод». Однако, чаще всего, когда речь идет об АБК данного региона, его территориально сужают до региона Персидского залива (в зарубежной отраслевой литературе этот регион принято называть Gulf). При этом такие крупные государства как Иран и Ирак, выходящие к Персидскому заливу, в него не включаются.

Для того чтобы определить место, которое занимает рассматриваемый регион в мировом АБК, необходимо определить свойства данной территории, которые стимулируют развитие собственного АБК. На наш взгляд, это, в первую очередь, достаточно высокие потребительские свойства данного рынка, основанные на значительной емкости и ее постоянном росте, а также на существовании в регионе развитой культуры производства и потребления ювелирных изделий. Быстро развивающаяся собственная ювелирная промышленность, потребляет бриллиантов ежегодно на сумму около 3-4 млрд. долл. (21% мировых продаж бриллиантов – 2 место после США). При этом по темпам роста потребления бриллиантов Ближний Восток вышел на бесспорное 1 место – двукратное увеличение за последние 7 лет (статистика

по потреблению данного региона впервые была опубликована только в 2002г.), обогнав таких мировых лидеров, как США и Европа. И это на общем фоне сокращения потребления бриллиантов в связи с кризисными явлениями на мировом рынке!

Необходимо отметить, что в разных группах стран, входящих в регион существуют и качественно разные потребности в бриллиантах. Так, в странах Gulf одинаково востребованы бриллианты всех весовых категорий высшего качества с небольшим перевесом в сторону мелких камней (менее 0,07 кар⁴).

В остальных странах региона (в первую очередь речь идет о наиболее ювелирных странах – Турции, Иране) наибольшим спросом пользуются бриллианты мелких размерно-весовых групп (менее 0,07 кар.), а наименее востребованными являются «каратники» (1 кар. и более). Данное обстоятельство определяется разной покупательной способностью населения в названных группах стран.

Хорошими потребительскими свойствами выделяется не только рынок бриллиантов, но и ювелирный рынок региона. Ежегодные объемы потребления ювелирных изделий бриллиантов здесь достигает 12 млрд. долл. Это более 20 % мирового потребления ювелирных изделий с бриллиантами и 2 место в мире (после США). Как и в случае с рынком бриллиантов, ювелирный рынок лидирует в мире по темпам роста, значительно опережая своих традиционных конкурентов – США и страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Более того, темпы потрясают воображение – увеличение в 3,5 раза по сравнению с 2002 г. И это на фоне мирового экономического кризиса!!! За этот же самый период увеличение объема потребления произошло только в странах Азиатско-тихоокеанского региона (на 38%), в то время как во всех других регионах наблюдалось его сокращение.

Страны Ближнего Востока значительно отличаются друг от друга разным спросом на ювелирные изделия с бриллиантами. Так, для Gulf, по данным De Beers, характерно потребление изделий с высокой ценовой категории и эксклюзивного товара. Их средняя стоимость составляет около 1 500 тыс. долл. При этом самым емким и быстрорастущим внутренним рынком из рассматриваемого региона обладает Саудовская Аравия.

Она формирует 4% мирового потребления бриллиантов и около 2% мирового потребления ювелирных изделий с бриллиантами (большая часть ювелирных изделий, продаваемых в стране, потребляется иностранными гражданами). В то же время, в Турции – типичном представителе другой группы государств Ближнего Востока, на которую приходится около 2% мирового потребления бриллиантов и 1% мирового потребления ювелирных изделий с бриллиантами, наиболее востребован недорогой товар средней стоимостью ювелирных изделий с бриллиантами в 250 долл. [1].

Несмотря на то, что на страны Персидского залива приходится только половина продаж ювелирных изделий с бриллиантами в Ближневосточном регионе, именно они, благодаря льготному законодательству (табл. 1) в сфере торговли делают ювелирный рынок региона привлекательным и обеспечивают ему высокие темпы роста. С этой целью в регионе проводится большое количество международных мероприятий, стимулирующих спрос. К ним относятся международные ювелирные выставки, торговые фестивали. Так, из 9 ближневосточных выставок, 6 проходят в странах Персидского залива (5 в ОАЭ, 1 в Бахрейне). Таким образом, ОАЭ выступает в качестве основного государства региона, стимулирующего его потребительские свойства.

Наиболее активно посреднические операции реализуются в ОАЭ через создание свободных экономических зон (СЭЗ).

В стране их 15, самая важная – Джебел Али (г. Дубай). Она играет роль ворот арабского мира (5000 компаний, из которых 2300 являются иностранными, 1 млрд. долл. иностранных инвестиций, 16 млрд. долл. экспорта ежегодно). По действующему законодательству в СЭЗ разрешена работа компаний со 100% иностранным капиталом, они освобождаются от всех импортных пошлин и корпоративного налога на 50 лет. В СЭЗ отсутствуют ограничения на перемещение капитала и прибылей, оказывается высокий уровень административной поддержки со стороны руководства, сроки получения лицензий минимальны. Владельцы иностранных компаний и их служащие также имеют свободный доступ к рабочим ви-

⁴ Карат – единица измерения массы алмазов и бриллиантов, общепринятая в алмазном бизнесе. 1 карат равен 0,2 грамма (автор).

Таблица 1
Позиция стран Ближнего Востока в мировом рейтинге налоговых режимов, 2009 г.
Составлено по [5]

Позиция в мировом рейтинге	Страны, вовлеченные в функционирование АБК	Кол-во уплачиваемых налогов (платежей в год)	Время, затрачиваемое на уплату налогов (часов в год)	Величина полной налоговой ставки (% от коммерческой прибыли)
2	Катар	1	36	11,3
4	ОАЭ	14	12	14,1
7	Саудовская Аравия	14	79	14,5
8	Оман	14	62	21,6
11	Кувейт	15	118	15,5
13	Бахрейн	25	36	15
26	Иордания	26	101	31,1
34	Ливан	19	180	30,2
53	Ирак	13	312	28,4
75	Турция	15	223	44,5
83	Израиль	33	230	32,6
105	Сирия	20	336	42,9
117	Иран	22	344	44,2
148	Йемен	44	248	47,8

Позиция стран в мировом рейтинге налоговых режимов определяется по трём главным параметрам: времени, затрачиваемом на уплату налогов, их количеству и совокупной величине налоговых отчислений.

зам и к визам на проживание. Перечисленные особенности функционирования СЭЗ были использованы для стимулирования торговых операций с драгоценными металлами и камнями. Это вылилось в создание в 2001 г. специализированного торгово-промышленного парка в рамках Джебель Али – «парк золота и бриллиантов». Стоит отметить, что льготы на продажу золотых ювелирных изделий характерны не только для СЭЗ, они присутствуют на всей территории страны (изделия из золота не облагаются налогом на импорт и НДС, а в свою очередь, большой объем их продаж позволяет удерживать цены на небольшой высоте). Посреднические функции Дубай реализуются через внешнеторговую деятельность Дубайского мультитоварного центра (DMCC)⁵. Членами DMCC являются 800 региональных и международных компаний, представляющих интересы разных отраслей. Одно из подразделений DMCC – Алмазная Биржа, вступившая в 2005 г. в состав Всемирной Федерации алмазных бирж (WFDB), осуществляет внешнеторговые операции с алмазами и бриллиантами. Это позволяет

стране занимать значительные позиции в мировом АБК (табл. 2, 3). Остановимся на них более подробно.

Во-первых, ОАЭ входит в пятерку лидеров мирового импорта алмазов наряду с Индией, Бельгией, Великобританией и Израилем, занимая пятое место и, формируя около 10% его объема. В 2003 г. (год появления официальной статистики по внешнеторговым операциям ОАЭ с алмазами и бриллиантами) доля страны в названной операции не превышала 2%. Столь значительные темпы роста нуждаются в услугах геммологов. Поэтому свои обучающие курсы проводят здесь ведущие геммологические лаборатории мира. В стране уже работают HRD⁶, IGI⁷, GIA⁸. Основными источниками алмазов для ОАЭ с одной стороны, выступают традиционные посредники в торговых операциях с алмазами. Около 50% импорта в стоимостном выражении приходится именно на них – это ЕС (Великобритания, Бельгия), Швейцария и США. С другой стороны, это алмазодобывающие страны, на них приходится 37% импорта. Из них лидирует Ангола, и ДР Конго.

⁵ DMCC – Dubai Multi Commodities Centre

⁶ HRD(The Diamond High Council) – Высший алмазный совет Бельгии

⁷ IGI (International Gemological Institute) – Международный Геммологический Институт

⁸ GIA (Gemological Institute of America) – Геммологического Института Америки

⁹ DTC (Diamond Trading Company) – Торговое подразделение De Beers, через которое осуществляются все торговые операции компании с алмазами.

Таблица 2
Динамика внешнеторговых операций с алмазами стран Ближнего Востока (млн. долл.).
Рассчитано по [3]

		Израиль	ОАЭ	Всего (Ближний Восток)	Всего (мир)	Доля Ближнего Востока, %	Доля ОАЭ, %
1999	импорт	3869	–	3869	14925	26	–
	экспорт	1092	–	1092	12686	9	--
2009	импорт	2497	2000	4497	20709	22	10
	экспорт	1891	2830	4721	16120	30	18

Таблица 3
Динамика внешнеторговых операций с бриллиантами стран Ближнего Востока (млн. долл.)
Составлено и рассчитано по [3,8]

		Израиль	ОАЭ	Всего (Ближний Восток)	Всего (мир)	Доля Ближнего Востока, %	Доля ОАЭ, %
1999	импорт	1374	–	1374	17188	8	–
	реэкспорт	1329	–	1329	18866	7	–
2009	импорт	2508	3670	6178	40588	15	9
	реэкспорт	2522	2730	5252	41863	13	6

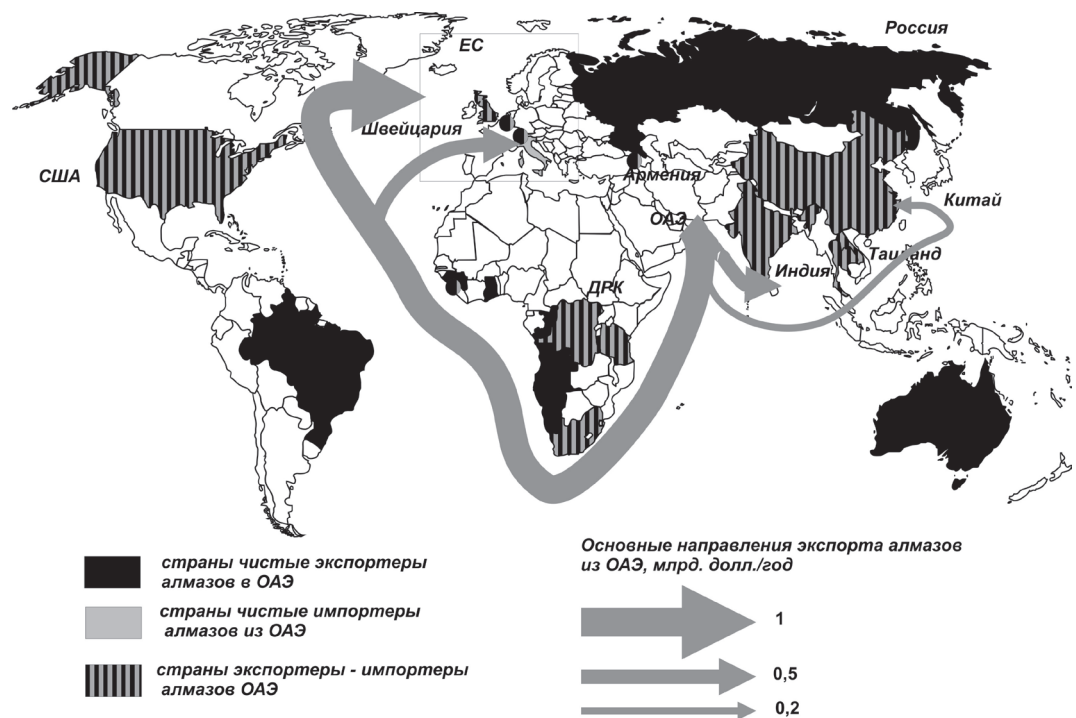
Небольшая часть алмазов поступает из стран, специализирующихся на производстве бриллиантов – Индии, России, ЮАР и др. Неудивительно, что DTC⁹ открыла свой офис в Дубаи. Самые дорогие алмазы ввозятся из ЮАР (693 долл./кар.), Анголы (247 долл./кар.), Сьерра-Леоне (244 долл./кар.), Гайаны (155 долл./кар.) и Намибии (152 долл./кар.), а самые дешевые из Индии и Бразилии (менее 20 долл./кар.). Средняя стоимость алмазов, ввозимых из России невелика – 21 долл./кар. Поскольку в ОАЭ отсутствует гранильное производство, качество ввозимых алмазов не является определяющим критерием при формировании импорта. Поэтому их средняя стоимость, как впрочем, и средняя стоимость экспортируемых алмазов не велика – 40 долл./кар и 65 долл./кар, соответственно (типичное свойство посредника: приблизительно равная стоимость ввезенного и вывезенного товара).

Во-вторых, ОАЭ входит в тройку лидеров мирового вторичного экспорта алмазов наряду с Бельгией, Великобританией, занимая третье место и, формируя около 18% его объема. При этом за рассматриваемый период произошло не только значительное увеличение доли страны (7% в 2003 г.), но и стремительное «вытеснение» Израиля из данной

операции. Основными потребителями алмазов, закупаемых в ОАЭ, выступают традиционные посредники в торговых операциях с алмазами. На них приходится более 70% экспорта в стоимостном выражении – это ЕС (Бельгия), Швейцария и США. Вторую группу потребителей образуют производители бриллиантов – 28% экспорта в стоимостном выражении. Это Индия, Китай, а также ЮАР, Таиланд, Армения и Беларусь. Самые дорогие алмазы идут в США (866 долл./кар.), Армению (574 долл./кар.), Танзанию (434 долл./кар.), ЮАР (296 долл./кар.), Сьерра-Леоне (274 долл./кар.), а самые дешевые – в ДР Конго и Индию (менее 30 долл./кар.).

В отличие от импорта алмазов, структура которого устойчива и практически не изменилась за последние годы, структура экспорта алмазов постоянно меняется. Те государства, которые в предыдущие годы были лидерами в данной торговой операции с ОАЭ, в последующие годы превращаются в аутсайдеров и наоборот. Данное обстоятельство обычно характерно для новых видов деятельности государства и свидетельствует о ненасыщенности рассматриваемой товарной ниши.

Сравнивая между собой объемы импорта и экспорта алмазов ОАЭ, становится оче-

видно, что экспортируется алмазов больше, чем импортируется (2,8 млрд. долл. против 2 млрд. долл.), что при учете отсутствия алмазных рудников, заставляет задуматься. Скорее всего, мы имеем дело или с неполной официальной информацией, отражающей реальный импорт алмазов, что неоднократно отмечалось зарубежными отраслевыми аналитиками, или с теневым сектором национальной экономики ОАЭ.

В-третьих, в отличие от информационной обеспеченности внешней торговли ОАЭ алмазами, статистическая информация о развитии внешней торговли ОАЭ бриллиантами впервые появилась в 2005 г., что говорит о первоначальной ориентации страны на обслуживание торговых операций с алмазами. Однако последующие события показали, что торговые операции с бриллиантами вышли на первый план, заняв доминирующее положение (внешнеторговый оборот бриллиантов ОАЭ в 2009 г. превысил внешнеторговый оборот алмазов этой страны – 6 млрд. долл. и 4,8 млрд. долл., соответственно). Сегодня ОАЭ входит в пятерку лидеров мирового импорта бриллиантов наряду с США, Ин-

дией, Бельгией и Гонконгом, занимая пятое место и, формируя около 9% его объема (2% в 2003 г.). Такие быстрые темпы не могут сохраняться длительный период и свидетельствуют не столько о большой емкости рынка, сколько о начальном этапе его развития. Неудивительно, что из 82 сайтхолдеров De Beers¹⁰, 35 активизировали свою деятельность именно в Дубаи, 7 из которых в 2006 г. уже являлись членами DMCC: AMC DMCC (Бельгия), Rosy Blue DMCC (Индия, Бельгия), Leo Schachtre Diamonds DMCC (Израиль, США), Suresh Company DMCC (Индия), K. Girdharlal DMCC (Индия), S. Vinodhkumar DMCC (Индия), Suresh Brothers DMCC (Индия). Многие из них не ограничиваются дилерской деятельностью, а стремятся к созданию производственной базы (гранильных и ювелирных заводов) с последующим формированием розничной торговой сети (как, например, Rosy Blue).

В отличие от алмазов, бриллианты имеют своего потребителя на внутреннем рынке ОАЭ в лице ювелирной промышленности. Поэтому часть импортируемых бриллиантов идет именно в неё.

¹⁰ Сайтхолдер (от англ. sight holder – приглашенный на просмотр алмазов) - компания, являющаяся постоянным клиентом De Beers и, имеющая право гарантированного обеспечения алмазным сырьем от нее в течение 2,5 лет.

Соотношение импорта и экспорта бриллиантов, позволяет высчитать объем внутреннего потребления бриллиантов – 940 млн. долл. Это уровень потребления таких стран, как Италия, Индия, Гонконг. При этом основными поставщиками бриллиантов в страну выступают Индия (лидер мировой гранильной отрасли) и Бельгия (лидер мировой торговли бриллиантами). Напомним, что именно эти страны лидируют и во внешнеторговых операциях с алмазами. Средняя стоимость ввозимых бриллиантов не велика – 130 долл./кар. Данный аспект интересен, т.к. средняя стоимость ювелирных изделий с бриллиантами, продаваемых в ОАЭ одна из самых высоких в мире – 1530 долл./кар, выше только в Таиланде и Тайване.

В-четвертых, ОАЭ входит в число лидеров мирового реэкспорта бриллиантов наряду с США, Бельгией, Гонконгом, Индией, Израилем, занимая последнее место в этом списке. Начав свое присутствие в данной торговой операции с 1% в 2003 г., ОАЭ смогла увеличить свою долю до 6%. Средняя стоимость экспортируемых бриллиантов невелика – 112 долл./кар. (самая низкая из всех стран-лидеров мирового реэкспорта бриллиантов). Даже у Индии, которая производит самые низкокачественные, а значит самые дешевые бриллианты, она выше – 220 долл./кар. Но для государства, не производящего бриллианты, это не важно. Главное, стоимость экспортируемых и импортируемых бриллиантов должны соответствовать друг другу, что мы и наблюдаем. Это отражает посреднические функции, выполняемые ОАЭ. Основное на-

правление экспорта бриллиантов – США, Бельгия, Индия.

Таким образом, можно сказать, что ОАЭ в отличие от традиционных лидеров мирового АБК – Бельгии, Индии, Израиля, США, Японии, является относительно новым игроком и поэтому обладает высокими темпами роста, что позволяет предположить дальнейшее укрепление позиций страны на исследуемом отраслевом мировом рынке. К тому же, несмотря на декларирование правительством ОАЭ цели создания новых отраслей промышленности, в частности гранильной, страна, пока играет роль посредника в торговых операциях с алмазами и бриллиантами. И, похоже, эта роль ее устраивает, т.к. объективно в ОАЭ существуют факторы, способствующие развитию именно посреднической функции (льготное налогообложение) и нет необходимых условий для быстрого развития производственной функции в рамках АБК (дешевая рабочая сила с позитивной трудовой этикой). Более того, лидеры мирового алмазно-бриллиантового рынка активно поддерживают превращение ОАЭ в значительный посреднический центр, перенося в него необходимую инфраструктуру, в виде геммологических лабораторий, сертифицирующих алмазы, бриллианты и ювелирные изделия с бриллиантами. По все видимости, они преследуют две цели, получая, с одной стороны, через «дешёвое» посредничество ОАЭ прямой доступ к сотрудничеству с алмазодобывающими странами и странами производителями бриллиантов, а, с другой стороны, доступ к потребительскому рынку всего Ближневосточного региона.

Библиографический список

1. Потоцкая Т.И. Международное разделение труда в алмазно-бриллиантовом комплексе. – Смоленск: Издательство Универсум, 2008.
2. Chaim Even-Zohar. Dubai: World Premier Daimond // Diamond Intelligence Briefs 2006, №460.
3. Export – Import Rough and Polished Diamonds // Rapoport Diamond Report 1998–2010 гг.
4. Информационно-аналитический бюллетень «Рынок алмазов и бриллиантов» 2005–2010 гг. (<http://www.diamanters.ru>).
5. РосБизнесКонсалтинг (<http://www.rbk.ru>).
6. Словарь финансовых терминов (<http://dic.academic.ru>).
7. Страны мира (<http://iformatsiya.ru>).
8. Chaim Even-Zohar. Diamond Pipeline 2003 – 2009г.г. // IDEX Online News (<http://www.idexonline.com>).

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

**ИВАНУ ИВАНОВИЧУ
ПИРОЖНИКУ – 60 ЛЕТ**

Исполнилось 60 лет со дня рождения белорусского экономико-географа, известного специалиста в области экономической, социальной, политической и рекреационной географии, профессора, доктора географических наук, декана географического факультета БГУ, заведующего кафедрой экономической географии зарубежных стран Ивана Ивановича Пирожника.

И.И. Пирожник родился 2 января 1952 г. в п. Междуречье Кличевского района Могилевской области. В 1968 г. окончил с золотой медалью Перекольскую среднюю школу, в 1973 г. – с отличием географический факультет БГУ.

Еще в студенческие годы И.И. Пирожник принимал активное участие в деятельности студенческого научного общества БГУ, выступал с научными докладами в МГУ им. М.В. Ломоносова, на научных студенческих конференциях Ленинградского и Калининградского государственных университетов. Первое студенческое научное исследование И.И. Пирожника «Маятниковая миграция населения в Полоцком жилищно-промышленном комплексе» было отмечено Дипломом на Республиканском смотре-конкурсе студенческих научных работ (1972 г.). Основные положения его дипломной работы по применению факторного анализа для оценки ресурсного потенциала территорий были опубликованы в Известиях АН СССР, серия географическая (1975 г.).

В 1976 г. И.И. Пирожник закончил аспирантуру по кафедре экономической географии и в 25 лет успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Экономико-географические проблемы формирования территориальных рекреационных систем и рекреационного районирования в крупном экономическом районе», заняв достойное место среди молодых и талантливых экономико-географов страны.

После защиты кандидатской диссертации научная и педагогическая деятельность И.И. Пирожника вот уже более 35 лет связана с кафедрой экономической географии зарубежных стран БГУ, где он прошел все ступени профессиональной лестницы от ассистента до профессора и заведующего кафедрой.

Профессор И.И. Пирожник обладает целым рядом качеств, которые позволяют ему объединять и направлять усилия коллектива кафедры и всего факультета на эффективную научно-исследовательскую и педагогическую деятельность. Его отличают с одной стороны,

способность генерировать оригинальные идеи, а с другой – целеустремленность, энтузиазм, огромная работоспособность и глубокая научная интуиция. В организационной и преподавательской работе проявляются исключительные душевные качества Ивана Ивановича – дальновидность, доброта, чуткость, объективность при принятии решений.

Благодаря научным трудам профессора И.И. Пирожника о белорусской географической науке узнали далеко за пределами Республики Беларусь. В 1994 – 1995 учебном году он являлся профессором кафедры экономической географии Силезского университета (г. Катовице, Республика Польша), где читал лекции по экономической и политической географии, региональному планированию, теории экономического районирования и проблемам мировой географии. Для своего профессионального роста и изучения достижений мировой географии И.И. Пирожник прошел научные стажировки в Софийском университете им. К. Охридского (1978 г.), Люблинском университете им. Э. Карделя (1984 г.), на факультете политических наук Гуманитарной академии им. А. Гейштора (г. Пултуск, Польша, 2008 г.), выступал с научными докладами и лекциями в Великобритании, Франции, Норвегии, Чешской Республике, Болгарии, Словении и др. В настоящее время активно сотрудничает с ведущими вузами России, Польши, Венгрии, Словакии.

За годы работы в Белорусском государственном университете исследования Ивана Ивановича были связаны с изучением проблем рекреационного природопользования и территориальной организации туризма, урбанизации и развития крупных городов, региональных различий уровня жизни и типологии экономико-географических районов Беларуси.

Основные научные итоги исследований были обобщены в докторской диссертации «Социально-географические тенденции развития и территориальной организации туристского обслуживания (на примере СССР в 1976-1990 гг.)», которая в 1992 г. была издана отдельной монографией в издательстве Силезского университета (Катовице), а в июне 1993 г. защищена в Ягеллонском университете (Краков) на заседании Ученого совета факультета биологии и Наук о Земле (переаттестован БелВАК в 1996 г.). В 1997 г. И.И. Пирожнику присвоено ученое звание профессора по специальности «География», в 1997 г. был избран профессором Российской Международной Академии Туризма (Москва).

Научно-педагогическая деятельность И.И. Пирожника связана в настоящее время с работой на географическом факультете, который он возглавляет с 1998 г. Под руководством профессора И.И. Пирожника проведена реорганизация многоуровневой системы географического образования, открыто 4 новых направления подготовки кадров, модернизирована учебно-лабораторная база факультета. Он принимал участие в создании новой специальности и кафедры международного туризма на факультете международных отношений БГУ.

Развивая основные направления белорусской научной школы по экономической географии, под руководством И.И. Пирожника, в последние годы проведены исследования по совершенствованию территориальной структуры хозяйственного комплекса проблемных регионов Беларуси (2005 г.), оценке конкурентоспособности экономико-географических районов в контексте задач устойчивого развития (2010 г.), им лично выполнены исследования по геоэкономической структуре мирового хозяйства и формам трансграничного сотрудничества приграничных регионов Беларуси и России, изменениям территориальной структуры хозяйственного комплекса стран Центральной и Восточной Европы за годы постсоциалистической трансформации. В области социальной географии, в работах И.И. Пирожника, раскрыты главные тенденции структурных и пространственных изменений городского расселения Беларуси, природно-ландшафтной обусловленности региональной трансформации сельского расселения во второй половине XX в., выполнено междисциплинарное исследование социально-экономических и демографических факторов, определяющих конфессиональную структуру населения Беларуси и разработан «Атлас конфессий и культовых сооружений Беларуси» (2007 г.). В исследованиях по политической географии основные научные результаты И.И. Пирожника охватывают вопросы трансформации политико-географической структуры мира, анализа геополитических концепций мирового развития, освоения природных ресурсов Мирового океана, геополитической ориентации Беларуси в современном мире, географической геоконфликтологии, которые нашли отражение в вузовском учебнике «Геополитика в современном мире» (2008 г.). Новые научные результаты в области рекреацион-

ной географии включают разработку концепций пространственно-функционального анализа и формирования рекреационного пространства на этапе глобализации, стадийности развития территориальной структуры туристского хозяйства, моделей его влияния на экономическое развитие и платежный баланс страны, механизмов формирования туристской ренты, развития специализированных туристских комплексов в регионах Беларуси. Для практики управления туристской отраслью под редакцией И.И. Пирожника подготовлены комплексные справочно-информационные издания «Туристская энциклопедия Беларуси» (2007), «Туристские регионы Беларуси» (2008 г.) и «Курорты и здравницы Беларуси» (2008 г.).

И.И. Пирожник является автором более 250 работ (в том числе 5 монографий и 8 учебных пособий) по геоэкономической структуре мирового хозяйства и политической географии, территориальной организации отраслей социального комплекса и туризма, проблемам рационального природопользования и тематического картографирования. Он является одним из создателей первого «Национального атласа Беларуси» (2002 г.).

И.И. Пирожник ведет большую организационно-методическую работу по подготовке научных кадров, являясь председателем совета по защите диссертаций при БГУ по географическим наукам, координатор ГПНИ «Природопользование», член редакционной коллегии научных журналов «Вестник БГУ. Сер. 2. Химия, Биология, География», «Природные ресурсы», «Земля Беларуси», «Региональные исследования» (Смоленск), “Acta Geographica Silesiana” (Катовице, Польша). Подготовил 1 доктора и 4 кандидатов географических наук. Лауреат научной премии БГУ им. академика А.Н. Севченко в области естественных наук (2003 г.).

За многолетнюю плодотворную работу и значительный вклад в развитие науки и образования в Республике Беларусь И.И. Пирожник награжден Почетной грамотой Национального собрания Республики Беларусь (2001 г.), знаком «Отличник образования» Министерства образования РБ (2009 г.), Почетной грамотой ВАК Беларуси (2009 г.), Почетной грамотой Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь (2011 г.), отмечен государственной наградой Республики Беларусь – медалью «За трудовые заслуги» (2011 г.).

Коллектив сотрудников географического факультета БГУ и члены редколлегии сердечно поздравляют уважаемого Ивана Ивановича с 60-летием, желают крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов в развитии географической науки и образования.

*Поздравляем Ивана Ивановича
с 60-летием, желаем крепкого здоровья
и дальнейших творческих успехов в развитии
географической науки и образования!*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абросимова Ирина Викторовна – аспирант УрГПУ. E-mail: abrosimova45@mail.ru

Аксенов Константин Эдуардович – доктор географических наук, кафедра региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет

Аношкина Екатерина Львовна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории, директор Центра регионального развития, инноваций и управления ПНИПУ, г. Пермь, Пермский национальный исследовательский политехнический университет
E-mail: ekaterin-anoshkin@yandex.ru

Борисенкова Анна Евгеньевна – аспирант кафедры социальной и экономической географии Московского государственного педагогического университета
E-mail: boral@yandex.ru

Булгакова Анна Игоревна – аспирант, Смоленский гуманитарный университет, кафедра географии и туризма
E-mail: bulgakoanna@yandex.ru

Гладкий Александр Витальевич – доктор географических наук, доцент Киевского национального университета имени Тараса Шевченко
E-mail: gladkey@i.com.ua

Горкина Татьяна Ивановна – старший научный сотрудник, кандидат географических наук (Институт географии РАН)
E-mail: gorkinati@yandex.ru

Дадов Алимбек Тимурович – аспирант кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Замятина Надежда Юрьевна – кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Зюзин Павел Владимирович – аспирант кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова
Карпович Юлия Владимировна – старший преподаватель кафедры экономической теории ПНИПУ (Пермский национальный исследовательский политехнический университет)
E-mail: karpushki@mail.ru

Колдобская Наталья Андреевна – аспирант географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: koldobskaya@gmail.com

Кузнецова Светлана Николаевна – ст. преподаватель кафедры туризма и природопользования Тверского государственного университета
E-mail: geotversu@gmail.com

Куркиева Хава Магомедовна – кафедра экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: hava_iie@bk.ru

Магомадов Эмин Мухадинович – профессор ЧГУ, заведующий кафедрой математических методов анализа экономики факультета математики и компьютерных технологий ЧГУ, (г. Грозный, Россия)
E-mail: chgu@yandex.ru

Никитас Денис Викторович – соискатель ФГБОУ ВПО «Всероссийский заочный финансово-экономический институт» (Москва), главный редактор смоленского делового журнала «Портфель»
E-mail: nikitas05@yandex.ru

Пилясов Александр Николаевич – доктор географических наук, директор центра экономики Севера и Арктики СОПС
E-mail: pelyasov@mail.ru

Потоцкая Татьяна Ивановна – доктор географических наук, зав. кафедрой социально-экономической географии Смоленского государственного университета

Решиев Сулайман Сайпудинович – доцент ЧГУ, кандидат экономических наук, начальник отдела экономического и бюджетного планирования Департамента отраслевой политики Администрации Главы и Правительства Чеченской Республики (г. Грозный, Россия)
E-mail: budgetdepchech@mail.ru

Синиченкова Светлана – ассистент Смоленской государственной сельскохозяйственной академии

Фалевич Анастасия Сергеевна – аспирантка, кафедра экономики и финансов, Смоленский гуманитарный университет

Яралян Сергей Александрович – аспирант факультета географии и геоэкологии Санкт-Петербургского государственного университета